

Московский государственный университет
путей сообщения
Императора Николая II

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура

Выпуск № 6(59)

Ноябрь-Декабрь

Москва
2016

УДК 316:7.06:32
ББК 60:63:66:71:85
П 71

Редколлегия журнала:

Маршак А.Л. (главный редактор, д.ф.н, профессор),
Горбунов А.А. (первый заместитель главного редактора, д.п.н, профессор)
Сергеев В.К. (заместитель главного редактора, д.с.н.), Евлаев А.Н. (ответ-
ственный секретарь, к.пол.н., доцент), Кретов Б.И. (д.ф.н., профессор),
Ксенофонтов В.Н. (д.ф.н., профессор) Минералов В.Ю. (к.соц.н.)
Рожкова Л.В. (д.с.н., доцент)

**ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство.
Социология. Культура:** научный и социокультурный журнал //
М.: МГУ ПС (МИИТ), 2016. – Вып. №6 (59). – 163с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 1 декабря 2015 года № 13-6518.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законоотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Московский государственный университет путей сообщения
Императора Николая II

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

Горбунов А.А. Доктор политических наук, профессор, директор Гуманитарного института МГУПС (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Иванов В.Н. Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

Члены Совета

Вдовиченко Л.Н. Доктор социологических наук, профессор, декан факультета политической социологии РГГУ, член Экспертного совета ВАК

Дмитриев А.В. Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор ИС РАН

Запесоцкий А.С. Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Капто А.С. Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН

Кулашик Петер Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матяя Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Лебедев С.Н. Доктор экономических наук, профессор, Президент Академии Литературы

Маркович Данило Академик, действительный член Сербской академии образования, иностранный член Российской академии образования, Белград, Сербия

Маршак А.Л. Главный научный сотрудник Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Миронов А.В.

Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Нарбут Н.П

Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России

Смолин О.Н.

Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, первый заместитель председателя комитета по образованию ГД РФ

Сосунова И.А.

Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор

Чупров В.И.

Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Шабров О.Ф

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС, Президент Академии политической науки

содержание

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

КРАВЧЕНКО С.А./ КОНОНОВ В.И.	Динамика социологических сообществ: проблема доверия к научному знанию/ The dynamics of the sociological community: the problem of confidence in the scientific knowledge.....7
СКВОРЦОВ К.В.	Взаимосвязь культурно-образователь- ного процесса с социальной политикой государства/ The relationship of cultural and educational process with the social policy of the state.....21
ВОРОБЬЕВ Г.А.	Энтропия в контексте развертывания социальной реальности как предмет социально-философского изучения / Entropy in the context of the deployment of social reality as a subject of socio- philosophical study.....33

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

СЕМЧЕНКОВ А.С.	Предпосылки социально-политической дестабилизации: роль технологий и фак- тора неустойчивого равновесия обще- ства / Preconditions of social and po- litical destabilization: the role of technolo- gies and factor of unstable equilibrium of society.....42
РЫБАКОВ А.В.	Миграционные процессы в странах ЕС: со- циокультурное и политическое измерение / Migration processes in the EU: the socio-cultural and political dimension.....52

РУССКИЙ МИР

КСЕНОФОНТОВ В.В	Русский мир и его социокультурные осно- вы: сущность и особенности/Russian world and its socio-cultural basis: essence and features.....65
-----------------	---

АСПЕКТЫ

АХОХОВА Е.А./ КАТАНЧИЕВ З.М.	Гендерный конфликт в мифологиче- ском сознании/ Gender conflict in the mythological consciousness.....74
---------------------------------	--

ВОЙТЕНКО В.П./ СЕРИКОВ А.В.	Роль национальных общин, землячеств и диаспор в урегулировании межнациональных и межконфессиональных отношений в городе Ростове-на-Дону / The role of the national communities, fraternities and diasporas in the settlement of interethnic and interfaith relations in the city of Rostov-on-Don.....	84
МАНЖУЕВА О.М./ НЕКРАСОВА Н.А./ НЕКРАСОВ С.И.	Информационная безопасность как фактор обеспечения национальной безопасности/ Information security as a factor national security.....	96
КОНОНЕНКО А. В	Солидаристские практики в межэтнических отношениях как объект социологического исследования / Solidaristik practices in interethnic relations as object of sociological research.....	105
ВОЛКОВ Ю.Г./ ДЕНИСОВА Г.С./ ЛУБСКИЙ А.В.	Оценка населением юга России характера межэтнических отношений в период реализации стратегии национальной политики / Assessment of the population of the south russian character of ethnic relations during the realisation of the national strategy policy.....	118
КОПЦОВ С. В.	Некоторые проблемы безопасности в условиях трансформирующегося российского общества: теоретические и эмпирические аспекты/ Some security problems in the conditions of a transformed Russian society: theoretical and empirical aspects.....	131
СЫЧЕВ А.А.	Провокация в мифе и сказке/ Provocation in myth and fairy tale.....	139
<i>РЕЦЕНЗИИ</i>		
ФРОЛОВ С.С.	Востребованность социологической диагностики неопределенностей/ The demand for sociological diagnostic uncertainty.....	155
<i>КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ.....</i>		
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.....		161

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

---

*КРАВЧЕНКО Сергей Александрович,
д. филос. н., профессор, заведующий
кафедрой «Социологии» МГИМО-Университет
МИД РФ, главный научный сотрудник
Института социологии РАН
sociol7@yandex.ru*

*КОНОНОВ Владимир Иванович,
к. соц. н., доцент кафедры «Философии»
МГИМО-Университет МИД РФ
viconnov@yandex.ru*

Динамика социологических сообществ: проблема доверия к научному знанию/ The dynamics of the sociological community: the problem of confidence in the scientific knowledge¹

Аннотация

В статье рассматривается социальная и культурная динамика социологических сообществ, способствующая выработке более валидного теоретико-методологического инструментария. Прослеживаются факторы, побуждающие ученых к сотрудничеству и конкуренции ради повышения степени доверия к научному знанию. Если на этапе зарождения социологии сотрудничество ученых носило характер личного взаимодействия, то институционализация социологического знания привела к созданию научных школ и сообществ. Раскрывается значимость конкретных школ в движении к более достоверному знанию. Особо анализируются последствия усложнения знания влиянием фактора «стрелы времени», что ведет к структурно-функциональной рефлексии социологиче-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант № 16-18-10411.

ских сообществ и образованию новых форм сотрудничества. Конкретно показываются находящиеся в процессе становления три новации в этой сфере: развитие сетевых взаимоотношений социологов с представителями других социальных, естественных и гуманитарных наук, образование «невидимых колледжей», создание «гетто лабораторий». Делаются выводы об обусловленности динамики научных сообществ эффектами стрелы времени, о влиянии социальных и культурных факторов на совершенствование форм научного сотрудничества ученых в интересах повышения доверия к производимому ими знанию.

Ключевые слова

Социальная и культурная динамика; научная школа; сообщество ученых; доверие к научному знанию.

Abstract

The article deals with the social and cultural dynamics of the sociological communities contributing to the development of more valid theoretical and methodological tools. There traced the factors that encourage scientists to cooperate and compete for the sake of increasing the credibility of scientific knowledge. If at the birth of sociology of the scientific cooperation took the form of personal interactions, the institutionalization of the sociological knowledge led to the creation of scientific schools and societies. The importance of concrete scientific schools is shown. There specialized the effects of the complexity of knowledge influenced by the factor “arrow of time” that lead to the structural and functional reflections of the sociological communities and thus the formation of new forms of cooperation. Three innovations in this field are displayed: the development of the network of sociologists with the representatives of other social, natural and human sciences, the formation of “invisible colleges”, the creation of “ghetto laboratories”. The authors come to the conclusions that the dynamics of scientific communities is conditioned by “arrow of time” effects, that social and cultural factors influence the improvement of the forms of scientific cooperation in order to increase the trust in the knowledge they produce.

Keywords

Social and cultural dynamics; scientific school; the scientific society; trust in scientific knowledge.

Социальная и культурная динамика социологических сообществ способствовала разработке более валидного теоретико-методологического инструментария с учетом быстрого «старения» знания. Полагаем, главный фактор тому – активный процесс становления качественно новых нелинейно развивающихся социальных реалий¹. Отнюдь не случайно проблематика доверия к социологическому знанию все более привлекает ученых.

Зарождение социологии – первые шаги к сотрудничеству социальных ученых

О. Конт – основоположник и создатель самого термина «социология» – стремился к тому, чтобы обосновать доказательную, общепризнанную, «позитивную» социальную теорию, заслуживающую доверия прежде всего среди «педантократии», к которой относил философов и интеллектуалов. По его мнению, позитивные знания – это «истинно доступные нашему уму и полезные для нас» знания, которые противостоят фантастическим представлениям, а также здравому смыслу ввиду его ограниченности и противоречивости, что должно способствовать сотрудничеству ученых. Он резко выступал против реалий, разобщающих взаимодействие педантократии – таковым считал нарождающийся капитализм и сохраняющиеся расистские стереотипы. Главным же фактором, объединяющим ученых, как он считал, является альтруизм. По мнению ряда исследователей, именно Конт создал термин «альтруизм»², дал его концептуализацию, через призму которой мыслил освобождение пролетариата и женщин, видя в этом необходимую основу распространения и утверждения позитивизма, практической реализации идеалов «порядка и прогресса». К факторам единения ученых Конт также относил доверие к научному знанию. По мнению ученого, «объективная» научная истина базируется на пяти «универсальных» принципах, выражающих суть позитивистского знания: 1) она должна быть «точной, естественной наукой», опираться на методы, которые бы позволили результаты одного исследователя перепроверить

---

¹ Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. Монография. М.: МГИМО-Университет, 2015.

² Pickering, M. August Comte //The Blackwell Companion to Major Social Theorists / Edited by G. Ritzer. Blackwell Publishers Ltd, 2000.

другим исследователем, 2) отличаться реализмом (в противоположность идеально-утопическим проектам и метафизике), 3) быть полезной, в частности, способствовать «водворению мира», «укреплению общественного порядка», 4) обладать определенностью, 5) быть положительной в смысле нацеленности на открытие «неизменных законов». В открытии «объективных», «истинных законов общества» Конт видел свое призвание, полагая, что ему удалось обосновать ряд «универсальных» законов. Среди них – закон классификации наук, определяющий иерархию наук, закон двойной эволюции, согласно которому существует прямая зависимость уровня социального прогресса от состояния развития позитивных наук и закон истории в виде трех стадий: «Согласно моей основной доктрине, – писал он, – все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны неизбежно пройти, последовательно, через три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями – теологическая, метафизическая и научная». Будучи сторонником использования методов естественных наук для производства знания, Конт, тем не менее, выступал против «абсолютных, жестких» истин об обществе. Относительность доверия к научному знанию об обществе обусловлена и тем, что в научную методологию он включал использование гипотез и научной фантастики, т.е. неявного знания¹.

«Позитивная» социология Конта привлекла к себе многочисленных последователей не только во Франции, но и в Англии, США, Бразилии, России. По существу, возникло международное позитивистское движение, которое, однако, не было структурировано, скорее представляло весьма разнородное направление исследования, включавшее в себя социальных теоретиков, философов, литераторов. Так, Джон Стюарт Милль – один из основателей позитивистской социологии в Великобритании, вел переписку с Контом, приняв его видение социальных наук и закон истории.

Харриет Мартино, английский профессиональный социолог, была лично знакома с Контом, перевела на английский язык его работу «Курс позитивной философии», что получило одобрение автора. Она скептически отнеслась к мужскому видению мира, как «универсальному», и мужской монополии в социальных науках и предложила собственно женские, социально-критические подходы к изучению реалий общества, связанные с выявлением причин дискриминации женщин в повседневной жизни. Если О. Конт считается «отцом-основателем» социологии, то Х. Мартино – «прародительницей».

---

¹ Pickering, M. August Comte // The Blackwell Companion to Major Social Theorists / Edited by G. Ritzer. Blackwell Publishers Ltd, 2000.

Идеи «позитивной» социологии Конта привлекли к себе и ряд американских либералов. Находясь под их влиянием, Э. Беллами, американский писатель, создает утопический роман «Взгляд в прошлое» (1888), в котором изображено США в 2000 году как социалистическое государство, управляемое профессиональной элитой, с промышленностью и кооперацией, отвечающим принципам альтруизма.

Английский социолог-позитивист Г. Спенсер критически воспринял «универсальность» природо-социальных законов О. Конта, в противоположность которому сделал акцент не на использовании «объективного» инструментария физики, но, прежде всего, знания, почерпнутого из биологии и психологии. По его мнению, все элементы Вселенной – неорганические, органические и надорганические (социальные) эволюционируют в единстве, однако механизмы отмеченных эволюций не тождественны друг другу, соответственно, законы природы и общества не могут быть едиными. Процессы отбора сильнейших, действующие в надорганических системах, в принципе отличаются от естественного отбора в животном мире тем, что люди могут думать, планировать и экспериментировать с новыми социальными реалиями, т.е. имеют потенциальную эластичность, способность к гибкому изменению для перехода в иное состояние в процессе столкновения с новыми вызовами: «постоянно накапливающиеся и усложняющиеся надорганические продукты, вещественные и духовные, образуют новый класс факторов, которые становятся все более и более влиятельными причинами изменений».

Российские социальные теоретики 18–19 вв. в основном придерживались позитивистских идей О. Конта, хотя критически относились к их конкретным положениям. Свою задачу они видели в выявлении ценностных связей и отношений между явлениями, решая тем самым вопросы изучения институтов общества, социальных слоев и групп, их взаимодействия, так и в исследовании общих вопросов исторической преемственности и судеб мировой цивилизации, места России в ней. И главное – в противоположность западной идеи прогресса, основанного на рационализме, они пытались обосновать во многом свои, собственно российские факторы прогресса, среди которых – духовность, социальное счастье, взаимная помощь, гармоничное умственное и физическое развитие человека, сама возможность цивилизационного многообразия и т.д. Так, Н.К. Михайловский был уверен, что полагаться только на инструментарий естественных наук при исследовании общества нельзя, ибо эти науки не могут учесть особенности психики индивида и не приспособлены для исследования радости и горести человека, его непосредственных интересов. Он исходил из того, что главным в обществе явля-

ется личность, поэтому в качестве основного критерия общественного прогресса социолог выделяет личное счастье и гармоничное умственное и физическое развитие человека¹.

В 18–19 вв. социология развивалась под влиянием атмосферы эпохи Просвещения, давшей импульс доверию во всемогущество научного знания, которое в концентрированной форме выражал лозунг «Знание – сила». И российские и зарубежные ученые ратовали за доминирующую роль разума, необходимость преодоления несвободы, исходили из того, что человеческое общество в принципе может стать совершенным, а дисфункциональности связывали с «отсталыми» формами знания. При этом взаимодействие ученых было в виде контактов на личностном уровне: кто-то приезжал в Россию, а некоторые российские ученые (П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен и др.) жили и работали на Западе, что, естественно, наложило отпечаток на их творчество и взаимодействие – оно не было структурировано и рельефно не идентифицировалось с конкретной теорией.

Институционализация социологии: создание научных школ и обществ

Э. Дюркгейм, французский социолог, поднял проблему доверия к научному знанию в плоскость единения эмпирического и теоретического знания. Он не просто декларировал эмпиризм (как это делали О. Конт и Г. Спенсер), но провел конкретное эмпирическое исследование, посвященное изучению самоубийств, и на этой основе сделал определенные теоретические выводы. В итоге доверие к социологическому знанию стало органично включать в себя эмпирическую и теоретическую составляющие. В принципе Э. Дюркгейм исходил из того, что для достоверности социологического знания должны применяться объективные методы, аналогичные методам естественных наук. Задача социолога сводится к тому, чтобы исследовать и находить причинно-следственные связи между социальными фактами в контексте взаимоотношений общества, его структур и индивидов, что позволяет обосновывать общественные законы. Он заявлял, что разделение труда «составляет необходимое условие материального и интеллектуального развития обществ, источник цивилизации», это – закон, который управляет обществами «почти без их ведома». Данный закон выступает своего рода фактором доверия к социологическому знанию. Изучив разделение общественного труда, социолог обретает возможность «объективно» познать суть

---

¹ Михайловский Н.К. Что такое прогресс? // Социология в России XIX – начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М.: Международный университет бизнеса и управления, 2001.

общества, функции его структур, сделать заключение, является ли конкретное общество в историческом смысле нормальным или патологическим, какова его мораль, в чем особенности коллективного сознания и коллективных представлений членов этого общества.

Дюркгейм внес особый вклад в институализацию социологии как науки, превращению её в учебную дисциплину и профессию. С 1902 г. ученый преподает в Сорбонне, где создает и возглавляет социологическую кафедру. С тех пор начался бурный процесс создания и развития собственно научных социологических школ, что качественно изменило профессиональную и научную идентификацию ученых – она стала более определенной в отношении использования конкретного теоретико-методологического инструментария. Научная школа, как считает известный американский социолог Э.А. Тирикьян, – значительная группа ученых, объединенных общей идентификацией с конкретной теоретической ориентацией, большинство из которых имеют мало или даже не имеют личных контактов.

Так, возникла Дюркгеймовская школа, представители которой отстаивали принципы буржуазного либерализма и социализма реформистского толка, руководствовались теоретико-методологическим инструментарием социологизма, разработанного Э. Дюркгеймом¹. Среди первых социологических школ отметим еще несколько. Формальная школа – Г. Зиммель, Ф. Тённис и др. анализировали общество, используя ограниченный набор «форм» социальной жизни, полагаясь на методологический инструментарий математики, в частности, аксиомы [Филиппов, 1998]. Расово-антропологическая школа – Ж. Гобино, Ж. Лапуж, Х. Чемберлен и др. рассматривали социальную жизнь через призму расово-антропологических факторов и, в частности, постулатов о неравенстве интеллектуальных и физических способностей разных рас, о вредности расовых смешений для культурного развития, о детерминированности поведения человека биологической и психологической наследственностью расового толка. Чикагская школа – её представители (Дж. Дьюи, А. Смолл, Р. Парк, Э. Берджесс, Дж.Г. Мид, Э. Шилз, Г. Блумер и др.) занимались, по их определению, «наукой о коллективном поведении», особую известность ей принесли исследования процессов урбанизации, адаптации мигрантов, что они осуществляли через призму практического применения положений символического интеракционизма. Представители этой школы разработали общепризнанные и по сей день используемые достаточно валидные методы сбора и обработки эмпирических данных, которые имеют прагматическую направлен-

---

¹ Кравченко, С.А. Социологический толковый англо-русский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2012.

ность, пригодны для совершенствования конкретных социальных структур и функций. По инициативе А. Смолла стал выходить в свет «Американский журнал социологии» (“The American Journal of Sociology”). Он же стал основателем социологического факультета в Чикагском университете, будучи активным сторонником практического использования достижений социологии при совершенствовании социальных институтов. Р.Э. Парк обосновал концепцию влияния естественного окружения на социальную жизнь людей, их коллективного поведения, своеобразного подхода к определению маргинальности, став одним из основателей урбанистской социологии. Э. Берджесс обосновал постулат «концентрических зон» для описания формирования социально неоднородных районов в процессе роста города. После Второй мировой войны влияние данной школы стало падать на фоне социологических достижений Гарварда, однако новый импульс ее развитию придали исследования Э. Гоффмана и Г.С. Беккера.

Некоторые социологические школы по охвату приверженцев выходили за рамки отдельных стран, включали и представителей России. Географическая школа – её сторонники (Ш. Монтескье, Г. Бокль, Ф. Ратцель, К. Хаусхофер, в России – Л.И. Мечников и др.) признавали географическую среду – климат, почву, территорию, ландшафт, реки – решающим фактором общественного развития. Так, Ш. Монтескье обосновал принцип географического детерминизма, предполагающий интерпретацию явлений общественной жизни (форм государственного устройства) через призму географических факторов, в первую очередь, климата. У данного принципа оказалось много последователей. Английский историк и социолог Генри Бокль связывал характер сознания индивидов непосредственно с условиями географической среды. Немецкий этнолог и социолог, основатель антропогеографии Фридрих Ратцель ратовал за признание влияния географической среды на развитие народа и государства. Немецкий социолог Карл Хаусхофер стал основоположником геополитики. Историческая школа – немецко-американский социолог и антрополог Ф. Боас, в России – В.О. Ключевский, С.М. Соловьев и др. изучали исторические взаимоотношения между народами через призму постулата об уникальности каждой культуры. Так, Боас внес особый вклад в создание современной культурной антропологии, в разработку этнографических методов исследования. Ключевский, по существу, явился основателем российской исторической социологии¹.

Ряд социологических школ имеет исключительно российское происхождение. Среди них – субъективистская социологическая шко-

---

¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1997.

ла, в которую входили Н.О. Лосский, П.Л. Лавров. Особо значимый вклад в создание её специфического теоретико-методологического инструментария внес Н.К. Михайловский, который был уверен, что полагаться только на инструментарий естественных наук при исследовании общества нельзя, ибо эти науки не могут учесть особенности психики индивида и не приспособлены для исследования радости и горести человека, его непосредственных интересов. Соответственно, ученый подверг критике Спенсера за то, что, «проводя параллель между прогрессом органическим и социальным, он отворачивается от счастья человечества... обходит страдание и наслаждение человека»¹. Ученый исходил из того, что главным в обществе является личность, а не какие-либо социальные группы. Поэтому в качестве основного критерия общественного прогресса он выделяет личное счастье и гармоничное умственное и физическое развитие человека. Социолог распространял данный критерий на всех членов общества, подчеркивая, что это способствует не только здоровью людей, но и ликвидации социального неравенства, зависимо-го положения одних индивидов по отношению к другим.

М.М. Ковалевский – создатель школы плюралистической социологии. Ученый был признан мировым социологическим сообществом, встречался со всеми виднейшими социологами своего времени – Г. Спенсером, Э. Дюркгеймом, К. Марксом и многими другими, читал лекции во многих зарубежных университетах, в том числе Стокгольмском, Оксфордском, Чикагском, Сан-Франциском. Возглавлял первую в России кафедру социологии в Неврологическом институте Петрограда, был президентом Международного института социологии.

Впервые в мировой социологии М.М. Ковалевский выдвинул идею о том, что социологическая наука должна заниматься исследованием, одновременным воздействием и противодействием целого ряда факторов. Социология в значительной степени выиграет от того, писал он, если забота об отыскании фактора, да добавок еще первичного и главнейшего, постепенно будет исключена из её сферы, то есть «следует говорить не об одностороннем влиянии, а о взаимодействиях, взаимно оказываемых друг на друга всеми явлениями, из которых слагается общественная жизнь, и не о руководящих факторах – экономическом, правовом, государственном, научном, художественном и т.д., а о состоящих в тесном общении фактах или

---

¹ Михайловский Н.К. Что такое прогресс? // Социология в России XIX – начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М.: Международный университет бизнеса и управления, 2001.

явлениях общезнания»¹. Представители плюралистической социологической школы связывали доверие к научному знанию с использованием разных методов анализа общества, включая сравнительно-исторический, генетический, кросс-культурный.

Все школы, занимающиеся производством научной истины, ведут «борьбу за монополию научной компетентности». При этом «доминирующими становятся те, кому, как считает П. Бурдьё, удалось навязать такое определение науки, согласно которому наиболее полноценное занятие наукой состоит в том, чтобы иметь, быть и делать то, что они имеют, чем являются и что делают»². Это побуждает представителей школ не только «делать себе имя» среди сторонников и коллег, но и требовать легитимности своего теоретико-методологического инструментария во всем научном поле, которое включает в себя более широкие научные сообщества в виде ассоциаций и обществ как национального, так и мирового уровня. Среди первых социологических обществ отметим: Международный институт социологии (1893 г.), президентами которого в разное время были российские ученые П.Ф. Лилиенфельд, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, П.А. Сорокин, Американская социологическая ассоциация (1905 г.), (в 1959 году название изменено на Американское социологическое общество), Немецкое социологическое общество (1910 г.), Российское общество социологов имени М.М. Ковалевского (1916 г.). Создание социологических ассоциаций и обществ увеличило конкуренцию школ за выработку более валидного инструментария анализа социума, что повышало доверие к научному социологическому знанию.

Усложнение знания – структурно-функциональная рефлексия социологических сообществ

На характер научного социологического знания всегда оказывал влияние фактор «стрелы времени». Однако наиболее рельефно он стал проявляться во второй половине XX века. Стало очевидным, что ускорились, а главное – усложнилось развитие знания, которое, по существу, следует за ускоряющейся динамикой человеческих сообществ, отражает ее³. Постоянно сокращается время перехода от одного научно-теоретического инструментария, обозначенного

---

¹ Ковалевский М.М. Социология: В 2-х томах. Т.1. СПб., 1997.

² Бурдьё П. Поле науки // П. Бурдьё. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 2007.

³ Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. Монография. М.: МГИМО-Университет, 2015.

Т. Куном как научная парадигма, к другому, вызывающему большее доверие. По его мнению, в течение определенного периода времени развитие науки определяется доминирующим набором принципов, понятий, категориального аппарата, признаваемого и используемого группой ученых, которой они доверяют, однако только в течение определенного исторического периода. С истечением времени ряд ученых начинает осознавать аномалии, которые не могут быть объяснены в рамках существующих теоретических и методологических принципов, что, следовательно, вызывает сначала скептицизм, а затем все большее недоверие знанию. Этот процесс, как правило, ведет к научной революции и переходу к новой парадигме, заслуживающей большего доверия. В силу данных обстоятельств некоторые ученые осуществляют мобильность из одной школы в другую, а иногда образуют и новую школу, ориентированную на инновационный теоретико-методологический инструментарий, который декларируется как истинный, заслуживающий доверия.

XXI век в развитии социологического знания ознаменовался созданием качественно новых парадигм, основанных как на интеграции собственно социологических теорий, так и на синтезе социологических подходов с другими науками. В результате возникли повороты в социологии, предполагающие «постдисциплинарные подходы» (Дж. Урри). Среди них: лингвистический поворот (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, М. Фуко, П. Бурдьё), рискологический (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман), материалистический (Б. Латур, Д. Пелс, К. Хезерингтон, Ф. Вандерберге), культурный (Дж. Александер). Со своей стороны, мы предложили контуры концепции гуманистического поворота [Кравченко, 2013]. По существу, стало нормой, что социологи стали наводить мосты с, казалось бы, несовместимыми парадигмами и даже заимствовать теоретико-методологический инструментарий из естественных и гуманитарных наук¹. Естественно, эти процессы вызвали структурно-функциональную рефлексию социологических сообществ. Отметим три качественные новации.

Первая – развитие сетевых взаимоотношений с другими социальными, естественными и гуманитарными науками. На XVIII Всемирном социологическом конгрессе было констатировано, что возникла «глобальная, наднациональная, космополитическая» социология², предполагающая как новое прочтение ранее созданных социологических теорий, начиная с классиков, так и создание ори-

¹ Кравченко С.А. Социология в движении к взаимодействию теоретико-методологических подходов // Социологические исследования, 2011. № 1.

² Messages to the World // XVIII ISA World Congress of Sociology, Yokohama, Japan, July 2014. Japan Consortium for Sociological Societies.

гинального теоретико-методологического инструментария, нового социологического мышления и воображения, позволяющих более адекватно и глубоко анализировать происходящие в мире и природе изменения. К. Хасегава, руководитель японского организационного комитета Конгресса, прямо высказался за социологию, которая «станет мостом, связующим Восток и Запад, Юг и Север, женское и мужское, прошлое и будущее, молодое и старое, природу и общество, соединяющим всевозможные расколы социологии ради более равного мира»¹. Такое видение перспектив развития социологии, ориентированное на увеличение валидности инструментария анализа социо-природных реалий, несомненно, потребует развития сетевых взаимоотношений социологов с представителями самых разных наук. Возникают новые становящиеся практики сотрудничества ученых.

Вторая – все большее распространение получают такие сообщества ученых, как «невидимые колледжи». Как считает американский социолог Д. Краин, специально изучавшая стратификацию современного усложняющегося научного сообщества, невидимый колледж представляет собой небольшую группу ученых, объединенных общей идентификацией с конкретной теоретической ориентацией, однако в противоположность научной школе непосредственно контактирующих друг с другом [Crane, 1969]. Полагаем, по сравнению с научными школами значимость данной формы научного сообщества будет возрастать, что обусловлено увеличивающейся диверсификацией теоретико-методологического инструментария, соперничеством за выработку более достоверного знания.

Третья – создание «гетто лабораторий». У. Бек полагает, что под влиянием глобализации и глокализации возникают новые анклавные структуры, представляющие две стороны данного общего процесса. Они представляют собой сегментированное пространство с новой «третьей культурой», со своим социальным временем². Новые анклавные структуры могут быть как традиционалистского, так и постмодернистского толка, с социальными проблемами или олицетворением социальной успешности (разного рода силиконовые долины в США и России). Под влиянием увеличивающейся научной мобильности могут возникать новые анклавные структуры ученых. Польско-французский социолог Изабелла Вагнер подобного рода анклавные структуры предложила обозначать как «гетто

---

¹ Hasegawa, K. Welcome from the Chair of the Japanese Local Organizing Committee // XVIII ISA World Congress of Sociology. 13-19 July 2014. Yokohama, Japan.

² Beck, U. Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmes // The Risk Society and Beyond. B. Adam, U. Beck, J. van Loon (ed.). L.: Sage Publication, 2007.

лаборатории», под которыми понимаются относительно локальные группы ученых, как правило, имеющих общую национальную идентификацию и ведущих исследования при институтах других стран¹. По нашему мнению, среди многих факторов возникновения «гетто лабораторий» (экономические, политические и др.) главным все же является борьба ученых за более валидный инструментарий, олицетворяющий новый уровень доверия к знанию.

Таким образом, динамика научных сообществ вообще и социологических, в особенности, обусловлена эффектами стрелы времени, распространяющимися не только на природные и социальные реалии, но и на научное знание. В этом контексте ученые постоянно ищут и совершенствуют формы научного сотрудничества в интересах повышения доверия к производимому ими знанию. Разумеется, новые научные сообщества изменяют функциональность «старых» форм сотрудничества ученых, но не ставят под вопрос их вклад в производство научного знания.

Библиография

1. Бурдые П. Поле науки // П. Бурдые. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 2007.
2. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1997.
3. Ковалевский М.М. Социология: В 2-х томах. Т.1. СПб., 1997.
4. Кравченко С.А. Социология в движении к взаимодействию теоретико-методологических подходов // Социологические исследования, 2011. № 1.
5. Кравченко, С.А. Социологический толковый англо-русский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2012.
6. Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. Монография. М.: МГИМО-Университет, 2015.
7. Михайловский Н.К. Что такое прогресс? // Социология в России XIX – начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М.: Международный университет бизнеса и управления, 2001.
8. Beck, U. Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmes // The Risk Society and Beyond. B. Adam, U. Beck, J. van Loon (ed.). L.: Sage Publication, 2007.

---

¹ Wagner, I. Work and career aspect of 'ghetto laboratories' // K. Prpi, I. van der Weijden, N. Asheulova (eds). (Re)searching Scientific Careers. St. Petersburg: Nestor-Historia, 2014.

9. Pickering, M. August Comte //The Blackwell Companion to Major Social Theorists / Edited by G. Ritzer. Blackwell Publishers Ltd, 2000.

10. Hasegawa, K. Welcome from the Chair of the Japanese Local Organizing Committee // XVIII ISA World Congress of Sociology. 13-19 July 2014. Yokohama, Japan.

11. Messages to the World // XVIII ISA World Congress of Sociology, Yokohama, Japan, July 2014. Japan Consortium for Sociological Societies.

12. Wagner, I. Work and career aspect of 'ghetto laboratories' // K. Prpić, I. van der Weijden, N. Asheulova (eds). (Re)searching Scientific Careers. St. Petersburg: Nestor-Historia, 2014.

*СКВОРЦОВ Константин Викторович,
к. пед. н., доцент, заведующий кафедрой
«Русский язык и межкультурная коммуникация»
Московского государственного университета
путей сообщения Императора Николая II
Skv-kv@mail.ru*

Взаимосвязь культурно-образовательного процесса с социальной политикой государства / The relationship of cultural and educational process with the social policy of the state

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы взаимосвязи культурно-образовательного процесса с социальной политикой государства в современных условиях российского образования, проблемы социальной политики государства, анализируются позитивные и негативные аспекты использования интернет-технологий учащейся молодежью.

Ключевые слова

Суверенность; культурно-образовательный процесс; социальная защита; молодежь; государство; социальная политика; государственные требования; образовательные технологии; эмоциональные ценности; гуманизация; правильность речи.

Abstract

The article discusses the relationship between cultural and educational process with the social policy of the state in modern conditions of Russian education, the problems of social policy, analyzed the positive and negative aspects of the use of Internet technologies students.

Keywords

Sovereignty; cultural and educational process of social protection; youth; government; social policy; State requirements; educational technology; emotional values; humanization; speech correctly

Педагогическое образование, являясь составной частью системы профессионального образования России, выполняет задачу кадрового обеспечения образования. Педагогические вузы и средние профессиональные заведения созданы по принципу регионального базирования с учетом демографических и экономических факторов, потребностей российских регионов.

В настоящее время подготовка кадров для системы образования осуществляется более чем в 600 образовательных учреждениях (высшие учебные заведения и филиалы, педагогические и профессионально-педагогические училища, колледжи и техникумы, учреждения системы повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров). В результате интеграционных процессов в системе образования появляются университетские комплексы, которые объединяют учреждения (комплексы) – школы – вузы – учреждения повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, но при этом центром является вуз. Исследования А.И. Арнольдова, А.А. Аронова, М.С. Кагана, Д.И. Лихачева, Н.К. Рериха, и др. раскрывают различные аспекты духовной культуры современного общества; в трудах по герменевтике Х-Г. Гадамера, Э. Гуссерля, М. Хайзеггера, Ф. Шлейермахера, Г.Г. Шпета и др. выявляются механизмы понимания различных культур. Исследования психологов обращены к анализу различных аспектов. Данный феномен рассматривается как инструмент регулирования отношений, определенная функция в развитии общества и действующий механизм (С.К. Бондарева, Д.В. Колесов); как бессознательное ощущение, уподобление себя другой личности, уподобление «чужому» Я (З. Фрейд); как одобряемое поведение и отказ от навязывания точки зрения одного человека другим (Н. Эшфорд); как способ, выражающийся в уважении точки зрения другого человека (Л.Г. Почебут); как механизм регулирования интолерантного поведения в контексте межгрупповых и межличностных отношений (А.Г. Асмолов, Л.Д. Гудков, Л.М. Дробизева, Л.А. Шайгерова); как определенное качество взаимодействия (М. Мацковский); как снижение сензитивности к объекту (Е. Клепцова); как система представлений человека о самом себе; как соотношение Я-образа с образом Другого (Р. Бернс, В.А. Петровский, Б.Ф. Поршнев); как комплексное личностное качество, которое подлежит целенаправленному формированию в ходе процессов обучения, воспитания и самовоспитания (П.Ф. Комогоров) и т.д.

Существенную и более возрастающую роль в разработке стратегии развития педагогического образования играют государственно-общественные и общественные организации: Совет по педагоги-

ческому образованию при Минобрнауки России, Ассоциация педагогических университетов и институтов, учебно-методические объединения, советы директоров средних педагогических и средних профессионально-педагогических учебных заведений, Совет руководителей образовательных учреждений повышения квалификации и переподготовки работников образования Российской Федерации.

Перейдем к рассмотрению характера взаимосвязи культурно-образовательного процесса с социальной политикой, который может быть результативно-последовательным, целенаправленным для развития страны. Достижения культурно-образовательного процесса в защите и развитии человека не могут обойтись без регулирования. Возрастающая роль культурно-образовательного процесса осуществляется по законам повышенных потребностей. Личность в самореализации сталкивается с двумя важными жизненными аспектами: развитием и становлением. Отмеченные направления близки, но не могут быть тождественными. Развитие индивида – процесс социально-биологический, раскрывающий ступени психолого-физиологического развития, получая устойчивые навыки поведения с возрастными особенностями. Коренное отличие развития и становления – в разноплановых устремлениях и в объемном характере потребностей. Становление – устремленность к энергетическим потокам социального действия. Культурно-образовательный процесс меняет вектор. Он вынужден под влиянием социальной политики видоизменяться, обретая различную степень интенсивности и актуальности.

Взаимосвязь развития и становления индивида с социальной политикой заключается в определенном круговороте «отдать – взять». В переплетении раскрываются социально-организационные законы, которые формируют гуманистическую среду, укрепляя ценности жизни и творческую активность населения. В теоретическом плане поставим социальную политику как организующее начало, выделим ее важнейшие механизмы во влиянии на развитие и становление индивидов. Появление самого понятия «социальная политика» связано с формированием во второй половине XIX в. теории и практики социального государства, которое вмешивается в общественные процессы с целью их регулирования и стабилизации. Новые функции государства, возникшие в связи с его социализацией, получили системный характер и были объединены термином «социальная политика».

Государственная социальная политика направлена на решение социально-экономических проблем, связанных, главным образом, с поддержкой достойного уровня жизни и доходов, обеспечением занятости, развитием отраслей социальной сферы, регулировании

ем трудовых отношений, социальной защитой, смягчением «провалов» рынка, предотвращением социальных конфликтов. В связи с тем, что достижение целей государственной социальной политики обуславливает динамическую устойчивость экономической системы, а именно: рост общественного производства и благосостояния населения, – вопросы социальной политики постоянно находятся в центре внимания не только ученых и политиков, но и рядовых граждан цивилизованных обществ.

Существует «широкая» и «узкая» трактовки содержания государственной социальной политики. **Определение социальной политики в широком смысле** основывается на гуманистической концепции и предполагает создание условий для всестороннего развития личности, что отвечает потребностям общества в образованных, здоровых и культурных гражданах.

Социальная политика в узком смысле ограничивается сферами государственного социального страхования и социальной помощи. **В современном широком понимании социальная политика** представляет собой систему мер, направленных на осуществление социальных программ, поддержание доходов, уровня жизни населения, обеспечение занятости, поддержку отраслей социальной сферы, предотвращение социальных конфликтов.

Она включает меры по обеспечению благоприятных условий жизни всех слоев, групп и поколений населения, а именно условий труда, занятости, охраны здоровья, а также условий интеллектуального, духовного и нравственного развития человека. Выделим несколько групп субъектов, чьи интересы непосредственно затрагивает государственная социальная политика:

1) общество в лице каждого из его индивидов (граждан), которые являются основными получателями мероприятий, продвигаемых государством, а также налогоплательщиками.

2) государство, оно определяет социальную политику, потому что наделено экономической и политической властью и обладает способностью устанавливать «правила игры» в регулировании доходов и расходов бюджета, может отдавать приоритет в финансировании определенных социальных программ, проектов и т. д. Именно социальная функция является одной из ключевых, определяющих общественную необходимость и предназначение государства.

3) организации частного сектора экономики (бизнес-сообщество), которые обеспечивают создание рабочих мест, выплату заработной платы, финансируют социальные программы путем уплаты налогов.

4) общественные организации и объединения, например, профессиональные союзы, выступающие как негосударственные подсистемы социальной поддержки при решении социальных проблем.

Эволюция содержания социальной политики государства определяется как динамическими, так и статистическими закономерностями социально-экономического развития. Динамические закономерности социально-экономического развития находят проявление в существовании различных национальных моделей экономики, которые реализуются в разных странах и показывают, в какой степени государство готово участвовать в решении социальных проблем и как разрешается противоречие между эффективностью и справедливостью. Эти факторы определяют конкретный состав форм, методов и инструментов государственной социальной политики, применяемых в странах.

Среди научных концепций в социально-культурной деятельности, признанной и наиболее часто используемой в современных диссертационных исследованиях, является научная концепция автора учебника, профессора А.Д. Жаркова «О ценностно-ориентированном, активно-деятельностном подходе к целостному технологическому процессу в учреждениях культуры и образования»¹.

Методология «Теории, методики и организации социально-культурной деятельности» как самостоятельная научная дисциплина, на наш взгляд, включает следующие сущностные характеристики:

- иерархичность: потребности, цели, ценности всегда выстраиваются (могут быть выстроены) в определенную иерархию, имеют устойчивый (пусть в определенных временных границах) порядок предпочтений;

- последовательность: на смену удовлетворенной потребности или достигнутой цели приходит другая; более «высокие» потребности возникают на базе удовлетворения более «низких» и т.п.;

- дискретность: всегда можно объективно зафиксировать границы определенных этапов в процессе удовлетворения потребностей или достижения целей и ценностей;

- логичность: предыдущий этап удовлетворения или достижения не противоречит настоящему;

- сравнимость: сложнейший процесс потребностей (целей, мотивов, интересов, психологических установок и т.п.).

---

¹ Жарков А.Д. Теория, методика и организация социально-культурной деятельности: Учебник для вузов культуры и искусств. – М.: МГУКИ, 2012. – С. 156.

Решение задач социальной политики и целенаправленное регулирование социальных процессов на государственном уровне осуществляется путем перераспределения национального дохода. Голландский экономист, первый лауреат Нобелевской премии (1969г.) в области экономики Ян Тинберген оценил долю перераспределения национального дохода на социальные нужды населения для ряда стран, которую условно можно было бы назвать показателем социализации. Данный показатель для четырех стран выглядит следующим образом: Швеция – 0,299; Нидерланды – 0,28; США – 0,125; Япония – 0,1. Очевидно, что решающую роль в оценке влияния и эффективности перераспределения и регулирования процессов в социальной сфере играют сложно определяемые качественные характеристики государственного участия в регулировании социальных процессов.

Социальная политика формирует, осуществляет интересы членов общества, ей присущ закон укрепления *баланса интересов*. Данный закон может реализоваться только средствами культурно-образовательного процесса. Социальная политика устанавливает реальные возможности влияния культурно-образовательного процесса, устраняя свободный выбор индивидов в помыслах. Уровень реальных возможностей направлен и на укрепление общества с учетом «жить по средствам». Следует заметить, что «развитие» и «становление» людей происходит в условиях повседневности. Ценность культурно-познавательного процесса в том, что он учит людей тому, как использовать реальную действительность в самореализации, избегая «воздушных» замков и домов на «песке».

Развитие индивида происходит в системе общественных отношений. В связи с этим государство учитывает степень расходов на поддержку и развитие населения. Бюджетные средства в социальной политике всегда в дефиците, потребности всегда опережают реальные возможности. Социальная среда подчинена своим внутренним законам, которые не могут совпадать с законом воспроизводства культурно-образовательных процессов в жизни индивидов данного государства (сообщества). Сопоставим законы социальной политики и законы воспроизводства человека. Социальная политика раскрывает свое воздействие на членов общества через принцип социального гуманизма:

- а) взаимоотношения между группами в обществе; снижение конфликтности;
- б) распределение бюджетных средств;
- в) регулирование отношений между работодателем и работником:

- оценка личного достоинства граждан;
- реализация прав человека, защита прав детства и материнства;
- безопасность граждан; укрепление правопорядка;
- доступность здравоохранения, образования;
- формирование достойного уровня в качестве жизни;
- защита семьи;
- совершенствование института социальной защиты;
- насыщение инфраструктуры.

Из перечисленных направлений следует отличить характер адресной социальной политики: пенсионное обеспечение; дифференциация социальных программ с учетом территориально-климатических условий; сфера услуг для людей с ограниченными возможностями; профилактика заболеваний среди людей повышенного риска (инвалиды, пенсионеры, мигранты, бездомные, безработные, беспризорники).

Сопоставляя условия, которые реализуются социальной политикой и развитием человека, мы отмечаем их «широкий» и предельно индивидуальный (узкий, локально-биологический) характер. Развитие человека становится частью общественных процессов.

Развитие индивида происходит через увеличение связей (воздействие энергетических потоков извне). Начальное *развитие* личности пробуждает навык регулирования, он учится себя защищать, получая радость для себя, огорчая другого. Навыки перерастают в детскую социализацию (самореализация через помощь других), складывается представление о последствиях, т.е. о характере оценок, в которых появляются элементы эгоизма или «умение делиться». С уровнем *развития* регулирование расширяется, создаются устойчивые навыки и умения для активной социализации, приобщения к нормам жизнедеятельности.

Таким образом, «*развитие*» в жизни индивида – период приобщения к жизни – узнавание норм порядка, усвоение навыков и умений на первоначальной ступени социализации – вхождение в общественные условия. Наследственность через развитие приобщает индивида к роду человеческих отношений. Развитие формирует и закрепляет механизм энергетического усвоения и трансформацию его в социализированные (усвоенные) поведенческие действия. Социальная политика в ходе становления индивида превращается в систему организации прав и обязанностей. Связь человека с другими складывается через культурно-образовательный процесс, где большую часть составляет теория и практика социальной политики.

В ней совершенствуются нормы жизнедеятельности, выражающиеся в развитии прав. Культурно-образовательный процесс становится средством раскрытия способностей человека, определяет характер и ценностные аспекты социального действия индивида, мобилизует индивида для становления личности, влияющей силы на развитие общества.

К важнейшим правам становления в социальной политике относятся права, отражающиеся в ИРЧП (индекс развития человеческого потенциала). Культурно-образовательный процесс, раскрывая уровень и характер социальной политики, опирается на индексы – показатели достижений, упущений, характер организации управленческих методов, степень активности социальных групп.

Культурно-образовательный процесс, мобилизуя людей, раскрывает основы социальной политики, ее замыслы и результаты по направлениям: устойчивость социально-экономических отношений; уровень демократизации; демографическая ситуация (рождаемость, смертность); настроение людей; степень образованности; доходы; сущность квалиметрии (измерения); миграционные процессы и др. Создаваемое социальное состояние общества характеризует *жизненную* политику – это реальное ощущение устойчивости на уровне повседневности, судьба и счастье. Состояние *жизненной политики* – это способы и уровень реализации интересов отдельного человека (реальный гуманизм). Остановимся на общественном уровне, на степени его влияния, т.е. ИРЧП.

Характер *становления* отражен в поступательном действии, люди свою значимость определяют в устремлении к повышенным потребностям.

Социализация. Характер труда, учебы, семьи в процессе становления индивида. В процессе человек самореализуется через формы и средства культурно-образовательного процесса, воспринимает сведения о том, как ему обеспечить достойную жизнь, обрести навыки умения в активизации своих способностей. Индивид получает образование по определенной отрасли, он становится работающим членом коллектива, ему необходимо соединить свой образовательный уровень с требованиями компании, трудового коллектива, обладать навыками грамотного дисциплинированного исполнителя, уметь подчиняться.

Социально-культурные механизмы не требовали специального анализа, ибо были органично сбалансированы. В результате борьбы инновации, дающие положительный эффект, одерживали победы над устаревшими порядками. Следовательно, история движется вперед через поражения своих порядков и преобразованием побе-

дившего нового, что соответствует закону развития на принципах положительной обратной связи.

Каждому времени нужен «человек действующий». Гегель отмечал, что «индивид не может определить цель своего действия, пока он не действовал»¹. Именно эта мысль и лежит, на наш взгляд, в основе социально-культурной деятельности, где слово «деятельность» стало одним из ключевых. Сегодня решающую роль в судьбах мира призваны сыграть интеллект и фундаментальное знание.

Культурно-образовательный процесс вводит индивида в *организацию труда*. Индивид овладевает связями, дающими ему культуру взаимоотношений на своем рабочем месте. Организация труда – это область как профессионального роста (карьеры), так и реализации человеческого потенциала. Выбор предполагает занять определенную позицию, знания культурно-образовательного характера соединить с поведением *с трудовой активностью*.

Культурно-образовательный процесс обогащает людей труда социальной значимостью. Социальное действие – достижение личностной свободы – *востребованности* в окружающей среде. Социальное действие как путь к свободе (быть самодостаточным, конкурентоспособным) под влиянием требований времени, эпохи предполагает:

- рационализацию: совершенствовать орудия труда (приборы, приспособления; ключи, программы);
- адаптацию (иметь единомышленников);
- цель;
- информированность;
- самооценку;
- устремленность к обновлению (повышенные потребности).

Стиль поведения:

- многообразие связей;
- любовь к себе (самоуважение);
- отстаивать свое мнение;
- поддержка других;
- поиск новизны;
- преодоление недостойного поведения.

Образование – одна из важнейших сфер разработки теории социально-культурной деятельности².

---

¹ Гегель, Г.В.Ф. Соч. – Т. 4. – М., 1959. – С. 212–213.

² Жарков А.Д. Теория, методика и организация социально-культурной деятельности: Учебник для вузов культуры и искусств. – М.: МГУКИ, 2012. – С. 159.

Путь к достижениям нового информационного порядка основан на культуре мышления. Таким видом из средств на пути обновленной реальности является специфика социологического сознания: «оставаться мудрым при возвеличивании мелочей». Представим практику возвышения социологического мышления, в которой неизбежно остаются или обновляются:

- метод создания богатства связей;
- социализация индивида через закон человечности;
- историческое познание как способ анализа для практики «неделания»;
- системность памяти, возрождение символов, которые сопутствовали торжеству разума;
- страх перед бедностью как возможной взрывной реальностью из-за низкой культуры познания (все беды от невежества);
- диалектика взглядов, раскрытие консерватизма и узнавание последствий новизны;
- стимулы к самоидентификации, преодоление охлократии;
- обучение объемно-культурному критическому осознанию существующих реалий; создание пособий по реализации;
- создание научно-теоретических положений для устранения бедности;
- телесное переплетение стимулов с ожидаемым успехом, переориентация на раскрытие таланта индивида-одиночки с раскрытием целей в принимаемых решениях, программ и целей организаций с учетом локальных факторов.

Творчество – логика богатства, выход из хаоса, поиск устойчивости в социально-культурном, личностном пространстве. Уровень творчества определяется достижением триединства: здоровье, собственность, информация.

- 1) здоровье нигде не купить, организация мер по его защите;
- 2) собственность – достижение интеллектуального богатства. Знание – сила, доходы, делать новую собственность;
- 3) информация, которой не бывает много.

Социальное действие, отражая концепцию линии поведения, подпитывается культурно-образовательным (информационным) процессом, в котором идет речь о жизни страны, о ее реальном настоящем и будущем.

В современных условиях культурно-образовательный процесс – источник раздумий анализа, выбор позиции.

В начале XXI века Россия не имеет стратегии развития, хотя событийная сторона настойчиво требует демократизации как величай-

шей ценности в активной жизнедеятельности людей. По ИРЧП Россия занимает одно из последних мест! Ориентируясь на 2017 год, следует заметить:

- численность трудоспособного населения сокращается;
- происходит увеличение доли пенсионеров;
- неравномерность демографического развития регионов;
- кризисные ситуации не прекращаются, они могут иметь возвратно-затяжной характер;
- слабость роста ВВП, тогда как в Китае, Германии имеет устойчивый характер;
- совершенствование реальной экономики с ростом ее эффективности требует активного становления личности в развитии ценностей социального действия;
- сохранение состояния недовольства, активизация оппозиции;
- уровень жизни и ее качество формируется замедленными темпами;
- человек как объект науки остается в тени, выдвинутый принцип «человеческий капитал» не соответствует реальной значимости, ибо раскрытие человеческого потенциала более объемно, требует наибольшего исследования, чтобы им управлять. В связи с этим культурно-образовательный процесс не может осуществлять свою задачу по организации реального гуманизма, т.к. социальная политика остается малопродуктивной.

Отметим ее нереализованные возможности: раскрытие методов и способов для увеличения продолжительности жизни. В ее содержание не включается правовая основа для устойчивого социального настроения. Наблюдается разрыв между социальной политикой Российского государства и жизненной политикой (мало оптимизма среди населения), образование как индикатор жизнедеятельности точно не определен.

В образовании не так важно количество, как его гуманизация на качественно опережающем направлении. Перемещение страны по показателям ИРЧП на одно из последних мест на начало второго десятилетия XXI века вновь обращает внимание на то, что культурно-образовательный процесс малоэффективен в мобилизации отдельно взятого индивида для укрепления системы «человек – природа – общество».

Таким образом, практическая направленность культурно-образовательного процесса раскрывает тесные взаимосвязи с социальной политикой российского общества. Четко выявлены пути, их взаимодействия, но слабость гуманистического аспекта в соци-

альной политике не дает эффективных действий российским гражданам. В социальной политике мало средств для мобильности людей в рамках социального действия. Люди не смогут себя реализовать, т.к. все подчинено не реализации интересов (жизнь, судьба и счастье), а выживанию, т.е. нет реальной перспективы в том, что завтра будет лучше, чем сегодня, а работа не становится источником радости, она стала традиционным источником минимального существования. Ресурсы культурно-образовательного процесса требуют нового подхода, который, обладая своей суверенностью, будет активно влиять на развитие общества, а не пересказывать постоянно допускаемые просчеты государственной системой управления.

Библиография

1. Жарков А.Д. Теория, методика и организация социально-культурной деятельности: учебник для вузов культуры и искусств. – М.: МГУКИ, 2012. – С. 156.
2. Кувшинов Д. Новые технологии: благо// Среда. 1998. №1.
3. Скворцов К.В. Модернизация образования как фактор совершенствования социализации молодежи: монография. – М., 2010. 184с.
4. Скворцов К.В. Современные тенденции регулирования российского образования в социально-культурной сфере: монография. – М., 2012.
5. Экономическая теория: учебное пособие / Ларионов И.К., Алиев А.Т., Антипов К.В., Герасин А.Н., Герасина О.Н., Грунин А.А. – М., Дашков и К, 2012 – 408 с.
6. Потребности и мотивация молодежи в культуре и образовании:
  - [http://credonew.ru/content/view/944/62/;](http://credonew.ru/content/view/944/62/)
  - <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=176;>
  - [http://technomag.bmstu.ru/doc/57457.html;](http://technomag.bmstu.ru/doc/57457.html)
  - [http://www.polymedia.ru/podderzhka/spravochnik/interaktivnye-tehnologii-v-obrazovanii/;](http://www.polymedia.ru/podderzhka/spravochnik/interaktivnye-tehnologii-v-obrazovanii/)
  - [http://www.fgosvo.ru/uploadfiles/mnenie%20%20expertov/2012n2a1.pdf ;](http://www.fgosvo.ru/uploadfiles/mnenie%20%20expertov/2012n2a1.pdf)
  - [http://www.nngasu.ru/education/high_education/education_manual.pdf.](http://www.nngasu.ru/education/high_education/education_manual.pdf)

*ВОРОБЬЕВ Геннадий Александрович,
к. пед. н., зав. кафедрой «Информационно-
коммуникационных технологий, математики и
информационной безопасности» Пятигорского
государственного университета
vorobyev@pglu.ru*

**Энтропия в контексте развертывания социальной реальности как предмет социально-философского изучения /
Entropy in the context of the deployment of social reality
as a subject of socio-philosophical study**

Аннотация

В статье рассматривается социально-философский ракурс изучения энтропии в контексте развертывания социальной реальности. Показано, что энтропия в контексте развертывания социальной реальности и сам по себе концепт социальной энтропии вписываются в проблемное пространство современных обществ, которое определяется возрастанием сложности, открытости и неустойчивости, что предопределяет принципиально новый характер динамики взаимоотношений индивидов и общностей.

Ключевые слова

Энтропия; социально-философская рефлексия; развертывание социальной реальности; синергетическая парадигма.

Abstract

The article deals with a socio-philosophical perspective of the study of entropy in the context of the deployment of social reality. It is shown that the entropy in the context of the deployment of social reality itself is the social concept of entropy fit into the problem space of modern societies, which is determined by the increasing complexity, openness, and instability that determines the fundamentally new nature of the dynamics of relations between individuals and communities.

Keywords

Entropy; the socio-philosophical reflection; the deployment of social reality; synergetic paradigm.

Энтропия чаще всего определяется как мера беспорядка, степень отклонения системы от условного эталона. Согласно закону возрастания энтропии, все самопроизвольные процессы во Вселенной однонаправлены и сопровождаются разрушением упорядоченных структур, рассеиванием энергии в пространстве. В основе любого изменения скрыты возможности распада и хаоса, которые не имеют ни причин, ни целей, обеспечивая лишь непрерывное движение. По аналогии возникло определение энтропии как меры «беспорядка», «дезорганизации» системы, и неэнтропии — как меры организации.

Социально-философская рефлексия обращает внимание на то, что необходимость всестороннего осмысления социальной реальности с точки зрения таких ее фундаментальных аспектов, как норма и аномалия, обусловлена, в первую очередь, кардинальными трансформациями, характеризующими современное состояние культуры, политики, права, экономики, духовности.

Выявление теоретико-методологических оснований и проблемного поля изучения феномена социальной энтропии в социально-гуманитарной мысли заставляет, прежде всего, обратить внимание на теоретические подходы в осмыслении данной тематики.

Традиционные подходы связаны с тем, что в классической социально-философской и социологической мысли кризисы общественной жизни связываются с дисфункциональностью, социально-ценностной аномией, как это предполагал Э. Дюркгейм, или преобладанием аффективного действия, согласно схеме М. Вебера. Поэтому общество определялось как устойчивая система организации социальных связей, отношений и социальных взаимодействий групп и общностей людей, поддерживаемых силой обычая, традиции, закона и социальных институтов.

Но с течением времени меняется социальная реальность, а общество становится все более сложным. Именно в связи с этим, к примеру, политический философ А.И. Неклесса задается вопросами: Как мыслить настоящее настоящее: рефлексивно реагировать на перемены? Воспринимать ли их как смертельную угрозу стабильности? Стремиться удержать прежний смысловой и социальный поря-

док, апеллируя к прошлому как идеалу? Активно представлять будущее как собственную версию иного?¹.

Формирование новой социальной реальности в существенной степени связано с воздействием современности, которая, согласно Э. Гидденсу, заставляет адаптироваться членов сообщества к меняющейся системе. Но в условиях неравновесной среды, для которой, по выражению Ж. Деррида, характерна «игра структур», адаптивная стратегия осуществляется посредством самоорганизации индивидов, адекватно рефлексизирующих изменения, связанные с подобным феноменом. Соответственно, в структурах исчезает строгая определенность, возникает специфическая зависимость от игры структур, забываются общественно значимые цели этих структур.

По критерию способности теории отражать нарастание динамической сложности общества известный отечественный социолог и социальный философ С.А. Кравченко выделяет пять поколений социологической теории. В их числе – теории четвертого и пятого поколений, вполне применимые и к социально-философскому знанию.

Четвертое поколение – теории, анализирующие современное общество и присущую ему институциональную и индивидуальную рефлексивность. Под рефлексивностью понимается постоянный и активный пересмотр социальной реальности в свете новой информации или нового знания. Пятое поколение – теории, и декларирующие, и изучающие нелинейную социокультурную динамику, процессы самоорганизации социума, обеспечивающие возникновение порядка из хаоса, превращение стихийного развития в направляемое, а также теории, анализирующие возникающий при этом десоциализирующийся социум, знаменующий «конец социального». Это принципиально новые теории, которые для выполнения поставленных задач потребовали столь значительные привлечения теоретико-методологического инструментария из естественных и гуманитарных наук².

Уже в 1980-е годы стало формироваться междисциплинарное направление, связанное с «наукой о сложном» (complexity sciences), в центре внимания которого были проблемы исследования систем с нелинейной динамикой, неустойчивым поведением, эффектами самоорганизации, наличием хаотических режимов, бифуркациями. В Германии эта наука стала называться синергетикой (Г. Хакен), во

---

¹ Неклесса А. Настающее настоящее // Русский журнал, 2012, 14 октября.

² Кравченко С.А. Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. – М.: МГИМО, 2010, С. 9-11.

франкоязычных странах - теорией диссипативных структур (И. Пригожин), в США – теорией динамического хаоса.

К. Бэйли в книге «Теория социальной энтропии» пишет о том, что ни одно общество не может находиться ни в состоянии абсолютного порядка, ни в состоянии полного хаоса. Любое общество располагается в границах определенного значения социальной энтропии, которое можно считать нормой в том случае, если оно не приводит ни к стагнации, ни к разрушению социальной структуры¹.

В ходе осмысления разнообразных проблем и сюжетов социальной энтропии как совокупности социальных характеристик, сложившихся и зафиксированных в ходе социального взаимодействия и отражающих системную неопределенность в жизнедеятельности общества, все более заметную роль начинает играть синергетика.

В основу синергетики как междисциплинарного научного направления был положен принцип нелинейного детерминизма. В социально-гуманитарной мысли нелинейные концепции, по мнению П.А. Сорокина, который одним из первых обратился к их изучению, являются старейшими и наиболее распространенными; в свое время именно П.А. Сорокин пришел к выводу, что факты «явно противоречат утверждениям каких-либо универсальных и вечных линейных тенденций или каких-либо универсальных стадий эволюции, относящихся ко всему человечеству, к любым группам и индивидам»².

Именно в синергетике активно циркулируют такие понятия, как нелинейность, самоорганизация, альтернативность путей социального развития и их выбор в точках бифуркации, порядок через флуктуации и другие, которые активно встраиваются и в тематику социальной энтропии.

Существенное методологическое значение при изучении проблематики, связанной с феноменом социальной энтропии, приобретает теория «сложного социума» (И.Р. Пригожин, А. Бек, В.С. Степин, С.А. Кравченко, А.С. Ахиезер).

С.А. Кравченко исходит из того, что общества, перейдя определенный порог развития, вступают в состояние сложного социума. В структурно-функциональном и ценностном плане подобные общества становятся качественно иными, а их социокультурная динамика все более обретает черты нелинейности: изменения начинают происходить под влиянием факторов в виде «вдруг-событий» (Ж. Дер-

---

¹ Bailey K.D. Social Entropy Theory. New York, 1990.

² Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренькова. – М.: Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996, С. 381.

рида), через парадоксальные разрывы и синтезы, саморефлексии, непредсказуемые случайные флуктуации, точки бифуркации¹.

В свою очередь, в рецензии на монографию Г.А. Гольца «Культура и экономика России за три века, XVIII–XX вв.» известный отечественный философ и культуролог А.С. Ахиезер в свое время обращал внимание на то, что на пути познания общества возникает возрастающее со временем препятствие — его усложнение, умножение его частей. Наша страна в течение XX столетия пережила две вызванные чисто внутренними причинами национальные катастрофы, сопровождавшиеся развалом государства. Это свидетельствует о том, что общество оказалось катастрофически неспособным осмыслить, воспроизводить себя как целое и своими массовыми действиями провоцировало саморазрушение. Важнейшее условие преодоления этой опасности — попытаться вывести познание усложняющегося общества на новый уровень.

Действительно, в своей монографии Г. Гольц рассматривает сложность как результат нелинейности динамики общественных процессов и отвечает на вызов усложнения разработкой «адекватного нынешней ситуации методического аппарата, позволяющего решать актуальные вопросы в условиях нестабильности», формированием моделей нелинейных социокультурных процессов, открывающих принципиально новые возможности².

Поскольку в координатах синергетического подхода общество как социальный организм представляет собою сверхсложную диссипативную эволюционирующую систему, усложнение структуры новой социальной реальности и ее продвижение к нарастающей открытости ведет к росту нестабильности и неопределенности. В результате концепт «сложного общества» позволяет выявить и уточнить совокупность качеств и свойств новой социальной реальности в условиях нелинейной социокультурной динамики.

Переходя к понятию *социальной энтропии*, отметим, что оно является одним из наиболее сложных и неоднозначных, поскольку требует сохранения его естественнонаучной семантической нагрузки и в то же время заставляет соотносить его с проблемным полем социально-гуманитарного знания. В свою очередь, теория социальной энтропии позволяет достаточно определенно предсказать тен-

---

¹ Кравченко С.А Становление сложного социума: востребованность новых подходов к его исследованию // Гуманитарий Юга России, 2012, № 2, С. 30.

² См.: Ахиезер А.С. Россия – сложное нелинейное общество. Рецензия// Отечественные записки, 2003, № 4. С. 543-548.

денции жизни общества – будет ли оно развиваться, или же будет деградировать, приближаясь к хаосу и распаду¹.

«Социологический справочник» (1990 год) трактует социальную энтропию как меру отклонения социальной системы либо ее отдельного звена от принятого (как эталонное, нормальное, ожидаемое) состояния. Подобное отклонение проявляется в снижении уровня организации, эффективности функционирования, темпов развития системы. Социальная энтропия связана с наличием объективной неопределенности в состоянии среды, деятельности людей, ошибками управления, планирования, недостатком или недоиспользованием знаний (информации) в процессе организации (настройки) рассматриваемой системы предприятия, учреждения, отрасли народного хозяйства, общества в целом. Как содержательная категория, социальная энтропия позволяет оценить функционирование социальной системы: насколько она не достигает или отклоняется от эталонного уровня².

С течением времени «социальная энтропия» становится тем понятием, которое позволяет замкнуть в одной модели микро- и макроуровни социокультурной динамики. Для Л.Д. Бевзенко энтропия — это основная интегральная социодинамическая характеристика социальной системы. То, что понятие, описывающее меру стабильности общества и меру его близости к кризисным состояниям, определяется через заданную на уровне переживания меру связанности человека и общества, представляется наиболее адекватным для описания процессов социальной самоорганизации. В отличие от традиционного для социальных наук понимания соответствующей системы как состоящей из статусов и ролей, отвечающих рассматриваемому социальному срезу, обнаружение самоорганизационных социальных явлений требует того, чтобы в качестве элемента социальной системы мы рассматривали человека во всей его целостности³.

И.А. Донникова полагает, что социальная энтропия – это процесс разрушения индивидуализированного человеческого бытия – мира культуры. В социальном бытии имеет место хаос, который синергетика определяет как динамический – некий нулевой порядок, состояние равновероятности событий. Это хаос, который потенциально

---

¹ См.: Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (синергетика и теория социальной самоорганизации). – СПб. : Лань, 1999. – 480 с.

² Социологический справочник. Под ред. В.И. Воловича. - М., 1990.

³ Бевзенко Л.Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. - К.: Институт социологии НАН Украины, 2002, С. 423.

содержит в себе новый порядок и потому не противоположен социуму и культуре, а является их частью. В культурном опыте человечества этот хаос осмыслен в понятиях зла, лжи, ненависти, уродства и т.д. и представлен миром антикультуры¹.

Энтропия большинством авторов рассматривается в качестве одного из компонентов, формирующих экстремальную ситуацию, в результате чего ситуация приобретает свойство стрессогенности со всеми вытекающими отсюда последствиями (беспомощность, инфантильные реакции в виде безразличия, пассивности, апатии и т.п.). Энтропия порождает диссонансное состояние личности и оказывает дестабилизирующее влияние на развитие различных социальных групп.

Негативными свойствами наделяют энтропию Н.П. Фетискин и О.А. Филатов, определяя последнюю как системное явление, меру отклонения системы от эталонного состояния. Для них ситуации неопределенности обладают интегральным деструктивным воздействием, они рассматриваются даже как разновидность массового дистресса, что не может не отразиться на устойчивом развитии всего общества².

В итоге социальная энтропия проявляется через нарушение, «размывание» функциональной целостности и сбалансированности системы, что ведет к понижению возможности эффективного регулирования социальной жизни.

В социально-философском дискурсе категория социальной энтропии способна выступать как аналитический инструмент, дающий возможность «работать» с социальной реальностью, поскольку данная категория способна упорядочить многообразие значений, смыслов и социальных практик, связанных с процессами социального порядка/хаоса, социальной дезорганизации и социальной упорядоченности. Обращается внимание на то обстоятельство, что социальная энтропия как возможность всегда присутствует в обществе.

Таким образом, социальная энтропия как предмет анализа и как теоретическая проблема имеет определенную историю изучения и фиксируется в социальном познании на основе различных направлений и теоретических подходов. Постановка и актуализация в социально-гуманитарном знании проблемы социальной энтропии диктуется соображениями, связанными с особенностями ее прояв-

---

¹ Донникова И.А. Социальная энтропия: культурологический аспект. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nbuu.gov.ua/2009/>.

² Фетискин Н. П., Филатов О. А. Стратегии поведения в ситуации социальной неопределенности // Вестник интегративной психологии. - Ярославль, 2009. Вып. 7. С. 188.

ления в социокультурной реальности и необходимостью дальнейшей концептуальной проработки.

По мере того, как общество усложнялось, а социальная реальность менялась, начинает формироваться междисциплинарное направление, связанное с «наукой о сложном», в центре внимания которого оказались проблемы исследования систем с нелинейной динамикой, неустойчивым поведением, эффектами самоорганизации, наличием хаотических режимов, бифуркациями. Складывается «нелинейная метапарадигма постмодерна» и соответствующий теоретико-методологический инструментарий, нацеленный на изучение нелинейной социокультурной динамики, процессов самоорганизации социума, из которых, по существу, складывается принципиально новый социальный порядок.

В ходе осмысления разнообразных проблем и сюжетов социальной энтропии как совокупности социальных характеристик, сложившихся и зафиксированных в ходе социального взаимодействия и отражающих системную неопределенность в жизнедеятельности общества, все более заметную роль начинает играть синергетика, исследующая закономерности и тенденции социальной самоорганизации, то есть, прежде всего, взаимоотношений социального порядка и социального хаоса.

Энтропия в контексте развертывания социальной реальности и сам по себе концепт социальной энтропии вписываются в проблемное пространство современных обществ, которое определяется возрастанием сложности, открытости и неустойчивости, что предопределяет принципиально новый характер динамики взаимоотношений индивидов и общностей.

В социально-философском дискурсе категория социальной энтропии способна выступать как аналитический инструмент, дающий возможность «работать» с социальной реальностью, поскольку данная категория способна упорядочить многообразие значений, смыслов и социальных практик, связанных с процессами социального порядка/хаоса, социальной дезорганизации и социальной упорядоченности. Обращается внимание на то обстоятельство, что социальная энтропия как возможность всегда присутствует в обществе.

Библиография

1. Ахиезер А.С. Россия – сложное нелинейное общество. Рецензия // Отечественные записки, 2003, № 4. С. 543-548.
2. Бевзенко Л.Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. - К.: Институт социологии НАН Украины, 2002. – 437 с.

3. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (синергетика и теория социальной самоорганизации). – СПб. : Лань, 1999. – 480 с.
4. Донникова И.А. Социальная энтропия: культурологический аспект. [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://www.nbuu.gov.ua/2009/>.
5. Кравченко С.А Становление сложного социума: востребованность новых подходов к его исследованию // Гуманитарий Юга России, 2012, № 2, С. 29-45.
6. Кравченко С.А. Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. – М.: МГИМО, 2010. – 400 с.
7. Неклесса А. Настающее настоящее // Русский журнал, 2012, 14 октября.
8. Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренькова. – М.: Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996. – 560 с.
9. Фетискин Н. П., Филатов О. А. Стратегии поведения в ситуации социальной неопределенности // Вестник интегративной психологии. - Ярославль, 2009. Вып. 7. С. 183-188.
10. Bailey K.D. Social Entropy Theory. New York, 1990.

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

---

*СЕМЧЕНКОВ Андрей Сергеевич,
д. полит. н., профессор кафедры
«Политология, история и социальные
технологии» Московского государственного
университета путей сообщения
Императора Николая II (МИИТ)
andsem4@yandex.ru*

**Предпосылки социально-политической дестабилизации:
роль технологий и фактора неустойчивого равновесия
общества / Preconditions of social and political
destabilization: the role of technologies and factor
of unstable equilibrium of society**

Аннотация

В статье рассматриваются различные подходы к анализу роли технологий и фактора неустойчивого равновесия общества в инициировании процессов социально-политической дестабилизации в той или иной стране. Автор согласен с комплексным подходом, который учитывает роль как технологий, так и неустойчивого равновесия в появлении политической дестабилизации. Однако далеко не всегда предназначенное для дестабилизации общество находится в состоянии неустойчивого равновесия, и незначительного управляющего воздействия на него бывает недостаточно. В этом случае эффективны не «ненасильственные» технологии государственных переворотов, а более жесткие силовые методы, вызывающие напряженность и кризисы в социально-экономической, политической и духовной сферах: вооруженная агрессия, международная изоляция и экономические санкции, инициирование крупномасштабных внутренних столкновений. Тем самым современная политическая практика показывает, что добиться возникновения социально-политической напряженности не просто.

Ключевые слова

Технология; социально-политическая дестабилизация; фактор; неустойчивое равновесие.

Abstract

The article discusses various approaches to the analysis of the role of technologies and a factor of unstable equilibrium of society in the initiation of the processes of social and political destabilization in a country. The author agrees with the integrated approach, which takes into account both the role of technology and unstable equilibrium in the emergence of political destabilization. However, an intended for destabilization society is not always in a state of unstable equilibrium, and a little control action on it is not enough. In this case, not the “non-violent” technologies of coups, but harder methods of force, causing tensions and crises in the socio-economic, political and spiritual spheres, are effective: military aggression, international isolation and economic sanctions, the initiation of a large-scale internal conflicts. Thus the modern political practice shows that it is not easy to make the emergence of social and political tension.

Keywords

Technology; social and political destabilization; factor; unstable equilibrium.

В отечественной литературе, посвященной исследованиям социально-политической стабильности и путей ее поддержания, стала утверждаться точка зрения, согласно которой современные силовые и несиловые технологии позволяют решать задачи по смене политических режимов независимо от складывающихся условий внутри самого общества. Так, например, О.Н. Глазунов утверждает, что сегодня любая страна уязвима к использованию разработанных на Западе технологий государственных переворотов. Проведение последних возможно в любом государстве независимо от формы его устройства и правления, поскольку каждая страна имеет целый ряд ослабляющих ее стабильность политических и социально-экономических проблем¹. Отсюда логично вытекает вывод, что социально-политическая дестабилизация может быть инициирована в любое время и вне зависимости от того, в каком состоянии

---

¹ Глазунов О.Н. Государственный переворот. Стратегия и технологии. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2006. С. 5.

находится общество. В связи с данным дискуссионным тезисом имеет смысл обратиться к существующим представлениям исследователей о соотношении роли технологий и социальных предпосылок, условий и факторов в инициировании современных процессов социально-политической дестабилизации. В настоящее время можно выделить три основных подхода к анализу роли «ненасильственных» и силовых технологий в социально-политической дестабилизации современных государств.

Первый подход условно может быть назван **технологическим**. Согласно точке зрения его сторонников, сам процесс социально-политической дестабилизации представляет собой последовательность действий по применению информационно-коммуникационных, силовых, финансово-экономических, дипломатических и иных мер, ведущих к нарушению устойчивости функционирования политических, экономических, социальных институтов, делегитимации власти и дезорганизации системы управления страной, беспорядкам и кризисам. Акцент при таком подходе делается на технологиях социально-политической дестабилизации, а не на условиях, факторах и иных предпосылках, благодаря которым она вызрела. Именно технологии считаются основной движущей силой в смене политических режимов.

Так, С.А. Марков оценивает «цветные революции» как новый тип политических технологий смены государственной власти. Их особенностями являются: применение мирных и насильственных методов для отстранения правящей элиты от власти; выборы как ключевой момент для проведения переворотов; массовые демонстрации в центре столицы, захват правительственных учреждений; главный актер – не партия, а коалиция неправительственных организаций; важная роль в смене власти иностранных государств и организаций, части старой элиты и т.п.¹ Схожие взгляды высказывают и А.Э. Гапич, и Д.А. Лушников, которые выделяют в «цветных революциях» две составляющие: политическую технологию, зависящее от ряда факторов эффективное применение которой дает возможность актерам внутри и вне страны активизировать протестное движение и осуществить смену политического режима; процессы, имитирующие социально-политическую революцию и ведущие к государственному перевороту и свержению власти². Очевидно, что сторонники данного подхода придают технологиям слишком большое значение,

---

¹ Цит. по: Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии цветных революций: Монография. 2-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2014. С. 13-14.

² См.: Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии цветных революций: Монография. 2-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2014. С. 15-16.

оставляя практически без внимания социальные условия их применения.

Второй подход может быть обозначен как **социально-системный**, он опирается на допущение, согласно которому предпосылки социально-политической дестабилизации коренятся не столько в технологиях воздействия на общественное мнение относительно власти, сколько в комплексе условий, детерминант, факторов, ведущих к переходу общества в состояние неустойчивого равновесия. Подобной позиции придерживается, например, Дж. Голдстоун. Он рассматривает в качестве неустойчивого такое равновесие общества, при котором незначительное воздействие ведет к радикальному изменению существующего положения социальной системы. Такое воздействие могут оказывать война, экономический кризис, местное восстание, акция неповиновения или жестокие репрессии, способные вызвать реакцию в виде народных волнений или конфронтацию между элитами, нарастание беспорядков и смену политического режима. Условиями неустойчивого равновесия социальной системы выступают: проблемы в экономике и сборе налогов, создающие помехи в поступлении ренты в распоряжение правителей и элит и снижающие доходы всего населения страны; рост отчуждения и оппозиционных настроений среди групп элиты; революционная мобилизация вследствие роста возмущения народа несправедливостью; появление идеологии, содержащей разделяемый всеми нарратив сопротивления, объединяющей население и элиты в их недовольстве и требованиях к власти, а также обеспечивающей связь между различными социальными группами и их мобилизацию; благоприятная международная обстановка – будь-то в виде зарубежной помощи революционерам, отказа в поддержке правящей элите либо интервенции в целях проведения контрреволюции. Структурными причинами дестабилизации, подрывающими основы политических режимов, являются: демографические сдвиги, связанные с ростом численности населения, особенно молодых поколений; изменения в системе международных отношений – войны и межгосударственное экономическое соперничество, способные ослабить режим и привести к его смене; неравномерное либо зависимое экономическое развитие страны, ведущее к росту социального неравенства; новые формы вытеснения и дискриминации некоторых групп в политической, экономической сферах; эволюция «персоналистских» (авторитарных) режимов в сторону роста коррупции в среде государственных лидеров и их семей, что способствует делегитимации власти. Причинами-поводами могут быть неожиданные события, ведущие к дестабилизации: резкий скачок инфляции

или рост цен на продукты питания, поражение в войне, бунты и протестные выступления и т.п.¹

На факторы, а не на технологический аспект социально-политической дестабилизации обращает внимание и С.А. Белковский. Он выделяет ряд факторов «цветных революций»: внешнее давление на власть и ее делегитимация; остановка процессов вертикальной мобильности в обществе; внутриэлитные конфликты; отсутствие проекта развития страны; неготовность власти пойти на применение силы против оппозиции; межэтнические и межрегиональные противоречия; сращивание высшей бюрократии и политиков; повод к революции — фальсификация итогов выборов в органы власти или катастрофа местного уровня². Тем самым социально-системный подход практически не рассматривает роль технологий в социально-политической дестабилизации, что существенно обедняет теоретические построения его сторонников.

Третий подход — **комплексный**, сочетающий основные положения двух предыдущих. В соответствии с ним социально-политическая дестабилизация есть результат воздействия на находящуюся в состоянии неустойчивости (неустойчивого равновесия, хаоса, бифуркации, кризиса) социальную систему при помощи несиловых и силовых технологий, для чего зачастую не требуется прилагать серьезных усилий. Сторонником данного подхода, в частности, является В.П. Пугачев. Он отмечает, что определенная роль манипуляционных технологий (инструментария информационной, психологической войны, коммуникативных технологий) в свержении политических режимов в странах Латинской Америки, Африки, частично Азии во второй половине XX века и методов проведения «бархатных революций» в социалистических странах в 1980-е гг. неоспорима. Учитывать технологический фактор в социально-политической дестабилизации необходимо, но недостаточно, поскольку сама возможность применения технологий опирается на использование синергетических, организационных, экономических, микрополитических и прочих эффектов. Базисом технологий «цветных революций» выступают положения синергетики, а точнее эволюционного менеджмента, об учете процессов самоорганизации для достижения целей субъекта управляющего воздействия на них. Данные процессы формируются из естественных устремлений, общих потребностей и ценностей людей, и как раз влекут неза-

---

¹ Голдстоун Дж. А. Революции. Очень краткое введение / пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 27-43; Goldstone J. Revolution and rebellion in the early Modern World. Berkeley, etc.: University of California press, 1991. P.10-11.

² Белковский С. Общая теория революции, или апология Луки // Независимая газета. 2005. 23 мая.

метные, но устойчивые изменения в обществе. Учет процессов самоорганизации позволяет провести радикальные изменения в функционировании институтов власти, в том числе «цветные революции» и иные формы социально-политической дестабилизации. На примере «оранжевой революции» на Украине в 2004 г. В.П. Пугачев выделяет следующие этапы алгоритма дестабилизации: определение энергетического потенциала социальных групп, который может быть задействован в политическом протесте; выявление среди них потенциальных акторов дестабилизации; создание революционной организации и подготовка ее участников в специальных лагерях, «разогрев» и мотивирование протестных целевых групп; обеспечение информационного превосходства оппозиционного движения в электронных масс-медиа; активизация участников политического протеста за счет существующих и новых канальных факторов; оказание с помощью «ненасильственных действий» и террора давления на власть, парализация силовых структур, перевод общества в состояние бифуркации путем пропаганды и инициирования беспорядков; захват власти руководством оппозиции¹.

Также сторонник комплексного подхода Э. Люттвак добавляет, что проведение государственного переворота в современных странах облегчается в случае, если: имеется глубокий и длительный социально-экономический кризис, сопровождающийся масштабной безработицей и высоким уровнем инфляции; государство участвует в длительной и малоуспешной войне или несет военное и дипломатическое поражение; сохраняется хроническая нестабильность при многопартийной системе².

Частично с точкой зрения сторонников комплексного подхода можно согласиться, поскольку она учитывает роль как технологий, так и неустойчивого равновесия в появлении политической дестабилизации. Однако далеко не всегда предназначенное для дестабилизации общество находится в состоянии неустойчивого равновесия, и незначительное управляющее воздействие на него будет явно недостаточным. В этом случае эффективны не «ненасильственные» технологии государственных переворотов, а более жесткие силовые методы, вызывающие напряженность и кризисы в социально-экономической, политической и духовной сферах: вооруженная агрессия, международная изоляция и экономические санкции, инициирование крупномасштабных внутренних столкновений. Со-

¹ Пугачев В.П. Управление свободой. М.: КомКнига, 2005. С. 215-221.

² Luttwak E. Coup d'etat: a practical handbook. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979. P. 63; Люттвак Э. Государственный переворот: практическое пособие / Перевод с английского Н.Н. Платошкина. М.: Русский Фонд Содействия образованию и Науке, 2012.

временная политическая практика показывает, что добиться возникновения социально-политической напряженности непросто. В обоснование этого обратимся к опыту применения технологий политической дестабилизации в ходе прошедших в конце XX – начале XXI столетий локальных войн, а также в государственных переворотах в некоторых странах Южной Европы, СНГ и Ближнего Востока.

Локальные войны рубежа прошлого и нынешнего веков проводились по сценариям сочетания «жесткой» и «мягкой» силы. В случае с Ираком в 1991–1998 гг. вариант последовательного применения этих компонентов мощи, при котором сначала проводилось военное давление на испытывающее бремя экономических санкций и международной изоляции население страны для того, чтобы спровоцировать его на восстание и смещение правящей элиты, в отсутствие сильной радикальной оппозиции не привел к искомым результатам. Однако в 1999 г. в ходе военной кампании против Югославии коалиция во главе с США сумела дестабилизировать социально-политическую и экономическую жизнь общества, добилась сецессии Косова и подорвала легитимность правительства С. Милошевича. Это уже в 2000 г. позволило без особых препятствий осуществить «цветную» революцию, поддержанную социально активной частью населения, командованием вооруженных сил и спецслужбами страны. В 2003 г. в Ираке коалиция параллельно с военными действиями подкупила генералитет иракской армии и использовала оппозицию и этнические меньшинства для захвата ключевых районов страны.

В 2011 г. показательным примером развития событий по сценарию синхронизации применения военной силы и развертывания активности экстремистских организаций стал внутригосударственный конфликт в Ливии, находившейся в относительно благополучном социально-экономическом положении по сравнению с другими странами Ближнего Востока и Африки. В Киренаике развернулось повстанческое движение во главе с Переходным национальным советом, состоявшее из представителей экстремистских структур и объединенной Интернет-коммуникациями молодежи. Повстанцы стремились поставить под свой контроль объекты нефтяной промышленности – главной отрасли экономики страны – и вынудить лидера страны М. Каддафи покинуть свой пост. США и их союзники (в том числе некоторые аравийские монархии) оказали политическую и информационную поддержку повстанцам, добились введения санкций ООН против М. Каддафи и его семьи, а также создания над Ливией бесполетной зоны. Вслед за этим с целью поддержки действий повстанцев последовало военное вторжение государств-членов НАТО в Ливию, что окончательно дестабилизировало обстановку в

стране и поставило ее население перед угрозой голода и нехватки пресной воды. Эксперты отмечают при этом, что действия авиации НАТО, наносившей удары по электростанциям и другим объектам мирной инфраструктуры Ливии, соответствовали концепции «стратегического паралича» Дж. Уордена¹. В итоге Североатлантическому альянсу и повстанцам удалось нанести поражение силам М. Каддафи и взять Триполи.

Без военного вторжения развивались события в Сирии, где в 2011–2013 гг. проводившиеся согласно методологии «ненасильственных действий» выступления сторонников Сирийского национального совета против правительства Б. Асада (массовые манифестации, всеобщие забастовки в крупных городах, призывы к дезертирству, бойкотированию магазинов и продукции приближенного к власти бизнеса) сопровождалась вооруженными мятежами и диверсионно-террористическими акциями, направленными на усугубление политической нестабильности. Давление боевиков на население и власть осуществлялось путем совершения бесчинств и насилия под видом армейских формирований, поражения элементов и объектов критической инфраструктуры, в частности, нефтепроводов и электростанций. Серьезную дипломатическую и финансовую поддержку действиям экстремистов оказали Соединенные Штаты и арабийские монархии, прежде всего Катар. В дальнейшем с 2014 г. в Сирии развернулась полномасштабная иррегулярная война между правительственными войсками и силами исламистов из «Джебхат ан-Нусра» и запрещенного в РФ «Исламского государства». С 2015 г. по просьбе правительства Б. Асада части Вооруженных Сил РФ, поддерживая сирийскую армию, начали вести боевые действия против джихадистов.

Удавшиеся **«цветные революции»** в странах СНГ (Грузии, Украине, Киргизии) проводились по второму сценарию, предполагавшему учет нестабильных социально-экономических и политических условий жизни общества для создания у его широких масс и больших групп состояния относительной депривации. «Мягкая» сила здесь опиралась на уже протекающий системный общенациональный кризис, что не требовало использования военной мощи для перевода страны в это состояние. Успех переворотов обеспечивался поддержкой союзников из числа местной бизнес- и политической элиты, конкурирующих кланов, региональных групп влияния, помощью спецслужб, зарубежным давлением на руководство страны

---

¹ См.: Ручкин В. Войска выведены из Хамы // Красная звезда. 2011. 12 августа.

с целью вынудить его принять условия лидеров «цветных революций» и уйти в отставку.

В 2011 г. по похожему сценарию развивался и процесс смены власти в Тунисе и Египте. В Тунисе социальное и экономическое неблагополучие, а также недовольство главой государства президентом З.А. Бен Али и его окружением вызвали массовые антиправительственные выступления граждан, поддержанные армией. В их итоге Бен Али был вынужден бежать из страны. В Египте на фоне системного социально-экономического и политического кризиса возникли массовые протестные выступления населения, организованные, в том числе, благодаря пропаганде в мечетях и использованию мобильной связи, социальных сетей Facebook и Twitter. Крупнейшее из выступлений произошло в Каире на площади Тахрир и было поддержано «Братьями-мусульманами», молодежной оппозиционной партией «Аль-Кефая», профсоюзами и другими структурами. Сложившаяся ситуация привела к отставке президента Х. Мубарака, передаче власти его заместителю, а затем Высшему совету вооруженных сил государства, взявшему на себя функции по политической и экономической стабилизации обстановки в стране. В последующем недолгое правление победившего на президентских выборах представителя «Братьев-мусульман» М. Мурси завершилось его отстранением от власти, которую вновь получил египетский генералитет.

Таким образом, современная политическая практика показывает, что далеко не все страны одинаково уязвимы к применению технологий государственных переворотов. «Мягкая» дестабилизация в форме «цветных революций» достигалась за счет использования уже имевшихся в обществе острых политических противоречий, социально-экономического и духовного неблагополучия, которые затем становились основой для применения несилowych технологий смены режимов, ресурсы противодействия оппозиции у которых были незначительными. «Жесткая» дестабилизация, проводившаяся в отношении политических режимов, обладавших значительными возможностями противодействия подрыву их основ, могла как включать (Югославия и Сирия), так и не включать (Ирак) мероприятия «мягкой» дестабилизации, но обязательными ее составляющими стали международная изоляция и экономические санкции в отношении государства-жертвы, военное вторжение в него и/или инициирование в нем крупномасштабного внутреннего вооруженного конфликта. Роль «ненасильственных действий» в социально-политической дестабилизации была неоднозначной в разных ситуациях. Вклад «ненасильственных действий» в «цветные революции» был значительным, хотя и прямо зависел от фактора неустойчиво-

го равновесия социума. В полуавторитарной Югославии применение этих технологий лишь довершило процесс распада страны, в котором более серьезную роль сыграли международные санкции и агрессия НАТО. В случаях же авторитарных Сирии, Ливии и Ирака данные технологии показали малую результативность или оказались бесполезными, и ставка делалась на перерастание межэтнических, межконфессиональных, межклановых противоречий в крупные вооруженные столкновения, а также на военное поражение этих государств. Тем самым можно говорить о взаимосвязи между технологиями и фактором неустойчивого равновесия в инициировании социально-политической дестабилизации. С одной стороны, неустойчивое равновесие служит базисом для эффективного применения технологий государственных переворотов, с другой стороны, использование в дестабилизации самих технологий (прежде всего жестких, силовых) способствует переводу социальной системы в неравновесное состояние.

Библиография

1. Белковский С. Общая теория революции, или апология Луки // Независимая газета. 2005. 23 мая.
2. Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии цветных революций: Монография. 2-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2014. 126 с.
3. Глазунов О.Н. Государственный переворот. Стратегия и технологии. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2006. 448 с.
4. Голдстоун Дж.А. Революции. Очень краткое введение / пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 192 с.
5. Люттвак Э. Государственный переворот: практическое пособие / Перевод с английского Н.Н. Платошкина. М.: Русский Фонд Содействия образованию и Науке, 2012. 326 с.
6. Пугачев В.П. Управление свободой. М.: КомКнига, 2005. 272 с.
7. Ручкин В. Войска выведены из Хамы // Красная звезда. 2011. 12 августа.
8. Goldstone J. Revolution and rebellion in the early Modern World. Berkeley, etc.: University of California press, 1991. 608 p.
9. Luttwak E. Coup d'etat: a practical handbook. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979. 216 p.

*РЫБАКОВ Андрей Вячеславович,
д. полит. н., профессор, зав.кафедрой
«Политологии» Московского авиационного ин-
ститута (Национального исследовательского
университета)
rybackov@rambler.ru*

Миграционные процессы в странах ЕС: социокультурное и политическое измерение / Migration processes in the EU: the socio-cultural and political dimension

Аннотация

В статье рассматриваются направления социокультурной трансформации стран Европейского Союза и ее влияние на политические процессы, вызванные реализацией современной европейской миграционной доктрины. Отмечается, что на протяжении последних десятилетий ведущие страны Европы постепенно теряют демографический динамизм и компенсируют дефицит трудоспособного населения значительными объемами иммиграции. Делается вывод, что указанный процесс приводит к возникновению в странах ЕС неассимилированных анклавов выходцев из стран Ближнего Востока и Африки, игнорирующих ценности коренного населения европейских стран. В свою очередь, социокультурные трансформации, вызванные миграционными процессами, приводят к заметной радикализации партийно-политических систем стран ЕС.

Ключевые слова

Европейский Союз; миграционная политика; социокультурные трансформации; радикальные политические партии; мультикультурализм.

Abstract

In the article deals with the social and cultural transformation of the directions of the European Union and its influence on political processes caused by the implementation of modern European migration doctrine. It is noted that in recent decades the leading European countries are gradually losing the demographic dynamism and compensate for the deficit of the working population immigration significant volumes. It is concluded that this process

leads to the emergence in the EU enclaves of unassimilated immigrants from the Middle East and Africa, ignoring the value of the indigenous population of the European countries. In turn, the socio-cultural transformation caused by migration, leading to a significant radicalization of the party-political systems of the EU countries

Keywords

European Union migration policy; socio-cultural transformation; radical political parties; multiculturalism.

Одним из важнейших направлений внутренней политики России является формирование ее миграционной составляющей. Сохранение же миграционной политики предусматривает изучение опыта стран, в которых интенсивность миграционных процессов сегодня выше, чем в России. Для политической науки исследование социально-политических последствий миграции населения является значимым направлением, так как в системе международных отношений и внутренних процессов в странах ЕС правомерно говорить о попытках построения единой, хотя и противоречивой политики в области регулирования миграционных потоков. Именно это обстоятельство обосновывает необходимость корректировки научных подходов, сформулированных ранее в работах С. Хантингтона, И. Валлерстайна, Г. Киссинджера, Ф. Закарии, В. Тодда и других исследователей.

Еще в начале XX века правительства европейских государств пытались ограничивать иммиграционные потоки, которые могли бы существенно нарушить традиционный для этих обществ расово-этнический и культурно-цивилизационный баланс. Однако после Второй мировой войны ситуация изменилась. Страны Европы распахнули двери для массовой миграции выходцев из своих бывших колоний, привлекали дешевую рабочую силу, занимавшую те экономические ниши, которых избегало коренное население (химическая промышленность, коммунальное хозяйство, сфера обслуживания и т.п.). Однако до 1970-80-х гг. мигранты традиционно рассматривались как «временные гости» («гастарбайтеры» – от нем. *Gastarbeiter*; дословно: гость-работник), и на первых этапах политика регулирования миграционных процессов не ставила своей задачей социокультурную адаптацию работников. И только увеличение количества мигрантов в конце XX века до 10-15% от общей численности населения стран ЕС подвигло европейскую бюрократию к более решитель-

ным шагам по регулированию миграционных процессов и разработке политики их интеграции.¹

Активизация миграционных процессов в Европе вызвана значительной депопуляцией и старением коренного населения. Лишь одна из пятидесяти европейских наций – мусульманская Албания – продолжает демографический рост. Из двадцати наций мира, имеющих самый низкий уровень рождаемости, восемнадцать – европейские. Средний уровень рождаемости в Европе упал до 1,4, тогда как для сохранения текущей численности населения требуется как минимум 2,1 (был зарегистрирован в Европе последний раз в 1957 г.). Согласно прогнозу Демографического отдела ООН, при сохранении текущего уровня рождаемости, без учета миграции, население стран ЕС в 2050 г. будет около 500 млн. человек, при этом 50% из них – старше 50 лет. Европа может потерять человеческий потенциал, равный совокупному населению Нидерландов, Бельгии, Швеции, Дании и Норвегии. Данные факты приводит П. Бьюкенен в интервью немецкому журналу «Nation und Europa».² Соответственно, европейское сообщество вынуждено компенсировать собственную демографическую депопуляцию иммиграционными потоками, что приводит к радикальному изменению национального состава стран ЕС. По статистическим данным, за пределами Евросоюза родилось около 30 млн. европейских граждан, что составляет около 6% населения. Количество нелегалов достигает 5-8 млн. человек (1–1,75%). Однако, как уже было отмечено выше, на экспертном уровне количество мигрантов в ЕС оценивается, по разным методикам, на уровне 10–15% от общей численности населения.

За последние десятилетия в Европу проникли миллионы мигрантов. Первое место среди них уверенно держат выходцы из мусульманских стран – на территории ЕС их насчитывается около 15 млн. человек. Это позволило исламу вытеснить иудаизм с позиций второй по распространенности религии в ЕС. Однако не следует забывать, что дипломатическое и стратегическое пространство ЕС – через Совет Европы и НАТО – включает еще почти 100 млн. мусульман из Албании, Боснии, Турции и Азербайджана. Исламский фактор уже стал «головной болью» ЕС. Если интеграция между самими европейцами увенчалась успехом, то «она часто не срабатывает, когда речь идет о многочисленных иммигрантах мусульманах, и это порождает

---

¹ Апанович М. Ю. Политические аспекты миграционных процессов в современной Европе: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. Спец. 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. М. 2012. С.5.

² «Европа совершает самоубийство». Интервью П. Бьюкенена. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/blogs/2002-08-2042>.

сложные проблемы в сфере безопасности, которые ЕС с большим трудом пытается решить»¹.

Результатом активных миграционных процессов в Европе стало возникновение больших анклавов африканского, азиатского, мусульманского населения, потерявшего интерес к социокультурной ассимиляции в принимающие общества². Это обстоятельство признают практически все ведущие обществоведы. Э. Тоффлер отмечает, что в современном мире «везде усиливается сопротивление «тигельному» процессу. Расовые, этнические и религиозные группы отстаивают свое право на существование и продолжают гордо сохранять свою самобытность»³.

Проблемы ассимиляции мигрантов, преимущественно выходцев из мусульманских стран, остро беспокоят коренное европейское население, профессиональных экспертов, национальные политические элиты. Как отмечает американский политолог Р. Каган, в последние годы европейское общество подчеркнуто болезненно реагирует на вопросы иммиграции и культурной идентичности, и большинство лично знакомых ему экспертов сомневаются в том, что Европа «способна будет переварить всех новых иммигрантов»⁴.

Крайнюю озабоченность последствиями миграционной политики выражает С. Хантингтон. Он отмечает следующие черты этого процесса:

1. Миграция становится самонарастающим процессом.
2. Новые мигранты приезжают в основном из незападных обществ.
3. Среди мигрантов уровень рождаемости значительно выше, чем у представителей титульных наций.
4. Мигранты создают земляческие общины, не интегрируются в культуры, которые их приняли.
5. У граждан Запада развиваются фобии по отношению к мигрантам.

---

¹ Коэн Р. Преобразование Европы еще далеко от завершения / The International Herald Tribune. - 2007. - 26 march. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation/233632.html>.

² Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: «изд-во АСТ», 2003. – С. 13.

³ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века / Пер. с англ. М.: «изд-во АСТ», 2003. – С. 229.

⁴ Kagan R. In Europe, a Slide Toward Irrelevance / Robert Kagan // The Washington Post. – 2008. – 13 June. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/06/13/AR2008061302639.html>.

6. На Западе (и особенно в Европе) появились и усиливаются праворадикальные антииммиграционные партии¹.

Похожие опасения высказывает и З. Бжезинский. Его видение ситуации можно выразить такими тезисами:

1. Миграция начинает менять социально-культурную структуру Запада.

2. Вскоре ЕС будет вынужден возродить практику комплектования вооруженных сил мигрантами-наемниками.

3. Этнические лобби уже сегодня реально влияют на внешнюю политику западных стран.

4. Рано или поздно во всех западных странах определенное расовое или этническое меньшинство сможет занять доминирующее положение в системе власти².

Упомянутые исследователи выражают озабоченность не столько миграционными процессами, сколько их последствиями в социокультурной и политической сферах, связанными с нежеланием мигрантов осваивать базовые ценности принимающих обществ. Такое явление ранее всячески пресекалось западными государствами, а во второй половине XX века стало доминирующей тенденцией в отношениях обществ-реципиентов и прибывающих иммигрантов. В последние десятилетия практически все ведущие западные страны перешли к ассимиляционно-миграционной модели, которая получила название «миска салата» или мультикультурализм. Эта модель предусматривает почти полный и повсеместный отказ от политики ассимиляции (по крайней мере, от ее явных форм). Вместо формирования большой нации происходит процесс утверждения «множественных лояльностей», «сакрализации разнообразия».³ Ф. Фукуяма подчеркивает, что все западные страны обречены развиваться в сторону создания мультикультурного общества. Однако, отмечает он, «население развитых стран, преданное своим историческим ценностям, болезненно воспринимает идею создания такого общества». В складывающейся ситуации западное общество должно свыкнуться с этой тенденцией, европейцам придется научиться мириться с рядом «отвратительных» проявлений мультикультурализма американского образца⁴.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: «изд-во АСТ». 2003. – С. 309-313.

² Бжезинский Зб. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство // Пер. с англ. Е. Нарочницкая, Ю. Кобяков. М.: Междунар. отношения. 2007. – С. 210-220, 245-246.

³ Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца / Пер. с франц. Е. Корендясова. М.: Междунар. отношения. 2004. – С. 131.

⁴ Fukuyama F. A Year of Living Dangerously. Remember Theo Van Gogh // The Wall Street Journal. 02.11.2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

В свою очередь, С. Хантингтон отмечает, что легализация мультикультурализма привела к превращению обществ в арену сосуществования нескольких этносов-антиподов, а попытки демократических государств сгладить противоречия, проводя курс на «положительную дискриминацию» с квотами, установленными для черного меньшинства и в дальнейшем для испаноязычного населения для того, чтобы добиться особого отношения и специфических выгод, «парадоксальным образом снова узаконили понятие этноса, расы, то есть привели к тому, что эти законы должны были устранить»¹.

Специалисты отмечают явное нежелание мигрантов осваивать социальные нормы поведения европейцев. Более того, лидеры эмигрантских общин часто заинтересованы в компактном и обособленном проживании своих подопечных. В их сознание имплантируется установка на то, что западное общество полно предрассудков в отношении ислама и мусульман. По мнению А. Казинцева, общины часто скреплены не только воинственным пафосом ислама, но и чувством коллективной отверженности – этнической и социальной, что образует питательную среду для радикалов всевозможных оттенков.² Как следствие, мусульманское миграционное движение превращается в хорошо организованную политическую силу, управляемую со стороны международных и национальных эмигрантских организаций («Мировое исламское единство», «Братья-мусульмане», Союз исламских организаций Европы, Союз исламских культурных центров, «Исламская помощь» и др.).

В начале XXI в. европейцев стало раздражать значительное увеличение количества иностранцев в больших городах, нежелание иммигрантов учиться и получать профессию, появление этнических подростковых банд, преследование мигрантами представителей сексуальных меньшинств и сведение счетов приезжих мусульман с местными евреями. Э. Моравчик констатирует, что антимусульманская и неонационалистическая реакция в Европе неизбежна на фоне попыток интегрировать быстрорастущие национальные меньшинства. Это вызывает «самые печальные предсказания о будущем «Евроаравии» и разрушении чисто европейской цивилизации»³. По мнению авторитетного исследователя ислама Б. Льюиса, «не позд-

---

<http://www.opinionjournal.com/editorial/feature.html?id=110007491>).

¹ Лакруа А. Хантингтон: «Столкновение многокультурности» / Интервью Le Figaro. - 2005. - 19 January. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20050119/216440>.

² Казинцев А. На что мы променяли СССР? Симулякр, или стекольное царство. М.: изд-во «Эксмо», 2001. – С.29.

³ Моравчик. Уникальный момент / Newsweek. - 2007. - 19march. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20070319/233492>.

нее, чем до конца XXI века Европа станет частью арабского Запада, Магриба»¹. Т. Бленкли прогнозирует, что «западные ценности и образ жизни будут вытеснены из Европы ценностями радикального ислама». Привлекательность исламизма, который исповедуется меньшинством, но терпит и прощается большинством, усиливается, а Европа, соответственно, превращается в «Еврабию»². М. Штейн констатирует, что мусульманам не просто удастся отстоять свои интересы в Европе, но и создать условия для самоликвидации западной цивилизации как культурного и политического феномена. Быстрая смена пропорции между коренными жителями Европы и мигрантами-мусульманами, по его убеждению, смертельно губительна для либеральной демократии. «Если 100% населения верят в либеральную, плюралистическую демократию, то не имеет значения, сколько из них «белые» – 70% или 5%. Но, когда часть населения верит в либеральную, плюралистическую демократию, а другая – нет, то большую роль играет то, сколько включает эта часть – 90% или только 60%, 50% или 45% населения».³

Опрос, который провели в начале 2015 г. социологи из института IFOP в Париже, осветил настроения европейцев из семи стран и их отношение к беженцам. В результате получилось, что «благодаря экономическому благополучию в стране немцы чувствуют себя более уверенно, чем французы, испанцы или голландцы на фоне сотен тысяч мигрантов, прибывающих в Европу. Также социологи отметили так называемый «Эффект Меркель»: основная масса жителей Германии доверяет канцлеру в вопросах миграционной политики и размещения беженцев. С другой стороны, опрос показывает, что только в Германии в октябре 2014 г. увеличилось число людей, призывающих к ужесточению пограничного контроля, а также к жесткой борьбе с нелегальной миграцией. Если в сентябре 2014 г. по данным опроса к таким мерам призывали прибегнуть 32% опрошенных, то в октябре их стал уже 41%. Семь стран ЕС, где также проводился опрос, могут быть разделены на три группы. Первую группу исследователи условно назвали «исповедующие благодетель». Так, согласно данным опросов, более чем три четверти всех немцев и

---

¹ См. Интервью Б. Льюиса: Schwanitz W. «Europa wird am Ende des Jahrhunderts islamisch sein» // Die Welt. - 2004. - 28 Juli. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.trafoberlin.de/pdf-dateien/Bernard Lewis Islamisches Europa Juli 2004.pdf>.

² Цит. по: Бэрроун М. Предотвратить «Еврабию» / The Washington Times. – 2005. – 26 September. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20050927/222553.html>.

³ Steyn M. Selbstmord Europas - Essay / Die Welt. – 2006 – 9 Februar. . [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.welt.de/print-welt/article196655/Selbstmord-Europas-Essay.html>.

итальянцев сказали «да» приему и распределению беженцев в Европе. Во второй группе оказались европейцы с совершенно противоположными ценностями: меньше половины британцев (44%), французов (46%) и голландцев (48%) хотят видеть у себя беженцев. В третьей группе оказались довольно благодушные испанцы (67%) и датчане (57%), которые вроде и не против принять мигрантов. Ни национальное благосостояние, ни число доходов на душу населения, ни география не влияли на данные опроса. Социологи утверждают, что решающим фактором оказалась совесть. Так, 79% немцев в сентябре, 76% в октябре, а также 68% итальянцев заявили, что это «долг нашей страны принимать мигрантов, бегущих от войны и нищеты». Точно такое же мнение выражают 67% испанцев и 64% датчан. За ними следуют голландцы – 61%, французы – 54% и англичане – 54%. В тоже время представители всех семи стран, участвовавших в опросе, отмечают, что политика открытых границ постоянно привлекает новых беженцев. «Сегодня много, завтра еще больше?», – задаются они вопросом. Так, восемь из десяти британцев, французов и итальянцев, а также семь из десяти датчан, испанцев и немцев с озабоченностью отмечают, что принятие большого числа мигрантов может стать опасным. Также опрос показал, что большинство немцев (55%) считают, что мигранты стимулируют экономику, в то время как в остальных странах Евросоюза скорее придерживаются противоположного мнения. Ближе к немцам только датчане, которые заявили, что они экономически готовы принимать беженцев. Три четверти французов и итальянцев заявили, что у их стран не хватит средств содержать большое число мигрантов. Жители этих стран отметили, что у них и так более чем десять процентов населения безработные. Причем, как отметили авторы опроса, чем больше в стране процент безработных людей, тем ниже готовность ее жителей принимать мигрантов. Это правило не сработало только в Испании, где, несмотря на рекордное число безработных – 22,5% населения – треть жителей считает, что их страна готова принять беженцев. И в Великобритании, где число безработных составляет только 5,6% населения, но 60% англичан заявили о том, что их страна и так перегружена мигрантами. О том, что в их стране и так «уже много иностранцев» заявили французы, итальянцы (63%) и британцы (60%). Аналогичного мнения придерживаются в Нидерландах и Дании. Однако, как замечает немецкое издание Sddeutsche Zeitung, если поток мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки не уменьшится и будет идти еще длительное время, настроения нем-

цев, которые, судя по данным опроса, настроены по отношению к мигрантам благодущеe всех в Евросоюзе, могут ухудшиться»¹.

Знаковым событием в жизни Европы стал референдум в Швейцарии 9 февраля 2014 г., на котором инициативу «Против массовой миграции» поддержало 50,3% участников голосования. Инициатором референдума выступила Швейцарская Народная партия, которая придерживается идеологии «правого» популизма и именно на антииммиграционной теме набрала в 2007 г. 29% голосов на парламентских выборах, что является рекордом для политических партий Швейцарии с 1919 г.² Итог референдума 2016 г. о выходе Великобритании из ЕС был во многом предопределен недовольством британцев европейской политикой в области миграции.

Рост антииммиграционных настроений в европейских странах находит свое выражение в функционировании их партийно-политических систем. Заметно растет поддержка коренным населением праворадикальных партий. В 2013 г. аналитическая организация «Counterpoint» провела исследование электорального потенциала праворадикальных сил в 8 странах. Оно показало, что убежденными радикалами себя считают более 5% населения Дании, Венгрии, Нидерландов и Норвегии. В целом готовы поддержать радикальные политические силы в Германии – 9% граждан, в Дании – 14%, во Франции – 15%, в Нидерландах – 16%, в Финляндии – 19%, в Венгрии – 33%. Исследователи обращают особое внимание на Францию, Нидерланды и Финляндию, опровергая некоторые распространенные стереотипы, например, что радикалы – это всегда молодые, необразованные и склонные к насилию мужчины. Это не так, подчеркивают они, поскольку среди радикалов, особенно среди новых, наблюдается все больше женщин и людей старшего возраста.³

Признавая, что современная миграция детерминирована объективными экономическими мотивами, следует отметить, что миграционные процессы не только влияют на внутривнутриполитические процессы, но и стимулируются отдельными политическими группами для получения определенных социокультурных последствий. Некоторые

---

¹ Добро пожаловать в ЕС: опрос показал как европейцы относятся к мигрантам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fapnews.ru/195604-dobro-pozhalovat-v-es-opros-pokazal-kak-evropeytsyi-otnosyatsya-k-migrantam>.

² Швейцария возвращается к миграционным квотам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1043&ret=527.

³ Torreblanca Jos Ignacio. Recuperar a los nuevos radicales // El Pais. - 2013. - 18 noviembre. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://blogs.elpais.com/cafeiteiner/2013/11/recuperar-a-los-nuevos-radicales.html>.

исследователи полагают, что иммиграцию поддерживают те политические силы, которые за ее счет расширяют свое политическое влияние. Например, российский социолог В. Штепа уверен в том, что представители левых политических сил активно подхлестывали иммиграцию из стран третьего мира на Запад, ставя перед собой следующие задачи:

1. Получение привязанного к ним электората, который будет голосовать за трудовые или социал-демократические партии.

2. Навязывание коренному населению комплекса вины перед мигрантами.

3. Постепенная трансформация мира в одно большое государство, что соответствует марксистской интернационалистической идеологии¹.

По мнению Б. Кагарлицкого, в усилении миграционных процессов заинтересованы как раз не левые, а их идеологические оппоненты – неолибералы. Он утверждает, что поощрение миграции стало частью неолиберальной стратегии, направленной на подрыв рабочего движения и изменение соотношения сил в общества. Классовое противостояние должно смениться этническими конфликтами, которые (в отличие от противоборства труда и капитала) не имеют решения. Солидарность трудящихся должна смениться разобщенностью обездоленных «множеств»².

В последнее время стало модным подозревать в нагнетании миграционных страстей консервативные и праворадикальные силы, которым на фоне межцивилизационных противостояний удастся мобилизовать под свои флаги патриотический электорат. Европа уже столкнулась с правыми антииммигрантскими движениями, такими как Национальный Фронт во Франции, партия «Фламандский интерес» в Бельгии, «Лига Ломбардии» и Национальный альянс в Италии, Партия Свободы в Австрии, Партия свободы в Нидерландах, Народная партия Дании, Народная партия Швейцарии, норвежская Партия Прогресса, демократическая партия Швеции, партия «Атака» в Болгарии, «Партия независимости Соединенного Королевства», партия «Великая Румыния», партия «Jobbik» в Венгрии, партия «Золотой рассвет» в Греции и др. Динамика политических процессов современной Европы показывает, что праворадикальные силы не только получили гарантированные электоральные ниши, но превращаются в конкурентов традиционных партий. Лидеры французского Национального Фронта М. Ле Пен и нидерландской Партии Свободы Г. Вил-

---

¹ Штепа В. Рутония /Екатеринбург: Ультра. Культура. 2004. – С. 113.

² Кагарлицкий Б.Ю. Политология революции / М.: «Алгоритм». 2007. – С.85.

дерс инициировали в конце 2013 г. образование панъевропейского альянса правых сил, своеобразного интернационала националистов ЕС. Эта инициатива была поддержана Народной партией Дании, партией «Истинные финны» и партией «Фламандский интерес».

Соглашаясь с тем, что ряд политических сил на тактическом уровне может иметь определенные выгоды от миграционных процессов, трудно признать, что именно эти силы являются локомотивами глобальных миграционных процессов. Наличие определенной заинтересованности в миграционных процессах со стороны практически всего спектра политических сил скорее свидетельствует о том, что субъекты глобального управления миграционными процессами находятся над политическими системами отдельных обществ. Пока же, по мнению экспертов аналитической организации «Counterpoint», в европейском сообществе есть четыре способа поведения относительно радикальных партий, влияние которых на системы принятия решений постоянно увеличивается. Первый – это остракизм, возведение «санитарного кордона», отказ от взаимодействия с радикальными партиями при любых обстоятельствах. Однако это проблематично, поскольку создает вокруг них ореол жертв системы, усиливая, таким образом, их позиции. Второй способ поведения заключается в борьбе с радикальными партиями за их избирателей. Третий вариант предусматривает взаимодействие с этими партиями, создание правительственных или парламентских коалиций. В то же время этот путь в перспективе усиливает позиции радикальных партий. Четвертый способ заключается в попытке привлечь на свою сторону более или менее умеренных радикалов, которые способны рационализировать свои интересы и действия (через социальные, просветительские и коммуникативные проекты). Однако этот шаг требует значительных ресурсов, усилий и времени, которых так не хватает правящей европейской бюрократии.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- депопуляция населения западного мира и смешение населения ЕС с выходцами из других цивилизационных ареалов постепенно приводит к серьезному изменению национального состава и соответствующей социокультурной трансформации стран ЕС;
- практически все ведущие страны ЕС перешли к мультикультурной модели миграции, которая предусматривает практически полный отказ от политики ассимиляции. Как следствие, на территории ЕС растет роль анклавов неассимилированных представителей незападных цивилизаций, игнорирующих ценности коренного населения европейских стран;

- заметное увеличение численности мигрантов и усиление их роли в общественной жизни стран ЕС способствует росту праворадикальных настроений среди коренного населения и увеличивает политический вес ультранационалистических политических сил;

- при усилении миграционных потоков на территории ЕС возрастает вероятность возникновения политических партий и организаций, ориентированных на натурализованных мигрантов, что также будет способствовать радикализации политических систем;

- правительствами стран ЕС не предложено четкого видения коррекции миграционной политики с целью смягчения негативных последствий влияния масштабной миграции на политическую жизнь принимающих стран, в частности, на снижение уровня радикализации публичного дискурса европейских партийно-политических систем.

Библиография

1. Апанович М. Ю. Политические аспекты миграционных процессов в современной Европе: Автореф. дис. ... Канд. полит. наук: спец. 23.00.04 - «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» / М. 2012, 18 с.

2. Бжезинский Зб. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / [Пер. с англ.] - М. : Международные отношения, 2004. – 288 с.

3. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / П. Дж. Бьюкенен; [Пер. с англ. А. Башкирова] - М. : ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 444 с.

4. Бэроун М. Предотвратить «Евразию» // The Washington Times. – 2005. – 26 September. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20050927/222553.html>.

5. «Европа совершает самоубийство». Интервью П. Бьюкенена. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/blogs/2002-08-2042>.

6. Кагарлицкий Б.Ю. Политология революции / М. : Алгоритм, 2007. – 576 с.

7. Казинцев А. На что мы променяли СССР? / А. Казинцев. – М. : Изд-во Яуза; Изд-во Эксмо, 2004. - 445 с.

8. Коэн Р. Преобразование Европы еще далеко от завершения / The International Herald Tribune. - 2007. - 26 march. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation/233632.html>.

9. Лакруа А. Интервью с С. Хантингтоном: «Столкновение многокультурности» // Le Figaro. - 2005. – 19 January. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20050119/216440>.

10. Моравчик Э. Уникальный момент // Newsweek. – 2007. – 19 march. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20070319/233492>.

11. Тодд Э. После империи. Pax Americana - начало конца / Э. [Пер. с фр. Е. Н. Корендясова]. – М.: Международные отношения, 2004. - 240 с.

12. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века / [Пер. с англ.] – М.: ООО Изд-во АСТ, 2003.- 669 с.

13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / [Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова]. - М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003.- 603 с.

14. Штепа В. RUтопия / Екатеринбург: Ультра. Культура, 2004.- 384 с.

РУССКИЙ МИР

---

*КСЕНОФОНТОВ Владимир Владимирович,
к. фил. н., старший преподаватель
Первого профессионального университета,
г. Москва
kvvmvoky173@mail.ru*

Русский мир и его социокультурные основы: сущность и особенности /Russian world and its socio-cultural basis: essence and features

Аннотация

В статье раскрываются социокультурные основы русского мира, характеризуются их содержание и специфика в условиях противоречий современной духовной жизни общества.

Ключевые слова

Русский мир; искусство; СМИ; кино; культура; генетический аспект; онтологический аспект; аксиологический аспект; героическое; эстетический идеал; художественный образ; аморализм; Великая Отечественная война.

Abstract

The article describes the sociocultural foundations of the Russian world, are characterized by their content and specificity in terms of the contradictions of the modern spiritual life of society.

Keywords

Russian world; art; media; cinema; culture ; genetic aspect; ontological aspect; axiological aspect; heroic; the aesthetic ideal; artistic image; amorality; the Great Patriotic war.

Характер и специфика русского мира как феномена неразрывно связаны с его сущностным критерием. Он характеризует русский мир как взаимосвязанную систему социокультурного развития, опираю-

щуюся на социальную значимость в духовной жизни художественно-эстетических и нравственных ценностей, общность традиций и обычаев народа.

Именно духовная культура, прежде всего литература и искусство, отражают сущность русского мира, бытие его народа.

Искусство, и прежде всего литература, как форма общественного сознания, выполняющая функцию отражения действительности в образах и формирования духовного мира людей, занимает особое место в культуре. Известный поэт Е. Евтушенко, отмечая важную социальную роль литературы в жизни российского общества, сказал: «Литература – один из столпов, на которых держится престиж государства. Ну не может он держаться на нефти и спорте!»¹.

Литература возникает в процессе общественно-исторической практики и служит человеку. «Век может себе идти вперед, наука, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться, – но поэзия остается на одном месте, – размышлял А.С. Пушкин. – Цель ее одна, средства те же. И между тем как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарились и каждый день заменяются другими, – произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны»². Литература является одной из форм познания, освоения и преобразования действительности, она специфична по сравнению с другими видами искусства, отличаясь от них предметом и способом его отражения и своей социальной функцией.

В центре внимания литературы находится изображение общественной жизни, человеческих нравов, характеров. Писатель показывает историческую обстановку, в которой происходит действие, господствующие в ту эпоху обычаи, социальные явления и коллизии жизни. Так, Г.В. Плеханов, говоря о творчестве писателя, подчеркивал: «У художника Горького, у покойного художника Г.И. Успенского может многому поучиться самый ученый социолог. В них – целое открытие»³.

Художественная литература является таким компонентом культуры, который позволяет судить о культуре эпохи. Именно поэтому В.Г. Белинский мог говорить о «Евгении Онегине» А.С. Пушкина как об «энциклопедии русской жизни». В художественном творчестве и художественном восприятии человек прямо или опосредованно, но всегда глубоко связан с общественной жизнью. И художник, и чи-

---

¹ См.: Белжеларский Е. Цензура равнодушием // Итоги. 2008. 21 июля. С. 69.

² Русские писатели о литературе. Т. I. Л., 1939. С. 112.

³ Плеханов Г. В. Искусство и общественная жизнь. М. : Худ. лит-ра, .1948. С. 755.

татель (первый при создании, второй при оценке художественного произведения) неизбежно руководствуются философскими, моральными и иными взглядами. При этом на них оказали и оказывают влияние индивидуальный опыт, совокупность социальных и личных идеалов. «Литератор, – отметил А.М. Горький, – не только пишет пером, но – рисует словами, и рисует не как мастер живописи, изображающей человека неподвижным, а пытается изобразить людей в непрерывном движении, в действии»¹.

Благодаря литературе человек вместе с ее героями (например, капитаном Тушиным) сражается против французов в Отечественной войне 1812 г., вместе с Фурмановым переживает за гибель Чапаева, с генералом Серпилиным просит насмерть уставший батальон вернуться на поле боя.

Наряду с этим литература дает знания о внутренних процессах духовного мира личности в их взаимосвязи и взаимовлиянии. Именно литература позволяет человеку узнать скрытые думы Андрея Болконского перед боем, сокровенные мысли героев-молодогвардейцев, боровшихся с германским фашизмом, понять диалектику души героев Братской ГЭС. При этом чем шире художник показывает внутренние переживания своих героев, чем ярче и многообразнее он передает голоса и краски, мысли и слова людей, глубже раскрывает духовно-нравственную ценность нашего бытия, прослеживает сложную динамику больших чувств, тем более значительным будут плоды его творчества. Эту идею удачно раскрыл А. Твардовский, говоря о своих впечатлениях о строителях Братской ГЭС:

*«То был порыв души артельной,
Самозабвенной, нераздельной.*

*В нем все слилось – ни дать, ни взять:
И удаль русская мирская,
И с ней повадка заводская,
И строя воинского стать»².*

Наиболее рельефно эта важная проблема на всех исторических этапах России, как ядра русского мира, реализовывалась в таких доминирующих функциях, как: гносеологическая, онтологическая, аксиологическая.

Гносеологическая функция обеспечивает познание разнообразных поступков, раскрываемых в художественных образах. Исследуя их проявление, искусство помогает познавать исторические и духовные традиции России. Этот процесс невозможен без актуализации взаимодействия нравственного и эстетического сознания,

---

¹ Горький А. М. О литературе. Изд. 3-е. М., 1937. С. 344.

² Твардовский А. За далью даль. Поэмы. М., 1963. С. 450.

без раскрытия моральных и идейных истоков поступков людей, без учета оценки их поведения с точки зрения добра и зла, долга и чести, всего содержания морали нашего общества.

Значительный резонанс в общественном сознании в стране вызвали книги и кинофильмы таких известных деятелей искусства, как: «Пожар» В. Распутина, «Подливнем пуль» А. Звягинцева, «Москва-41» И. Стаднюка, «Знак беды» В. Быкова, «Зубр» Д. Гранина, «Остров» П. Лунгина. Они синтезируют разнообразный жизненный материал, стилевую манеру, характерную для каждого автора, отражают неидентичное время действия главных героев. Но их роднит общее стремление – напрямую высказаться по самым острым нравственным проблемам жизни, взбудоражить сознание читателя, всколыхнуть его совесть.

Необходимо подчеркнуть, что за последние годы появились две тенденции, наметившиеся в литературе и искусстве. Одна из них – всестороннее обоснованное отражение сложных явлений и событий российского общества, о которых длительное время умалчивалось и которые не были достоянием общественного сознания. Это, прежде всего, непредвзятый анализ острой борьбы противостоящих сил общества в годы гражданской войны, драматизма и социального излома 30-х годов в России, включая необоснованные репрессии и насилие, допущенные в период коллективизации, просчеты и победы в годы Великой Отечественной войны; давление и принижение творческой интеллигенции и свободы слова на последующих исторических этапах развития Советского и постсоветского государства.

Вторая тенденция – острокритический пафос искусства и литературы. При этом в ее обосновании нередко допускается произвольная трактовка процессов духовной жизни, исторических фактов, а в ряде случаев – их нивелировка. Однако в раскрытии социальных проблем средствами искусства и литературы важно исходить из философских положений о необходимости адекватного отражения действительности. Эта проблема относится к раскрытию как деятельности тех или иных исторических личностей (например, В.И. Ленина, И.В. Сталина, Л. Троцкого, Н. Бухарина, Г.К. Жукова, Н.С. Хрущева, Ф.Э. Дзержинского, Н. Кузнецова и др.), так и социально-политических процессов развития нашей страны.

Вместе с тем в ходе современного реформирования в духовной сфере нельзя не замечать в гносеологической роли СМИ такой негативный аспект, как эстетизация насилия. В ходе распространения видео- и телеэкранных образов безобразное неадекватно отражается в сознании личности – оно воспринимается как возвышенное. Деформированный эстетический образ и исповедующий культ силы,

вседозволенность активно вселились на российские СМИ. Достаточно назвать такие из фильмов, как «Гангстер», «Никита», «Убить Билла», «Мертвецы», «Горячая кровь», «Пуля», «Настоящее преступление», «Пистолет», «Имя ему - смерть».

Следует особо отметить, что за последние годы весьма интенсивно организуется процесс искажения сложного исторического этапа в отечественной истории, каким является Великая Отечественная война.

Приношение героического подвига и очернительство реальных боев и сражений, образов воинов, громивших немецко-фашистские войска и одержавших Победу, некоторые деятели кино и литературы трактуют через кривое зеркало истины. Такая трактовка особенно свойственна для художественных фильмов «Штрафбат», «Сволочи», «Сталинград», документальных лент «Московская битва», «Операция Марс», романов «Солдат Иван Чонкин», «Проклятые и живые». По своему содержанию и направленности подобные трактовки процессов Великой Отечественной войны, образов защитников Родины являются и безнравственными, и антиэстетичными.

В этой связи нельзя недооценивать роль российского государства, во-первых, в формировании целеустремленной и эффективной культурной политики, пропагандирующей в общественном сознании высокие эстетические ценности, и, во-вторых, обеспечении приоритетности отечественным произведениям литературы и искусства и их высоким нравственным критериям, а также их защите в условиях проникновения в нашу культуру зарубежных антиценностей.

Онтологическая функция искусства и литературы. Историческая память народа запечатлела в общественном сознании определенные идеалы. Потребность людей к объединению для совместного преодоления возникающих трудностей и испытаний обусловила консолидирующую роль в общественном сознании нравственных и эстетических идеалов, отождествляемых с высокими принципами гуманизма, патриотизма, духовности, и рассматриваемых как универсальное средство решения проблем взаимодействия личности и общества.

Эстетический идеал по своему содержанию выступает как наиболее общее и цельное представление о прекрасном в природе, обществе и человеке, воспринимаемое как цель. Следовательно, эстетический идеал – наиболее концентрированное отражение мировоззрения в сфере эстетического сознания. Ему свойственна художественная образность.

Особое значение в духовной жизни современного общества приобретает познание героических поступков, раскрываемых че-

рез эстетический идеал. В искусстве нашего времени как бы кристаллизуется этическое и эстетическое в героическом.

Необходимо отметить, что в новой сложившейся ситуации, связанной с изменениями международных отношений, когда отстаивать мир и само существование человека стало насущной задачей, борьба за самосознание людей, нравственное понимание проблемы героического приобретает особую значимость. Подлинно научное понимание героического связано с борьбой народа, конкретного человека за духовные ценности, свободу и независимость своей Родины, за мир и справедливость.

Примечательно, что в настоящее время в духовную жизнь российского общества внедряется идея о пересмотре героического. В этой связи, искажая реальные события, тиражируются идеи переоценки моральной стороны поступков той или иной исторической личности.

Героические поступки защитников Родины нередко связаны не только с опасностью для жизни, но и гибелью людей. Связь нравственного и эстетического в искусстве проявляется в данном случае в том, что смерть героя в борьбе оборачивается его духовным бессмертием, становится символом непобедимости и торжества идеалов. Смерть – всегда трагедия, но в данном случае – трагедия оптимистическая. Она рождает не уныние и тоску, а прилив духовных сил для продолжения борьбы. Трагическая гибель в бою за Родину А. Болконского и П. Ростова, А. Гастелло и С. Тюленина, А. Матросова и Ю. Смирнова вызывала и способна вызывать возвышенные нравственные переживания, связанные с величием их подвига.

Нет сомнения, что органическое единство высокой нравственности и глубина эстетического отражения действительности в годы Великой Отечественной войны, в том числе и раскрытие героических подвигов, например, явились важным средством поднятия морального духа наших воинов. Эта тема нашла глубокое отражение в различных жанрах нашего искусства того периода: художественной литературе, кинематографе, драматургии, политическом плакате. Среди них: «Дни и ночи» К. Симонова, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Наука ненависти» М. Шолохова, «Книга про бойца» А. Твардовского, «Малахов курган» И. Хейфица, «Нашествие» В. Леонова, «Фронт» А. Корнейчука, публицистика И. Эренбурга, А. Толстого, поэзия В. Инберг, Э. Межелайтиса, В. Лебедева-Кумача и других.

Аксиологическая функция объективирует взаимодействие нравственного и эстетического сознания в формировании духовных ценностей личности.

Аксиологический аспект содержания искусства проявляется в глубине раскрытия духовных традиций прошлого и настоящего. Он особенно актуален сегодня, учитывая духовно богатую историю Родины, ее глубокие эстетические и нравственные традиции, являющиеся ключом к пониманию поступков и поведению людей.

Аксиологический аспект художественных произведений искусства выражается не в форме авторских поучений, а органично, из его сущности и содержания, поступков героев. Человек находится длительное время под влиянием положительных или отрицательных образов, идейного содержания, выраженных в произведениях литературы и искусства.

«Не может быть художественного произведения, – подчеркивал Г.В. Плеханов, – лишённого идейного содержания. Даже те произведения, авторы которых дорожат только формой и не заботятся о содержании, все-таки, так или иначе, выражают известную идею»¹.

«Тихий Дон» М. Шолохова, «Отец солдата» Р. Чхеидзе, «Белорусский вокзал» В. Смирнова, «Русский лес» Л. Леонова, «Первый после бога» В. Чабанского, «Ворошиловский стрелок» С. Говорухина, «Сестра» С. Бодрова, «Сильнее огня» В. Воробьева, «Любить по-русски» Е. Матвеева, «Золотое и синее» Ю. Кузнецова – эти и многие другие произведения отечественного искусства и кино стали составной частью духовной жизни нашего общества, прежде всего благодаря глубокому проникновению в нравственные проблемы общественных отношений, высокой идейной направленности. Отражая в художественных образах богатство мыслей и чувств человека, его вдохновенный труд, искусство помогает духовному развитию личности.

Об этом прекрасно сказал Гегель: «Отрок бросает камни в реку и восхищается расходящимися на воде кругами, как неким делом, в котором он получает возможность созерцать свое собственное творение. Эта потребность проходит через многообразнейшие явления, поднимаясь, наконец, до той формы самопроизводства во внешних вещах, которую мы видим в произведениях искусства»².

Однако в решении этой проблемы нельзя игнорировать следующий негативный аспект. Нередко средства массовой информации поэтизируют не позитивный художественно-исторический образ, а возводят в ранг героя аморальную личность. Так, в последнее время, особенно на Украине, возвеличивается рядом СМИ роль Махно и Бандеры, якобы борющихся за народные интересы. Наряду с этим негативным явлением распространяются книги, в которых главным героем выступают аморальные типы, насильники. Среди таких

---

¹ Плеханов Г.В. Искусство и литература. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1998. С. 232.

² Гегель. Соч. Т. XII. Кн. первая. М., 1968. С. 33–34.

книг: «Смерть ради смерти», «Ислам от Багиры», «Кто на очереди к маньяку», «Шестерки умирают первыми», «Дневник Московского подонка-2» и др. Вытесняя у молодого неискушенного читателя положительный образ, они пробуждают агрессивность, провоцируют насилие, возводят в доблесть низменные качества.

С определенной долей истины можно предположить, что в последние годы проблема деинтеллектуализации, обеднения эстетической культуры россиянина связана с активизацией функционирования в его духовной жизни такой ущербной культуры.

Об опасности падения культуры у российского читателя с тревогой говорит Е. Евтушенко: «Даже во время холодной войны лучшие писатели мира – Джон Стейбек, Артур Миллер, Грэм Грин, Габриэль Гарсиа Маркес – съезжались в Москву, говорили вместе о проблемах, мы были одним из центров литературного мира. А сейчас мы провинция. Отсюда – колоссальная деинтеллектуализация»¹.

При таких складывающихся обстоятельствах в духовной жизни общества важное значение приобретает ориентация личности на высокие моральные ценности, выступающие надежным ориентиром в противоречивых общественных процессах и нередко полярных и концептуальных позициях. Такая идея удачно выражена в следующих строках поэта:

*«Совесть, Благородство и Достоинство -
вот оно, святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
За него не страшно и в огонь»².*

Вот почему процессы в духовной жизни общества не должны протекать стихийно. Необходима целенаправленная, эффективная деятельность по их регулированию, в основе которой системный подход. Он включает ряд принципов.

Принцип преемственности. Предполагается глубокое, всестороннее и объективное изучение основных концепций и подходов в отношении к духовной жизни, ее компонентам, культуре и средствам массовой информации, выдвинутых в прошлом. Опираясь на данный принцип, важно применять взвешенный аналитический подход к оценке духовных процессов прошлого в российском обществе, чтобы видеть социальные явления такими, какими они были в реальной действительности. При этом все позитивное, что было характерно для духовной жизни прошлого и способствовало духовному развитию личности и общества, следует творчески использовать в современных условиях.

¹ См.: Белжеларский Е. Цензура равнодушием. С. 69.

² Окуджава Б. Еще в литавры рано бить // Правда. 1988. 23 сентября.

Принцип комплексного подхода. Во-первых, он предполагает широкий охват политическим, правовым, нравственным и эстетическим воспитанием всех слоев общества, особенно российской молодежи. Во-вторых, данный принцип определяет воздействие как на рациональный (теоретический), так и на чувственный (общественно-психологический) уровень сознания. Недооценка данного положения может привести либо к простому просветительству, либо к воспитанию только чувств без должного их осознания.

Человеческие коллизии, отображенные в искусстве, в том числе через СМИ, влияя на сознание силой идей и накалом страстей, воздействуют на все стороны сознания людей, волнуют и заражают эмоциями. Поэтому важным условием формирования духовной культуры у молодежи выступает сочетание знаний с социально значимыми чувствами.

Принцип соответствия методов воздействия духовным потребностям российских граждан. Прежде всего он ориентирует все субъекты управления духовной жизнью на необходимость объективного содержательного и нравственного подхода к тиражируемой отечественными СМИ социальной информации о событиях в стране и за рубежом. Кроме того, данный принцип предполагает, что деятельность институтов культуры и искусства должна способствовать распространению высокохудожественных произведений, значимых нравственных ценностей, патриотических чувств – всего, что свойственно исторической культуре народа.

Таким образом, современное состояние социокультурных основ Русского мира характеризуется сложными и противоречивыми процессами, что определяется содержанием переживаемого им периода, внутренними и внешними факторами, детерминирующими специфику духовной сферы.

Библиография

1. Белжеларский Е. Цензура равнодушием // Итоги. 2008. 21 июля.
2. Русские писатели о литературе. Т. I. Л., 1939.
3. Окуджава Б. Еще в литавры рано бить // Правда. 1988.
4. Гегель. Соч. Т. XII. Кн. первая. М., 1968.
5. Плеханов Г.В. Искусство и литература. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1998.
6. Горький А. М. О литературе. Изд. 3-е. М., 1937.
7. Твардовский А. За далью даль. Поэмы. М., 1963.

АСПЕКТЫ

---

*АХОХОВА Елена Асланбиевна,
к. ф. н., проф. кафедры «Культурологии» СКГИИ
akhokhova-elena@rambler.ru*

*КАТАНЧИЕВ Залим Муаедович,
аспирант кафедры «Культурологии» СКГИИ
katanchiev28@mail.ru*

Гендерный конфликт в мифологическом сознании (на материале адыгской традиционной культуры)

Аннотация

Статья посвящена анализу гендерного конфликта в мифологическом сознании на примере адыгской традиционной культуры. Авторами данной статьи рассматривается концепция о бинарной оппозиции в адыгском пантеоне по гендерному признаку, где боги «Тхьэ» и «Псэтьхэ» – мужское и женское начало мира и жизни, что сакрализовывало социороловой паритет, характерный для адыгского менталитета доисламского периода.

Ключевые слова

Гендерный конфликт; адыгская мифология; традиционная культура; мифологическое сознание; «Тхьэ»; «Псэтьхэ»; социальные роли; бинарная оппозиция; мужское и женское начало; демифологизация; религиозное сознание; ритуал; миф; культ; социальные институты.

Abstract

The article is devoted to the analysis of gender conflict in mythological conscious of traditional adig (circassian) culture. The authors analyse the gender binary opposition, where gods Tha and Pspatha reflect masculine and feminine bases of the world and life,

the opposition, which sanctified social parity characteristic for adig mentality of preislamic period of history.

Keywords

Gender conflict; adig mythology; traditional culture; Tha; Psatha; social roles; binary opposition; masculine and feminine bases; demythologization; religious conscious; ritual; myth; cult; social institutions.

В современных условиях общество испытывает потребность в переосмыслении того богатого наследия, которое предлагается нам религией. В последние годы стало возможно, отбросив идеологические «путы», более непредвзято взглянуть на вклад религии в процесс формирования национального менталитета и культуры. Тщательное изучение всех особенностей национальной и этнической жизни, учет всех слагающих этнической психологии становится совершенно необходимым условием поиска путей развития социума. «Анализ религиозного сознания, как альтернативной формы отражения и познания действительности, является одним из способов успешного изучения этого процесса, ибо в религии, как в фокусе, отражаются исторические, этнопсихологические, этнокультурные и другие явления. Многие социокультурные процессы в жизни народа становятся понятными только в контексте эволюции религиозного сознания конкретного народа» [3; с 51]. Историческая судьба народа, взаимодействие его религиозного сознания со светскими компонентами его духовной и материальной культуры неизбежно приводит к эволюции его религиозного сознания. В целом механизм трансформации конкретной религии аналогичен механизму новообразования других идеологических структур, проявляя такие феномены, как преемственность, традиции, ассимиляция, приспособление, модернизация.

Исследователи, работавшие в разное время в различных районах Черкесии (страны адыгов), собрали обширный материал по мифологии. Сопоставление и сравнительный анализ этих данных обнаруживает наличие принципиальной социальной общности. Перед нами вырисовываются контуры системы, которая реализуется во множестве локальных вариантов, наподобие языка, реализующегося во множестве диалектов.

В исторический период, особенно в связи с ранним приобщением к монотеизму, происходит определенная демифологизация архаического пласта. Происходит функциональное и семантическое сращение мифологии с монотеизмом и одновременное раство-

рение нововведений в ритуалах, обрядах, языке и фольклоре, т.е. складывается система отношений, которая функционирует столь сложно и своеобразно, что наблюдателю трудно расчлениить это на первоисточники. Наконец, мифологическое сознание дает знать о себе в повседневном, обыденном поведении людей и в их практической деятельности, в восприятии или различного рода воздействии со стороны, в оценке событий. Есть существенное различие между вербальными формами и формами ритуально-предметного воспроизведения мифа: в то время как повествовательный миф обращен, как правило, к далекому прошлому и по-своему воспроизводит эпизоды воображаемой или реальной истории, миф, воссоздаваемый в ритуальных формах, переносит актантов из прошлого в сегодня, практически без изменений. Как, например, разного рода ритуалы, связанные с культом предков, с верой в существование духов. Адыгская мифология обобщила тысячелетний опыт жизни адыгов. Зародившись в недрах общинно-родовой формации эпохи ранней бронзы, она отразила не только свою первичную социально-экономическую основу, но и последующие культурные эпохи в истории народа.

В целом адыгская мифология получила фиксацию в период радикальной системной трансформации общественного сознания, уклада и образа жизни – в период перехода от матриархата к патриархальному укладу. Культура и, в том числе, религия не могли оставаться в стороне от общей тенденции в развитии социума. Гендерный конфликт отражен в адыгской мифологии, хотя и не в такой прямой и очевидной форме как, допустим, в древнегреческой, тем не менее, результаты изменений просматриваются и в организации общественной жизни, и в мифологии, и в многочисленных семиотических элементах традиционной культуры. Если отражение гендерного конфликта в древнегреческой мифологии носит характер нередких противодействий Геры воли и поступкам вседержителя Зевса, то в адыгской мифологии конфликт более изощренный и закамуфлированный. В частности, в науке нет однозначного мнения относительно гендерной принадлежности некоторых богов традиционного общеадыгского пантеона – Псатха и Мазитха.

В адыгейской мифологии (более архаичной по сравнению с кабардинской) Мазитха – женское божество, покровительствующее лесу и его обитателям. Это адыгская Артемида. В кабардинской культуре Мазитха является мужским божеством, имеющим антропоморфный облик – рыжеволосый богатырь, восседающий верхом на золотошетином вепре. Как известно в любом патриархальном обществе охота стала мужским занятием и покровителем леса и дичи

в обыденном сознании может быть только мужское божество. Адыги сакрализовывали охоту как сугубо мужское занятие, держали в тайне от женщин время выхода на охоту и сам выход, придумали специальный искусственный язык, который так и называется «язык охотников» (каб.-черк. щӀэкӀубзэ). Женщин не посвящали в таинства охоты и охотничьего языка.

Преодоление очевидных противоречий возможно только на основе комплексного использования источников, которыми в настоящее время оперируют представители разных дисциплин, диахронического изучения эволюции религиозных верований, рассмотрение религиозных представлений и культов в тесной связи с другими социальными институтами адыгского общества, при учете той политической обстановки, в которой это развитие происходило. Изучение данного феномена осложняется исключительной многослойностью и «гетерогенностью» [3; с 52] религиозных верований адыгов как доисламского периода, так и более поздних временных пластов, а также длительной и драматической историей, в результате которой в религиозной системе народа происходили многообразные количественные и качественные изменения, обусловленные как внутренними, так и внешними причинами.

Неоднократное и протяженное во времени проникновение монотеизма (иудаизма, христианства, ислама, а сейчас многочисленных «новых» религий) не прошло бесследно. Многие их элементы органично и неорганично вплелись в верования, культы, обряды и язык этноса. Культурные контакты с Ближним Востоком, Малой Азией, Древним Египтом, Грецией наложили свой отпечаток на религиозное мировоззрение адыгов, мифологический пантеон, героический эпос «Нарты», которые в ходе этих контактов пополнялись и претерпевали трансформацию. Уже несколько тысячелетий Кавказ является «ареной синкретизации», явление, которое продолжается по сей день. Во все периоды истории религиозные представления развивались в процессе взаимосвязи народов с родственными и неродственными образованиями, отсюда и гетерогенность религиозных представлений, сложность культовых традиций и обрядов, уходящая корнями в архаические пласты.

В том виде, в каком сегодня зафиксирована адыгская мифология, космогонические мифы занимают весьма скромное место. Важнейшие космогонические представления адыгов приходится реконструировать по различным фрагментам, мотивам, разбросанным в различных жанрах фольклора, ритуалах и детских играх.

Псатха – второй по значимости космогонический бог адыгского пантеона. В одном из мифов сообщается, что Тха восседает на

одной вершине двуглавого Ошхамахо-Эльбруса (дословный перевод с кабардино-черкесского языка – гора счастья), а Псатха – на второй. Это безусловное свидетельство того значения, которое древние адыги придавали Псатхе, богу души (каб. Псэ – душа, жизнь). Кабардинский исследователь Ш. Ногмов считал Тха и Псатха одним богом. Некоторые видят в его происхождении солярный культ, который впоследствии трансформировался в великого бога жизни и души.

В целом, адыгские языческие представления о душе можно схематично свести к следующему:

1. Высшие силы (ранее Псатха, позже Тха) наделяют человека душой.

2. Имеется некая семиуровневая область «хьэрш» в недостижимости физическим путем, где все души пребывают до рождения и после смерти.;

3. Душа бессмертна.

4. Душа – невидимая и летучая субстанция.

5. Душа постоянно реинкарнируется.

6. Местопребывание души в физическом теле человека неопределенно (шея, волосы, грудная клетка, голова).

7. Во время сна душа временно покидает тело.

8. Душа – это самое дорогое, что есть у человека: каб. си псэм хуэду узольагъу – люблю тебя как свою душу. Оскорбление души считалось тяжким грехом.

9. Душа умершего либо сама, либо с помощью ангела возносится в «хьэрш».

10. Посмертная жизнь души имеет четыре варианта, в зависимости от земных заслуг:

а. Вознаграждается отдыхом в сферах, главной характеристикой которых является свет (каб. хьэдырыхэ нэхьу – светлый загробный мир);

б. воплощается в другого человека (хорошего или плохого, в зависимости от прошлых заслуг);

в. воплощается в животное (красивое или уродливое, в зависимости от прошлых заслуг);

г. опускается в подземный мир.

Это место страданий и постоянной борьбы с демонами и чудовищами, естественно, что в мир теней попадают провинившиеся души, хотя иногда в подземелье спускаются герои мифов и эпоса для борьбы со злом. В загробном мире семь уровней (иногда девять).

В этой схеме заметна явная доминанта мифологем, хорошо сохранившихся в восточных религиях: реинкарнация, отделение души от тела во время сна, наличие некой блаженной страны «хьэрш».

Сравним со «Страной Сна» маздеистов: «Она остается доступной для людей и сейчас, но только не все обладают достаточной душевной чистотой, чтобы помнить о своих посещениях этой страны – изредка во время особого, благодатного сна, спящие видят в сновидении эту страну, освещенную голубым светом. Во время подобного сновидения душа сразу узнает свою настоящую родину... При пробуждении мы ничего не помним, люди бывают в голубой стране чаще, чем думают, и может быть, большая часть нашей жизни во сне протекает там...» [7]. В целом влияние Зороастризма (маздеизма) на религиозное сознание адыгов было существенным, как на уровне веры, так и на уровне ритуала. До недавнего времени сохранялся маздеистский ритуал «приход нового огня» с четко выраженным зороастрийским содержанием (см. Шортанов). Похороны убитого молнией и вся обрядность, связанная с этим, также имели зороастрийскую основу (см. ниже).

В предопределенности посмертной судьбы души адыгских представлений можно также слышать отголоски кармической предопределенности восточных религий. Если говорить о выше упомянутом представлении адыгов и о том, что душа – это эфир, то стоит заметить, что в адыгских языках сохранились устойчивые выражения вроде «И псэр хьэршым хэльэтащ» (его душа улетучилась в хьэрш), «И псэр хьэршым хыхьэжаш» (его душа в небеса вернулась). По этим выражениям можно заключить, что душа – это нечто легкое, летучее, невидимое.

В мифологии адыгов также говорится и о некоторых видах «испытания души» – под землей. Нередко герои Нартского эпоса попадают в подземный мир, где сражаются с различными представителями темных сил, чудовищами, и благополучно возвращаются в мир людей. «В одной из сказок «Сафил и Мылигу» рассказывается о похождениях Сафила по подземному миру в поисках души одноглазого великана. Никаким оружием нельзя было победить его, но Сафил узнает, что душа великана находится «в трех мухах, которые находятся в сундуке, который, в свою очередь, захоронен под огромными глыбами скальных камней, и, таким образом, побеждает его» [7].

Очень большое значение для загробной жизни души имеет поведение родственников умершего. По представлениям адыгов, бытующим и в наше время, чем чаще родственники вспоминают умершего, чем чаще устраивают поминки, тем приятнее существование души на том свете. Аналогичное представление бытовало у многих народов, начиная с шумеров, которые представляли себе загробный мир довольно мрачным и тягостным для большинства умерших, кроме воинов, погибших в бою, многодетных матерей, а также тех,

по ком были справлены поминки. По многочисленным этнографическим свидетельствам прошлых веков известно, что адыги устраивали пышные тризны и скромные похороны, сопровождаемые сложными ритуалами. Особенно интересен был обряд похорон убитого молнией: «... гроб (убитого молнией) вешают на высокое дерево (или специально построенный для этого помост). После приходят сюда, принося с собою кушанья, напитки, и начинают плясать и веселиться, режут быков и баранов и раздают большую часть бедным. Это они делают в течение трех дней, и повторяют то же самое каждый год, ... воображая, что человек, пораженный молнией, должен быть святой». Вознесение адыгами трупов на деревья и сооружение столба Псатхи символизировало приближение его души к верховному божеству, местонахождением которого всегда считалось небо. [9]

Этот обряд очень напоминает похоронный обряд маздеистов, где труп считался нечистым и никоим образом не должен был соприкоснуться с чистыми стихиями – землей, водой и особенно огнем. Конечно, в деталях есть расхождения, но общая символика была тождественна.

Почему же такого обряда адыги удостаивали не всех покойников, а только погибших от удара молнией? Не говорит ли этот факт о том, что адыги были знакомы с учением о карме? Ведь карма, этот неумолимый закон причинно-следственной связи, согласно всем восточным религиям может быть уничтожен только огнем, тем более «небесным огнем». По всей вероятности так и было. Иначе невозможно объяснить такое исключительное отношение к убитым молнией (это касалось не только людей, но и животных). Очевидно, адыги считали, что такая смерть сжигает плохую карму, и душа, очищенная от кармического груза, освобожденная от необходимости нового воплощения, попадает в разряд чистых и возвышенных духов и становится посредником между богами и людьми. В возможности такого понимания нас убеждает и следующий факт – подобные церемонии сопровождались не только обильными жертвоприношениями (что обычно и сегодня), но и обрядовыми песнями и танцами, а также всеобщим весельем и радостью. Случалось, что родственники поздравляли друг друга с особенной честью, которую даровало им небо, ибо их убитый молнией родственник становился святым (каб.-черк. кодэс) и отныне выступал в качестве посредника между небесами и людьми.

«По понятиям адыгов душа не имеет материальных очертаний (она эфир). Представления о ней довольно отвлечены и в то же время крайне разнообразны. Душа или дух может воплощаться не только в человеке, но и в неодушевленных предметах, например, в

дереве или скале» [8; с 43]. «Гиппократ помещает душу в мозг, Демокрит и Аристотель – во всем теле, Эпикур – в желудок»[4; с 476-477]. Местонахождение души адыги обозначают по-разному. Одни говорят, что она находится в сердце и в крови. Другие (их большинство) утверждают, что душа располагается в горле. Третьи местом обитания души считают голову. Один из сказителей объясняет: «За свою (долгую) жизнь встречался я с этим делом много раз, и на похоронных молитвах затевали разговоры, но не встретил того, кто дал ответ». Один мудрый человек сказал: «Искать место обитания души (в теле человека) равносильно тому, чтобы искать, где в молоке находится масло»[2]. Были среди опрошенных и такие, которые указывали на запястья рук и ноги. Связано это было с тем, что по некоторым представлениям душа покидает тело через ноги. Так как первыми из органов холодеют ноги. Еще говорили, что душа покидает тело через мозжечок. Но большинство, склонны предполагать, что тело человека она покидает через макушку головы.

Надо отметить, что культ предков и вера в загробную жизнь оказались очень живучими среди адыгов, и никакие гонения официальных властей на религиозные пережитки и поминальные ритуалы не смогли сильно изменить их.

И сейчас основная смысловая нагрузка похоронных и поминальных обрядов – это облегчение посмертного пути для души, создание для нее максимально комфортного состояния в том мире, куда она ушла. И сейчас, как в прошлые времена, адыги верят, что души умерших ждут знаков внимания от своих близких.

Возвращаясь к богу души, надо отметить, что его архаическая мифология и атрибутика почти не сохранились. Этнографический материал об адыгах сохранил сведения, что Псатха обладал(а) календарным циклом празднеств, сопровождаемых ритуалами, играми и танцами, жертвоприношением белых коз. Описание идола Псатхи отсутствует.

Все исследователи данной проблемы, находясь в плену патриархального сознания, считали, что Псатха являлся мужским божеством, а в какой-то исторический период произошла трансформация его образа, и он стал восприниматься как женское божество и стал упоминаться, чаще всего, когда речь шла о детях, болезнях и некоторых аспектах семейных отношений. Сейчас в народном бытовом сознании адыгов «псатха» – это всего лишь почтительный эпитет для наименования золовки. По мнению исследователей, Псатха стал женским божеством благодаря влиянию древнегреческой культуры в античный период: «Каким же образом второй по значению и могуществу бог, способный усмирять стихию, даю-

щий душу всему живому трансформировался в столь рядовое понятие? Здесь, очевидно, будет бесполезно вспомнить древнегреческую богиню Психею (гр. *psyche* – душа, дыхание). Она являлась олицетворением души, дыхания. Древние греки представляли ее летающей и своим полетом вызывающей вихревые потоки. Поэтому они часто изображали ее в виде бабочки или птицы. В случае с Психеей и Псатхой наблюдается безусловное совпадение как звукового состава теонимов, так и их понятийной стороны. Но функции древнегреческой Психеи несравненно скромнее, нежели функции древне-адыгского Псатхи.... Возможно, что в процессе длительного культурного контакта греков и адыгов в античные времена и произошла контаминация этих двух образов, что в итоге привело к упрощению древне-адыгского Псатхи через стадию женской богини (покровительницы женщин и детей) до житейского понятия, эвфемизма слова «золовка» [3].

Однако сегодня представляется более логичным предположить, что Псатха всегда (и в мифо-эпические времена также) была женской богиней, что было бережно сохранено в народной памяти, отсюда и специфически женский набор функций (см. выше). Таким образом, сохранялась бинарная оппозиция по гендерному признаку – мужское и женское начало мира и жизни, что сакрализовывало социорольевый паритет, характерный для адыгского менталитета доисламского периода. Тот факт, что исследователи XX века принимали ее за мужское божество, было результатом проекции общепринятого стереотипа патриархальных общественных отношений на древний пласт собственной культуры. К слову сказать, в адыгских диалектах отсутствует категория грамматического рода, поэтому делать гендерные выводы исходя из текстов невозможно, а мифология Псатхи, которая могла бы помочь, была утеряна в исламские времена.

Вернувшись к причинам, вызвавшим трансформацию образа Псатхи, необходимо посмотреть на эту проблему и с другой стороны. По хронологии этот процесс совпал с периодом внедрения христианства среди адыгов (с IV-VI веков). А, следовательно, адыги столкнулись с необходимостью ревизии своего пантеона. Тха как глава пантеона и создатель не мог быть отвергнут, поэтому он был лишь немного переосмыслен. Что касается богов – покровителей хозяйственной деятельности, то они и не были богами в полном смысле этого слова. Иное дело с богом души.

Что касается Псатхи, то ей как равной Тха (великому Создателю и Вседержителю) пришлось перераспределять свои функции: главные функции, связанные с душой и ее существованием как на земле, так и в посмертном существовании, пришлось «отдать» Создателю.

Отсюда и разногласия относительно того, кто наделяет людей Душой – Тха или Псатха (см. выше). Очевидно, здесь зафиксирован тот самый исторический срез, когда облик богини души был уже в состоянии трансформации. Затем, в период, когда монотеизм был в значительной степени внедрен в сознание адыгов, Псатха была окончательно переосмыслена и низведена до бытового уровня.

Библиография

1. Арх. КБИИФЭ, ф. 12, оп. 1, д. 10, п 6.
2. Ахохова Е.А. Адыгский религиозный синкретизм. Нальчик, 1996.
3. Ахохова Е.А., Катанчиев З.М. Мифологема души в адыгской традиционной культуре. // Культура. Искусство. Образование: Материалы IV Международной научно-теоретической конференции. Кн. 2. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО Полиграфсервис и Т»), 2013. с 50-60.
4. Бойс М. Зороастризм. М. 1983.
5. Монтень М. Опыты, М., 1979 с 476-477.
6. Ногмов Ш. История адыгейского народа. Нальчик. 1982.
7. Терапиано Ю. Маздеизм. Современные последователи Зороастра. М. 1993.
8. Таурыхъхэмрэ хъыбархэмрэ. Зэхэзылхъэр Блэнауэ Л. Налшык, 1970 н. 39.
9. Шортанов А. Т. Адыгская мифология. Нальчик, 1982.
10. Шенкао М. А. Смерть как эпифеномен ментальности. Черкесск. 1998.

*ВОЙТЕНКО Валерия Петровна,
к. филос. н., старший научный сотрудник
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета
leravvp@mail.ru*

*СЕРИКОВ Антон Владимирович,
к. социол. н., доцент кафедры «Теоретической
социологии и методологии региональных ис-
следований», исполняющий директора Института
социологии и регионоведения Южного феде-
рального университета
avserikov@sfedu.ru*

**Роль национальных общин, землячеств и диаспор
в урегулировании межнациональных
и межконфессиональных отношений в городе
Ростове-на-Дону¹ / The role of the national communities,
fraternities and diasporas in the settlement of interethnic
and interfaith relations in the city of Rostov-on-Don**

Аннотация

В статье приведены результаты социологического опроса жителей Ростова-на-Дону по вопросам необходимости поддержки национально-культурных объединений, о мерах удовлетворения национально-культурных потребностей национальных меньшинств, существовании и работе национально-культурных объединений и автономий, ответственности национальных диаспор за представителей своей национальности. Результаты исследования демонстрируют необходимость выстраивания эффективных взаимоотношений с диаспорами, национальными общинами и землячествами Ростова-на-Дону, которые являются важнейшим инструментом в сфере управления межнациональными отношениями в регионе.

---

¹ Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

Ключевые слова

Национальные общины; землячества; диаспоры; межнациональные отношения; межконфессиональные отношения; город Ростов-на-Дону.

Abstract

The article presents the results of a poll of inhabitants of Rostov-on-don, on the need to support national-cultural associations, on measures of satisfaction of national-cultural needs of national minorities, the existence and work of national-cultural associations and Autonomous regions, the responsibility of the national communities as representatives of their nationality. The results of the study demonstrate the need to build effective relationships with diasporas, ethnic communities and communities of Rostov-on-Don, which are essential tools in the management of interethnic relations in the region.

Keywords

National communities; communities; Diaspora; ethnic relations; interfaith relations; city of Rostov-on-Don.

Ростовская область имеет давние традиции диаспорных отношений. Они восходят к самым ранним временам формирования казачьих общин как основного элемента, определяющего этносоциальный статус региона в дореволюционный период (тюркская и черкесская составляющая казачества)¹. Исторический опыт проживания бок о бок казаков и нахичеванских армян придает понятию диаспоры на Дону особенно содержательный смысл. Так, Ростов-на-Дону в силу историко-культурных традиций своего развития (развитие военно-пограничного селения в крупный промышленный и торговый центр, территориальное присоединение и поглощение Нахичевани как отдельного города) всегда отличался достаточно высоким уровнем толерантного отношения к представителям иноэтничных групп.

Исторический опыт соседства крупных этнических групп в пределах нынешней Ростовской области подтверждает идею о том, что адаптация диаспор как социальный процесс предполагает двойственную природу: процесс адаптации означает не только приспо-

---

¹ Подробнее см.: Водолацкий В.П., Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Сериков А.В., Черноус В.В., Черных Е.Ю., Садко Д.О. Казачество как этносоциальный феномен современной России (на примере Донского казачества) / Под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д: ЮРФИС РАН, 2011.

собление диаспор к иноэтническому окружению, но также определенную реакцию самого большинства¹. Внутри диаспор также может отмечаться определенное социальное напряжение, оно носит характер внутриэтнической конкуренции. Армянская и греческая диаспоры являются традиционными (существуют более 200 лет) и составляют немалую часть населения Ростовской области и, кроме того, демонстрируют известную степень успешности в адаптации и интеграции в региональное сообщество². В немалой степени успешная адаптация греков и армян определяется такими факторами, как:

- 1) близость ценностных систем и менталитета, основанного на восточном христианстве греческого и славянского населения;
- 2) длительность совместного проживания;
- 3) активная роль греков и диаспоры в целом в решении местных территориальных проблем;
- 4) отказ диаспоры от самостоятельной политической субъектности.

Вышесказанное во многом определяет и распределение ответов на вопрос о необходимости поддержки национально-культурных объединений в Ростове-на-Дону.

Таблица 1.

Нужна ли государственная поддержка национально-культурным объединениям народов, проживающих в Ростовской области? (%)³

Да, это должно быть частью государственной политики, потому что это влияет на стабильность межнациональных отношений	35,0
Нужно оказывать поддержку только тем народам, которые издавна проживают в области	21,1
Это их личное дело, государство уже создало необходимые условия	26,0
Затрудняюсь ответить	17,9

¹ Волков Ю.Г. Идеология гуманизма в становлении российской идентичности//Социально-гуманитарные знания. 2006. №2. С.3-15.

² Более подробно см.: Барков Ф.А., Мирзоян Г.В., Нагапетян А.Р., Садко Д.О., Сериков А.В., Черноус В.В. Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Коллективная монография / Под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д –М.: Социально-гуманитарные знания, 2011.

³ Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

Как видим, большая часть опрошенных (35,0%) считает оказание помощи национально-культурным объединениям народов, проживающих в Ростове-на-Дону, важным направлением государственной политики. Однако достаточно крупная часть (21,1%) в принципе соглашаясь с необходимостью государственной поддержки культурного развития диаспор, делают оговорку, что помощь должна оказываться «традиционным» для Ростовской области диаспорам. Наконец, около четверти опрошенных (26%) указало на то, что государство уже создало все необходимые условия для культурного развития народов и дополнительных мер не требуется. Такая структура ответов свидетельствует, в целом, о достаточно толерантном настрое общественного мнения: государственная поддержка культурного развития этнических меньшинств в Ростове-на-Дону сегодня в целом признается населением приоритетной и легитимной частью государственной политики. О чем же может свидетельствовать, что значительная часть респондентов делает оговорку, вводит дополнительное условие – некий признак оседлости? Вполне вероятно, что при общем достаточно высоком уровне толерантности и богатом опыте межкультурной коммуникации, поддерживая такую позицию, респонденты указывают на противоречия и трудности, возникающие в процессе адаптации у мигрантов новых волн¹. Фактически здесь опять повторяется выявленная нами в предыдущих разделах попытка и желание зафиксировать статус-кво в этнической структуре и сложившемся обиходе межэтнического взаимодействия.

Рассуждая о необходимости государственной поддержки диаспор, необходимо отметить, что такая поддержка должна быть встроена в государственную национальную политику, ее главной целью должно быть содействие интеграции новых поколений мигрантов в местное сообщество, а основным принципом – минимизация рискогенного потенциала национально-культурных объединений². Политика поддержки при этом должна строиться не по модели «поддержка в обмен на лояльность», а по модели «поддержка при соблюдении принципов прозрачности». Не в виде подачек и приручения верхушки, а целенаправленная политика по адаптации, обеспечению культурной безопасности этнических групп и их декриминализации. Главное – правовое равенство и правовые гарантии³.

---

¹ Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2015. – 316 с.

² Волков Ю.Г. Гуманистическая идеология и формирование российской идентичности. М.: Социально-гуманитарные знания. 2006. – 257 с.

³ Посухова О.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В. Политика мультикульту-

Говоря о конкретных формах поддержки национально-культурных традиций различных народов, эксперты в основном отмечали, что все базовые юридические условия для культурного развития у различных народов имеются. Однако это оставляет открытым вопрос о том, какие меры дополнительного характера должно предпринимать государство.

Таблица 2.

Какие меры необходимы для удовлетворения национально-культурных потребностей национальных меньшинств, проживающих в Вашем районе? (%)¹

Поддержка национально-культурных центров	37,5
Содействие в организации изучения национально-го языка	20,1
Содействие открытию национальных школ	16,9
Освещение в СМИ национально-культурных традиций	24,3
Организация межнациональных культурных фестивалей, праздников и т.п.	17,5
Другое	2,3
Особых усилий прилагать не надо	14,1
Затрудняюсь ответить	14,2

По мнению респондентов данного опроса, основными мерами государственной поддержки этнокультурного развития народов в Ростовской области должны стать поддержка национально-культурных центров (37,5%), грамотная информационная политика, включающая освещение региональными СМИ национально-культурных традиций (24,35) и содействие в организации изучения национального языка (20,1%).

Таким образом, в массовом сознании присутствует, с одной стороны, вполне толерантная концепция этнокультурной поддержки (менее 1/5 респондентов указали, что никаких мер поддержки оказывать не нужно), с другой стороны, ее можно охарактеризовать как

рализма в США: оценка эффективности и возможности имплементации в российских условиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11-1. С. 146-152.

¹ Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

сдержанную и прагматичную. Перед нами вполне отчетливо высвечивается одобряемая населением системная концепция этнокультурной политики в г. Ростове-на-Дону, включающая три компонента:

1) создание условий для всех этнонациональных общностей для создания собственных культурных центров;

2) проведение на регулярной основе и популяризация мероприятий по межкультурному общению;

3) координация редакционной политики региональных СМИ с целью полноценного представления в информационной повестке событий этнонациональной сферы.

К сказанному нужно добавить несколько замечаний. Во-первых, целесообразно оказывать организационное и методическое содействие в открытии при национально-культурных центрах программ по изучению и возрождению родного языка. Осуществление таких программ через национально-культурные центры, как мы видим, является наиболее приемлемым для общественного мнения и вполне эффективным с организационной точки зрения способом оказания помощи национальным меньшинствам в сохранении и развитии их родного языка¹. При этом проблема развития и сохранения родного языка не одинаково актуальна для всех диаспор в г. Ростове-на-Дону. Наиболее актуальна она для тех диаспор, представители которых живут на территории региона не одно поколение (армянская, греческая), и в которых процессы ассимиляции стали фактором деградации собственного национально-культурного достояния². Для мигрантов новых поколений (и в армянской диаспоре, кстати, тоже), наоборот, более актуальной является проблема овладения русским языком. Исходя из этого, можно предложить в качестве инструмента реализации государственной этнокультурной политики в регионе разработку брендированной (отдельно выделенной и информационно поддерживаемой) региональной программы поддержки национально-культурных центров, включающей как взаимодополняющие части оба направления: а) содействие развитию родного языка и б) содействие изучению русского языка. Такое двойное брендирование позволило бы обозначить позицию органов власти: мы осознаем важность развития родных языков национальных меньшинств,

¹ Бедрик А.В. Механизмы внутригрупповой интеграции этнических мигрантов // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2015. № 51. С. 9-17.

² Согласно проведенному в 2011 г. исследованию, умеют читать, писать и хорошо владеют устной речью на родном языке менее 40% донских армян. См.: Барков Ф.А., Мирзоян Г.В., Нагапетян А.Р., Садко Д.О., Сериков А.В., Черноус В.В. Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Коллективная монография / Под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д – М.: Социально-гуманитарные знания, 2011.

но мы осознаем и важность их языковой интеграции в пространство русской культуры. Такой подход создает возможности и для управленческого, и для политического маневра¹.

В отношении двух остальных направлений этнокультурной политики важнейшей задачей является их синергетическое объединение. Во-первых, в информационном освещении событий этнокультурной сферы должны быть четко обозначены приоритеты и принципы, по которым живет донское сообщество, и по которым строится государственная политика. Во-вторых, изложение и подача материала, регулярность новостных событий должна отражать эти приоритеты и принципы. В-третьих, нужно максимально эффективным образом использовать реальные событийные поводы – те самые межкультурные фестивали, на основе ряда событий строить и разворачивать единый политический сюжет: в регионе создаются благоприятные возможности для интеграции и адаптации различных народов при сохранении их своеобразия.

Данная рекомендация подтверждается результатами опроса: несмотря на присутствие на территории Ростовской области большого количества автономий, подавляющее большинство опрошенных (64,7%) не знает об их существовании. Вероятно, причиной этому как раз и служат недоработки в информационной политике.

Таблица 3.

Знаете ли Вы о существовании национально-культурных объединений, автономий в Вашем районе? (%)²

1. Да	3,1
2. Нет	64,7
3. Затрудняюсь ответить	32,2

Потенциал информационной и пропагандистской работы в этом направлении становится понятным, если обратиться к данным опрошенных: 21,1% считают, что деятельность национально-культурных объединений и автономий приносит положительный эффект, и что эти организации выполняют важную и нужную общественную функцию. С другой стороны, если мы объединим позицию «затрудняюсь

¹ Лубский А.В., Дегтярев А.К., Вялых Н.А. Модели и практики национальной интеграции в США // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 11. С. 16-25.

² Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

ответить» (33,9%) и пассивно-оценочную позицию «они что есть, что их нет (ничем не занимаются)» (27,8%), то получим аудиторию в 60 с лишним процентов, которая очевидно испытывает дефицит качественного информационного освещения национально-культурной тематики.

Данный вывод подтверждается и мнением экспертов в этой области, которые утверждают, что в недостаточной информационной поддержке есть вина диаспор и представителей власти в одинаковой мере.

Таблица 4.

Как Вы относитесь к существованию и работе национально-культурных объединений и автономий? (%)¹

Положительно, они необходимы	21,1
Они что есть, что их нет (ничем не занимаются)	27,8
Отношусь отрицательно, они приносят только вред	17,2
Затрудняюсь ответить	33,9

При этом большинство экспертов указало на то, что диаспоры должны играть интегрирующую и адаптивную функцию по отношению к мигрантам.

В тоже время существует целый ряд экспертов, которые подчеркивают негативные аспекты деятельности национально-культурных автономий. Обвинения сводятся, в основном, к двум суждениям. Во-первых, по мнению некоторых экспертов, автономии становятся для ряда диаспор своеобразным видом этнобизнеса: они используются для лоббирования интересов, выбивания льгот и т.п. Во-вторых, ряд экспертов дифференцируют различные объединения и автономии, выделяя среди них конструктивные (армяне, греки, корейцы) и тех, кто привносит в большей степени раскол в межнациональные отношения. Таким образом, даже в экспертном сообществе не всеми признается конструктивная и интегрирующая функция диаспор. Очевидно, это подталкивает к выводу о том, что работа с диаспорами – это сфера тонкой институциональной настройки и ответственного подхода².

¹ Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

² Бедрик А.В. Этнические риски адаптации мигрантов в современном российском обществе // Известия Южного федерального университета.

На основании этого можно предположить, что в обществе сформировалась группа людей, которые возлагают на диаспоры ответственность за нарастание межнациональной напряженности. Это предположение в определенной степени подтверждается результатами нашего исследования.

В этом контексте представляются интересным распределения ответов на вопрос об ответственности диаспор за представителей своей национальности на территории региона. Часть населения (30,5%) такую ответственность, действительно, на диаспоры возлагает. Еще 27,9% возлагает на диаспоры, по крайней мере, функции просвещения и пропаганды, проведения разъяснительной работы (о необходимости соблюдения норм и обычаев местного сообщества). На наш взгляд, такое соотношение можно расценивать как своеобразный социальный запрос, который возможно касается проблемы общественного признания самого института диаспор и автономий: люди готовы признать их роль и авторитет, но в ответ требуют ответственных и эффективных действий по контролю над поведением соплеменников.

Таблица 5.

Как Вы считаете, должна ли та или иная национальная диаспора нести ответственность за представителей своей национальности на территории региона? (%)¹

Да, они должны содействовать их правовому поведению.	30,5
Да, они должны вести разъяснительную работу.	27,9
Нет, это не их компетенция.	24,4
Затрудняюсь ответить.	17,1

Педагогические науки. 2011. № 1. С. 143-148.

¹ Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

Таблица 6.

В случае конфликта или недопонимания с представителем другой национальности, обратились бы Вы к представителям его диаспоры (старейшины, лидеры и т.д.) для разрешения спора, если бы такая возможность была Вам предоставлена? (%)¹

Да, обратился, чтобы разъяснить свою позицию и потребовать справедливого разбирательства.	25,2
Возможно бы обратился, точно сказать не могу.	21,9
Нет, не обратился, это бесполезно. Пускай делом занимаются правоохранительные органы.	18,9
Нет, не обратился, потому что мне это не нужно. У меня есть свои возможности разрешить конфликт.	17,2
Затрудняюсь ответить.	16,8

Общественный запрос на посредническую функцию диаспор подтверждают и данные предыдущей таблицы: около 50% опрошенных не исключают для себя возможности обращения к представителям диаспор для разрешения конфликтных ситуаций. И лишь 18,9% опрошенных настаивают на универсалистском подходе – конфликты нужно решать не через институты авторитета и группового принуждения, а через правоохранительные органы. Кстати, тот факт, что потенциальная популярность диаспор как институтов разрешения споров и конфликтов выше, чем популярность ответственных государственных органов (МВД, Прокуратура и т.д.) также является показательным. Невысокий уровень социального доверия к правоохранительным органам заставляет людей искать более эффективные институциональные способы разрешения этносоциальных противоречий. Похоже, что это объективное обстоятельство, которое должно находить отражение в государственной национальной политике.

Принцип перенесения социальной ответственности этнонационального сообщества за своего члена является на самом деле достаточно распространенным в современной практике. Разумеется, речь идет не о коллективной ответственности за правонарушения

¹ Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

и т.п. Речь идет о том, что выстраивание эффективных взаимоотношений с диаспорами является важнейшим инструментом в сфере управления межнациональными отношениями¹. Основная задача здесь сводится к тому, чтобы наладить быстрое выстраивание социальных связей мигранта с принимающим сообществом посредством диаспоры. Через диаспору можно влиять, привлекать к процессу регулирования и т.п. Диаспоры должны жить в правовом поле РФ и РО и помогать вновь прибывающим. Но это не их обязанность. Кроме того, диаспоры придерживаются различных стратегий включения в городской социум².

В настоящее время в донском сообществе преобладают по отношению к мигрантам сдержанные и осторожные настроения. Никакого социального запроса или одобрения по поводу расширения миграционных потоков не наблюдается. Люди становятся в этом отношении все более консервативны: для них действительно приемлемым является этнокультурное разнообразие, но лучше, чтобы оно сохранялось в пределах устоявшегося этнического баланса и соответствовало тем образцам интеграции, которые демонстрируют старейшие диаспоры Ростова-на-Дону: армяне, греки, корейцы и др.

Библиография

1. Барков Ф.А., Мирзоян Г.В., Нагапетян А.Р., Садко Д.О., Сериков А.В., Черноус В.В. Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Коллективная монография / Под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д – М.: Социально-гуманитарные знания, 2011.
2. Бедрик А.В. Механизмы внутригрупповой интеграции этнических мигрантов // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2015. № 51. С. 9-17.
3. Бедрик А.В. Этнические риски адаптации мигрантов в современном российском обществе // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2011. № 1. С. 143-148.
4. Водолацкий В.П., Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Сериков А.В., Черноус В.В., Черных Е.Ю., Садко Д.О. Казачество как этносоциаль-

---

¹ См., например, о роли и принципах выстраивания отношений между ответственными органами исполнительной власти и национальными сообществами (community) в Канаде в сфере адаптации и интеграции мигрантов: Annual Report On The Operation Of The Canadian Multiculturalism. Интернет-ресурс: <http://www.cic.gc.ca/english/resources/publications/index.asp#multi>.

² Бедрик А.В. Конфликтогенный потенциал СМИ в процессах адаптации этнических мигрантов // Научные исследования: от теории к практике. 2013. № 3 (4). С. 164-166.

ный феномен современной России (на примере Донского казачества) / Под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д: ЮРФИС РАН, 2011.

5. Волков Ю.Г. Идеология гуманизма в становлении российской идентичности // Социально-гуманитарные знания. 2006. №2. С.3-15.

6. Волков Ю.Г. Гуманистическая идеология и формирование российской идентичности. М.: Социально-гуманитарные знания. 2006. -257 с.

7. Лубский А.В., Дегтярев А.К., Вялых Н.А. Модели и практики национальной интеграции в США // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 11. С. 16-25.

8. Посухова О.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В. Политика мультикультурализма в США: оценка эффективности и возможности имплементации в российских условиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11-1. С. 146-152.

9. Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2015. – 316 с.

10. Annual Report On The Operation Of The Canadian Multiculturalism. Интернет-ресурс: <http://www.cic.gc.ca/english/resources/publications/index.asp#multi>.

*МАНЖУЕВА Оксана Михайловна,
к. филос. н., доцент,
info@журналпоиск.рф*

*НЕКРАСОВА Нина Андреевна,
д. филос. н., профессор
info@журналпоиск.рф*

*НЕКРАСОВ Сергей Иванович,
д. филос. н., профессор
info@журналпоиск.рф*

Информационная безопасность как фактор обеспечения национальной безопасности/ Information security as a factor national security

Аннотация

В статье национальная безопасность рассматривается как сложная, многоуровневая функциональная система, основными субъектами которой являются государство, органы законодательной, судебной и исполнительной власти. Выделяя пять основных видов национальной безопасности – экономическую, социальную, военную, информационную и экологическую – авторы статьи на исторических примерах и философских источниках анализируют каждый вид национальной безопасности.

Ключевые слова

Национальная безопасность; экономическая безопасность; социальная безопасность; информационная безопасность; экологическая безопасность; информационно-интеллектуальные приёмы; информационное противоборство.

Abstrakt

In the article, national security is seen as a complex and multilevel functional system, the main actors which is the state, the legislative, judicial and Executive powers. Highlighting five main types of

national security – economic, social, military, informational and environmental, the authors of the article on historical examples and philosophical sources to analyze each type of national security.

Keywords

National security; economic security; social security; information security; environmental security; information and intellectual techniques; information warfare.

Национальная безопасность, или государственная безопасность, есть защищенность интересов личности, общества и государства от различных угроз во всех сферах жизнедеятельности¹. Система обеспечения национальной безопасности сегодняшнего дня – это сложная многоуровневая функциональная система. В данной системе основными субъектами безопасности являются государство, органы законодательной, судебной и исполнительной власти. Как отмечают современные исследователи, в практике национальной безопасности можно выделить пять видов: экономическую, социальную, военную, информационную и экологическую.

Формирование парадигмы национальной безопасности началось в период зарождения государств, когда сложившиеся исторические условия диктовали необходимость заботы о выживании.

Корни информационного противоборства лежат глубоко в истории, оно наиболее ярко проявляется в моменты политического и военного противостояния. В VI–V веках до нашей эры древнекитайский полководец Сунь-Цзы изложил ряд информационно-интеллектуальных приемов ведения военных действий, которые сохранили свою актуальность сегодня и стали определенным методическим базисом, заложенным в основу современной политики и дипломатии. В основе концепции Сунь-Цзы лежит теория управления врагом: «его заманивают в ловушки выгодой, лишают храбрости, ослабляя и изматывая перед атакой².

Примеры информационного воздействия проявляются уже в преданиях Нового завета, стремление манипулировать сознанием и поведением других людей становится естественной частью жизни человека испокон веков, на нем выстроены мораль, отношения в семье, государстве.

В XVI веке итальянский мыслитель Николо Макиавелли сформулировал информационно-психологическую концепцию государствен-

---

¹ Общая теория национальной безопасности. – Москва: РАГС, 2002. – С. 11.

² Сунь-Цзы. Искусство войны / пер. Н. И. Конрад. – Москва: Эксмо, 2011. – С. 10.

ной власти, где изложил основополагающие принципы внедрения информационного противоборства в политической сфере¹.

Учение Т. Гоббса гласит, что для обеспечения мира и окончания войны граждане должны подчиниться могущественному суверену, который будет в условиях конституционной монархии правителем, или в условиях демократии граждане должны сохранять свой внутренний мир, жизнь и собственность от всякого рода опасности².

И. Кант, в свою очередь, определял безопасность государства как модель «постоянного мира», как моральную норму, присущую всем здравомыслящим людям³. По его убеждению, просвещенный политический порядок должен перестроить национальные интересы и подчинить их международному праву.

Наиболее активное развитие информационные экспансии и информационное оружие получили в XX веке, здесь особое место в приемах атакующего воздействия приобретает информационная пропаганда. Первым в мире лидером по созданию и применению информационных средств поражения становятся Соединенные Штаты Америки: вторжения в Гренаду, в Панаму, война в Югославии, боевые действия в районе Персидского залива, борьба с терроризмом.

В настоящее время в научной литературе сформировалось два методологических направления, изучающих возникновение феномена информационной безопасности. Одна группа специалистов (Я.С. Артамонова, П.А. Артамонов, М.-Э.Х. Шамсуев, И.Ю. Хитарова и др.) тесно связывает развитие информационной безопасности с информационными революциями в истории человеческой цивилизации. Данный подход подразумевает, что уровень безопасности общества определен качеством и объемом информации, доступной социуму, а также альтернативой ее непосредственного приложения.

Второй подход (напр. В.Н. Лопатин) предполагает, что в истории человеческой цивилизации появление категории «информационная безопасность» связано с возникновением средств информационных коммуникаций и осознанием человеком возможности нанесения ущерба собственным интересам или интересам социальной системы посредством информационного обмена⁴. В рамках этого подхода становление информационной безопасности с точки зрения развития технологий защиты разделяют на несколько этапов.

---

¹ Макиавелли Николо. Государь / под ред. В. П. Бутромеева. – Москва: Олма Медиа Групп, 2011.

² Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. – Москва: Мысль, 1991. – Т.2.

³ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. – Москва: Наука, 1978.

⁴ Информационная безопасность. Актуальные проблемы безопасности социума. – Москва: Оружие и технологии, 2009.

Первый этап определяется периодом до 1816 года, он связан с естественным стремлением человека и общества защитить информацию о каких-либо данных, обладающих уникальным значением. Второй этап применения информационно-коммуникационных технологий в процессе обеспечения информационной безопасности начинается с 1816 года, он характеризуется движением от физической защиты информации к созданию технических средств. Третий этап в создании технических методов информационной безопасности начинается с 1935 года, он связан с применением радиолокационных и гидроакустических средств. С 1946 года начинается четвертый этап решения задач информационной безопасности с помощью электронно-вычислительных машин. Пятый шаг в развитии технических средств информационной безопасности связан с созданием локальных информационных сетей в период с 1965 года. Следующий этап развития информационной безопасности (с 1973 года) характеризуется применением сверхмобильных коммуникационных механизмов, решающих высокотехнологичные задачи. Седьмой этап начинается с 1985 года прошлого столетия, он связан с развитием глобальных информационных сетей и космических разработок. Очередной этап информационной безопасности, как показывает практика, будет протекать на базе новейших информационно-коммуникационных технологий с широким спектром возможностей, осуществляемым посредством глобальной сети и космических систем. Мы убеждены, что данный этап потребует формирования глобальной системы информационной безопасности для решения задач человечества под эгидой международного взаимодействия.

На наш взгляд, описываемый подход к изучению проблемы развития информационной безопасности наиболее глубоко и точно передает историю ее становления.

Жизненно важные интересы субъектов общества заключены, прежде всего, в сохранении конфиденциальной, персональной, экономической, политической и касающейся других сторон деятельности информации от неправомерного ее использования: фальсификации, разглашения, незаконного тиражирования и уничтожения. При выработке подходов к обеспечению безопасности на первый план, с нашей точки зрения, выходит защита всех категорий субъектов социальных отношений от нанесения морального, материального или иного вреда в результате преднамеренных или случайных воздействий. В этой связи проблема обеспечения информационной безопасности приобретает особую актуальность.

Мы согласны с точкой зрения А.И. Позднякова, А.В. Тонконогова, А.В. Возженикова и др., которые утверждают, что в современном

социуме информационная сфера делится на две составляющие: информационно-техническую (искусственно созданный человеком мир техники и технологий и т. п.) и информационно-психологическую (естественный мир живой природы, включающий и самого человека).

Таким образом, в процессе организации информационной безопасности вводят два сектора: технический, состоящий из компьютерных систем и телекоммуникационных сетей, и сектор, включающий психологические категории, такие как общественное мнение, ценности, чувства и эмоции, составляющие сферу психологической безопасности.

Информационно-психологическая безопасность – это защищенность от ущерба национальных информационных ресурсов, а также психического здоровья человека и общества в качестве главной национальной ценности. Подчеркнем главную причину введения информационно-психологической безопасности в качестве составной части национальной безопасности. Основным объектом защиты в данном случае выступает общественное сознание населения. Оказанное информационно-психологическое воздействие посредством технологий контроля и манипулирования общественным сознанием вызывает дисфункциональные социальные процессы, препятствующие оптимальному функционированию социальных и государственных институтов.

Данная проблема становится особенно актуальной в связи с возникновением принципиально новой системы внешних и внутренних угроз общества и личности... их внутренней психологической безопасности, отличной от принятого понимания агрессора. Духовная сфера современного общества в качестве объекта обеспечения национальной безопасности имеет основные аспекты защиты¹. К ним относят национальную культуру, науку, искусство, образование, а также средства массовой информации, служащие обществу основным источником предоставления продуктов духовной культуры. В целях защиты духовной сферы необходимо формирование системы защиты от деструктивного воздействия на общественное сознание с помощью методов информационно-психологического противоборства.

Важной проблемой защиты духовной безопасности, составляющей основу духовной жизни общества, на наш взгляд, является культивирование мнимых ценностей, насаждение деструктивных приоритетов, задач и целей перед обществом и отдельной личностью. В связи с всеохватывающей властью информации все пере-

---

¹ Некрасова Н.А., Некрасов С.И. Духовность: сущность и проявление: Монография. – М.: Полиграф-сервис, 2014. – 139 с.

численное осуществляется посредством таких приемов, как лишение права на выбор получаемой информации и дезинформирование населения.

Эффективное пропагандистское воздействие строится на базе знаний о психологии толпы, нейролингвистической психологии, методах манипуляции и медиапсихологии. Данные направления отражают современные механизмы пропаганды, убеждающие или манипулятивные технологии. Блокирование воздействий описанных технологий осуществить очень сложно, возможность противостоять им может быть реализована лишь при высоком уровне эмоциональной устойчивости и личностной психорегуляции.

Таким образом, в условиях кардинальной информационно-технологической трансформации современного общества принципиальную важность, как в прикладном, так и в теоретическом плане приобретает поиск способов психологической защиты личности.

В сфере информационно-психологической безопасности выделяют следующие типы источников информационно-психологического воздействия на личность: государство, в виде органов власти и различных государственных учреждений; общество, в виде общественных, экономических и других организаций, социальные группы; отдельные личности самого различного характера и уровня.

Таким образом, в обобщенном смысле, в качестве указанных средств информационно-психологического воздействия можно представить средства массовой информации, воспитание, образование, литературу, искусство и личное общение.

Важнейшая роль в системе национальной безопасности отводится оборонной безопасности. Военная безопасность общества сегодня всецело обеспечена за счет внедрения информационных технологий. Системы критических приложений государства, которые составляют средства вооружения и системы управления, обладают высочайшей степенью компьютеризации, отчего уровень их уязвимости от воздействия информационного оружия повышается как в мирное, так и в военное время. Суть информационной войны заключается в борьбе информации с информацией. Как отмечают исследователи, в случае быстрого перепрограммирования массового сознания нации в процессе информационной войны наиболее эффективными становятся приемы, содержащие окраску эмоциональную, например, массовая культура, религия и искусство. По нашему мнению, применение подобного программирования в процессе распада СССР стало определяющим.

Таким образом, информационное воздействие целенаправленного характера на носителей духовных ценностей в лице человека,

государства и всего человечества не остается без последствий. Результатом вторжения в духовную сферу является уничтожение культур, ведущее к кризису развития человеческой цивилизации.

Поскольку общество является целостной системой, элементы которой упорядочены и взаимообусловлены, для разрушения подобной органичной социальной системы требуется уничтожение или нарушение значимых связей между ключевыми элементами, ведущих к хаотичному состоянию. Согласно синергетической концепции, понятие самоорганизации выдвигается в качестве диссипативной структуры, подверженной влиянию внешней среды¹, иначе – информационным воздействиям. В данном случае наиболее эффективными окажутся те информационные воздействия, которые активизируют механизмы саморазрушения в периоды бифуркации, то есть в период особой неустойчивости социальной системы. Указанное свойство заложено в основе принципов ведения информационной войны. В итоге мы приходим к выводу, что обеспечение безопасности государства в оборонной сфере обусловлено уровнем защиты информационной безопасности.

Следующим аспектом национальной безопасности является экономическая безопасность. Новый вид информационной экономики является результатом развития возможностей информационных технологий, роста потребностей населения в информационных услугах и формирования глобальных информационно-телекоммуникационных систем. Он включает производство информационной техники, коммуникационных средств и технологий передачи данных, предложение информационных услуг и производство информационных продуктов. Роль информационной экономики велика, поскольку влияет на все аспекты общественного развития. Особое значение приобретает развитие информационной экономики в геополитике государств, поэтому становится стратегически важным течением в социально-экономическом развитии любой страны, требующее к себе первостепенное внимание на всех уровнях. Как показывает история, технологические и экономические лидеры мира добились своего могущества благодаря вложениям в потенциал информационной экономики. Подобная практика подтверждает идею о том, что экономическая государственная безопасность немыслима без прогрессивной информационной экономики.

Следующая важнейшая проблема связана с обеспечением социальной безопасности общества. Данная область предполагает защиту в социальной сфере интересов народа и страны, формиро-

---

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: пер. с англ. – Москва: Прогресс, 1986.

вание общественных структур и социальных отношений, системы жизнеобеспечения, образа жизни людей, отвечающего требованиям прогресса современного общества.

Возможности информационных технологий сегодня позволили значительно повысить эффективность воздействия информационных средств на психику и сознание людей, обеспечили новыми методами и приемами скрытого манипулирования. Человек – главная цель информационного механизма управления. Угроза дегуманизации приобрела столь реальные очертания, что в структуре современных ценностей в качестве главной ценности стала выступать сама жизнь человека. Государственно-правовая защищенность человека от физических посягательств, как правило, выше, чем от нападков на психику, душу людей. Правовая сфера часто отстает от процессов общественного развития, а в духовной сфере это отставание в уровне защищенности стало просто катастрофическим.

В данном контексте необходимо отметить ряд возможностей и технологий воздействия на сознание общества и конкретного человека масс-медиа. Средства массовой информации находятся в сфере особых интересов, так как в гражданском обществе они выступают как важнейший инструмент взаимодействия трех ветвей власти и регулирования их отношений с гражданами. Основная функция средств массовой информации заключается в реализации возможности способствовать максимальной прозрачности деятельности всех структур власти и гласности политического процесса.

Из всего вышесказанного сделаем вывод о том, что уникальная специфика информационной безопасности позволяет ей охватить все виды безопасности: экономическую, социально-политическую, военную и экологическую, отсюда ее обеспечение является приоритетной задачей в процессе решения проблем национальной безопасности. Как нами показано, от обеспечения информационной безопасности на современном этапе развития общества зависят условия обеспечения основных видов безопасности государства.

Информационная безопасность на сегодняшний день являет собой сумму факторов и условий, гарантирующих оптимальное функционирование и эволюцию всякой другой системы. Информационная безопасность позиционируется как преодоление (отрицание) опасности в различных диапазонах. Обеспечение информационной безопасности представляет собой принципы и механизмы защиты от опасностей и угроз в информационной среде. При этом процесс обеспечения информационной безопасности обязан опередить управление риском, поскольку в основе его функционирования заложена предупредительная модель. Верный подход к реализации

данной модели предполагает заблаговременное принятие необходимых мер в целях непрерывного поддержания состояния безопасности. Оно определяет позитивную эволюцию информационной сферы, не пробуждающую негативные последствия процесса применения информационных технологий.

Библиография

1. Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. – Москва: Мысль, 1991. – Т.2.
2. Информационная безопасность. Актуальные проблемы безопасности социума. – Москва: Оружие и технологии, 2009.
3. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. – Москва: Наука, 1978.
4. Макиавелли Николо. Государь / под ред. В. П. Бутромеева. – Москва: Олма Медиа Групп, 2011.
5. Некрасова Н.А., Некрасов С.И. Духовность: сущность и проявление: Монография. – М.: Полиграф-сервис, 2014. – 139 с.
6. Общая теория национальной безопасности. – Москва: РАГС, 2002.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: пер. с англ. – Москва: Прогресс, 1986.
8. Сунь-Цзы. Искусство войны / пер. Н. И. Конрад. – Москва: Эксмо, 2011. – С. 10.

*КОНОНЕНКО Александр Владимирович,
аспирант Института социологии
и регионоведения Южного федерального
университета
alecandru2006@yandex.ru*

**Солидаристские практики в межэтнических отношениях
как объект социологического исследования / Solidaristik
practices in interethnic relations as object of sociological
research**

Аннотация

В представленной статье рассматриваются солидаристские практики как поведенческие стратегии, направленные на достижение общесоциальных интересов в рамках межэтнического сотрудничества. На основе анализа существующих подходов к анализу межэтнических отношений как специфических социальных отношений делается вывод о том, что в структурно-деятельностном подходе по сравнению с примордиалистским и конструктивистским подходами солидаристские практики характеризуются как стратегии, воспроизводимые социальным позиционированием этнических групп и доступом к институциональным ресурсам.

Ключевые слова

Солидаристские практики; примордиализм; конструктивизм; структурно-деятельностный подход; межэтнические отношения; социальные отношения.

Abstract

In this article the solidaristic practices as behavioral strategies, which are aimed to achieving general social interests within the framework of inter-ethnic cooperation. The author analyzed the existing approaches to interethnic relations and came to conclusion that the structural-activity approach allows explore solidaristic practices as strategies, which are reproduced by social positioning of ethnic groups and access to institutional resources.

Keywords

Solidaristic practices; primordialism; constructionism; structural-activity approach; ethnic relations; social relations.

Рассматривая солидаристские практики как принципиально новое социальное явление, как тип поведенческих стратегий, направленных на включение этнокультурных и этносоциальных установок для осуществления совместных практик, преследующих общие цели, следует отметить, что для понимания логики взаимопереходов и взаимовлияния солидаристских практик и межэтнических отношений, важно преодолеть их обособленность, разделенность, схему, согласно которой солидаристские практики связаны с общегражданскими отношениями, со становлением гражданской идентичности, а межэтнические отношения основываются на признании этнокультурных и этносоциальных установок как инвариантных, формирующих субстанциализм в понимании этнической группы как группы, имеющей природную реальность.

В рамках классической социологии этничность рассматривается аскрептивно, как предписанный статус, на который влияет совокупность природно-географических и исторических явлений, которые воспроизводятся и в переходе от традиционного общества к современному, как социальная общность, имеющая параметры профильности, закреплённости форм в повседневных практиках и в логике существования национальных государств¹. В рамках классической социологической традиции этнические отношения трактуются как особый вид социальных отношений, определяемых субстанционированием этноса как субстанционалистской группы, группы, связанной с аскрептивными (заданными) социальными параметрами.

Этносы рассматриваются в качестве социального рудимента, наследия традиционного общества, где действует принцип механической солидарности. Этнические группы являются профильными, определяемыми предписанностью личностей к определенному этносу. Социальные группы являются динамичными, конструируемыми, определяемыми стратегией личности. Поэтому межэтнические отношения рассматриваются как имеющие двоякое влияние: связывающие с сохранением преемственности в развитии общества, закреплёнием первичной солидарности, и выступающие барьером на

---

¹ Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2015. – 316 с.

пути изменений в социальной структуре. Таким образом, понимание этноса влечет последствия примордиалистского характера.

Речь идет о том, что в рамках методологической ориентации этнос определяется общинными отношениями, тем, что коренится в привязанности, душевной склонности и, по Ф. Теннису, является продолжением родовых отношений. В этносе находят свое воплощение соседство, дружба. Межэтнические отношения слабо подвержены рационализации. Отмечается, что в нетрадиционном обществе этнические отношения могут обретать рациональную структуру, то есть преследовать целью конкурентоспособность, получение привилегий в социальной и деловой жизни¹.

Рассматривая таким образом этнические отношения, характеризуется их определенный прогрессизм по сравнению с родоплеменными, что находит выражение в том, что этнос предполагает определенное социальное действие, но рационализация действия в этносе происходит неравномерно, рационализируется более редко, чем неэтнические отношения. Этнос проявляется в социальной системе как репродуцируемый, воспроизводящий практики, и одним из предположений примордиализма является определение этноса как природной, не зависящей от воздействия социальных изменений группы. Этнос представляет собой инвариантную социальную группу, и практики этноса проявляются в виде традиций, коллективной памяти. В результате возникает противоречие между структурными и институциональными изменениями и этносом, занимающим определенную социальную и социально-экологическую ниши.

Это означает, что межэтнические отношения сопротивляются инновационным социальным практикам, и исследовательское внимание акцентируется на том, в какой степени этнос может быть модернизован, каковы перспективы перевода этноса в состояние гражданской нации. Трудности научного социологического освоения этноса представляются, скорее, неспособными к рационализации партикулярными (частными) интересами. Таким образом, этнос включается в проблемы социальной системы, связанные с рациональной организацией и распределением материальных и культурных ресурсов. Второй проблемой является проблема сохранения солидарности общества, так как требования, выдвигаемые этносом, связаны с легитимацией противостоящего правовой (нормативной) системе

---

¹ Войтенко В.П., Дегтярев А.К., Чернобровкин И.П. Сравнительный анализ нормативно-правовых основ регулирования межнациональных отношений в России, США и ФРГ // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 7. С. 119-130.

порядка, построены на стратегиях патриархального, традиционного или ценностно-рационального поведения¹.

Данная конфигурация в понимании этноса связана и с положениями социологии М. Вебера, и с положениями о переходе от родоплеменной организации к организации по этническому критерию Г. Спенсера, и с типологией социального действия М. Вебера. Классическая социология определяет дилеммы соотношений этнического и социального в том, что Т. Парсонс характеризует как противостояние универсализма и партикуляризма, а также ориентация на себя или ориентация на коллектив. В этом исследовательском контексте понимание этноса, как самостоятельного образования, выводится за рамки социологии и легитимируется как предметное поле этнографии, культурологии, социальной психологии.

Социальные практики рассматриваются преимущественно как поведенческие стратегии представителей индивидов, направленные на реализацию формулы этнической причастности и этнической привязанности к социальному действию. Артикулируется главный вопрос, связанный с тем, в какой степени этнические различия имеют социальные последствия, модифицируются, влияют на социальную стратификацию. Этнические отношения рассматриваются как отношения подчинения / господства, связанные с неравенством в доступе к материальным ресурсам, и этничность выступает инструментом достижения социальных целей в состоянии этнической мобилизованности.

Можно констатировать, что в классической социологии развитие межэтнических отношений связано с исчезновением или снижением влияния этноориентированных практик и с устранением этнической дискриминации. Также следует подчеркнуть, что классическая социология делает акцент на изучении социальных институтов, которые рассматриваются в качестве форм социальных взаимосвязей, регулируемых и санкционируемых обществом. Рассматривая это положение, можно говорить о том, что вторым важнейшим аспектом классической социологии в рассмотрении межэтнических отношений является нацеленность на выявление этноориентированных практик, как требующих принимать во внимание традицию и ритуально-обрядовую сторону.

Так как в этносе отсутствует индивидуальное отношение с обществом, межэтнические отношения становятся сферой выявления моральных норм. Для социолога важно за посторонними целями увидеть рациональные устремления и результаты. В таком виде этнос

---

¹ Волков Ю.Г. Социология будущего: подходы, поиски, проблемы // Гуманитарий Юга России. 2016. № 5. С. 14-30.

не может быть подвергнут воздействию формально-рационального управления и включиться без помех в социальную иерархию. С этносом связывается традиционный по Веберу тип власти. Можно предположить, что этнос характеризуется солидаристскими практиками, но связанными с этнической сопричастностью, с предписанностью, со схемами восприятия, наследуемыми как ресурсы исторической памяти.

Солидаристские практики являются частными, разделяющими этносы, и имеют консервативное, охраняющее влияние с целью воспроизводства этноса как инвариантного образования. Можно сделать выводы о том, что классическая социологическая мысль подчеркивает, в большей степени, примордиалистский, прирожденный характер межэтнических отношений и выявляет в качестве предмета социологии структурные и институциональные изменения, которые модифицируют или адаптируют этнос к социальным реальностям. Основной исследовательский пафос направлен на выявление возможностей этноса как коллектива, основанного на аскрептивных социальных качествах, включиться в современное общество, использовать этноориентированные практики для получения правовых и социальных преференций. Межэтнические отношения связываются с патриархальным, традиционным типом господства и представляются у Вебера более долговечными и устойчивыми, чем легальный тип господства. Парсонс же видит межэтнические отношения как исчезающие в процессе модернизации общества.

Неклассическая социологическая традиция отходит от понимания этноса как субстанциалистской общности и, рассматривая конструирование этноса в качестве исходной методологической позиции, акцентирует внимание на том, что межэтнические отношения являются результатом социального взаимодействия, что, как писали П. Бергер и Т. Лукман, являются схемами типизации действительности. Межэтнические отношения регулируются удаленностью / близостью этнических групп. В повседневной жизни значение имеют язык и знания. Объективация межэтнических отношений определяется объективной доступностью за пределами проявления субъективной причастности к этносу.¹

Другими словами, в межэтнических отношениях важным является то, как артикулируются этнокультурные установки, как используются как интерпретация реальности межэтнических отношений. Межэтнические отношения характеризуются качеством взаимности, возможностью непрерывной объективации возрастающего опыта. Это озна-

---

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 63.

чает, что язык конструирует систему символических представлений, которые обладают ценностью по сравнению с реальностью повседневной жизни. Накопление в рамках созданных семантических (языковых) полей исторического опыта внушает впечатление, что этнос является вечным, что этнокультурные и этносоциальные установки воспроизводятся как передающиеся из поколения в поколение.

В рамках конструктивистского подхода подчеркивается роль воображения, межэтнические отношения представляются сферой символических значений, и для сохранения этноса важным становится изобретение, конструирование традиции с целью поддержания этнической солидарности и мобилизованности этноса для стратегий выживания и развития. Таким образом, этноориентированные практики определяются и непосредственными практическими интересами, тем, что многообразие социокультурных связей характеризуется отсутствием врожденности, что поведенческие стратегии в рамках межэтнических отношений могут быть трансформированы либо в закрытость, либо в открытость миру.

Важным является, что в терминах значений, которые определяют состояние межэтнических отношений, благодаря хабиитуализации, следствием является институционализация, закрепление стандартных значений в качестве социальных норм. Важно подчеркнуть, что взаимная типизация действий может возникнуть только в ходе общей истории, и нельзя понять адекватно межэтнические отношения, если не рассматривать институциональный аспект, регуляторы, контролирующие социальные практики, устанавливающие предопределенные им образцы. В межэтнических отношениях важно учитывать, что действует принцип типизации, что этнические авто- и ауто-стереотипы являются схемами типизации. Поэтому в исследовании межэтнических процессов важное внимание уделяется процессам хабиитуализации и институционализации, а также представлению о социальных практиках как реализующих определенные схемы типизации, как связанных с конструированием традиции, обоснованием непрерывности развития этноса.

Исходя из этих положений, социальные практики включают и возможность переконструирования этничности, переопределения этнокультурных установок в соответствии с практическими интересами. В рамках такого понимания практики трактуются как поведенческие стратегии, направленные на использование этнических стереотипов в качестве стандартных значений для определения возможностей взаимодействия с другими. Солидаристские практики в таком исследовательском контексте могут интерпретироваться как стратегии, направленные на переконструирование традиций,

на включение в традицию установок на кооперацию, открытость и доброжелательность. Другими словами, конструктивистский подход рассматривает этнос как нестабильные образования, как связку определенных смыслов и отношений, изменяющих лицо этноса. Трактовка солидаристских практик, таким образом, связывается с установлением границ толерантности, признания опыта других, с тем, чтобы, включая схемы типизации, ориентироваться на изменения языка, как кладезей коллективных седиментаций.¹

Важным является также и то, что солидаристские практики зависят от унифицированности или плюрализма концептуализации этноса. Межэтническое взаимодействие может быть сферой навязывания традиционных представлений о неравенстве этнических групп или учитывать конкурирующие определения реальности. Можно сделать вывод о том, что солидаристские практики связываются либо с влиянием фактора унифицированности, насаждения этнических стереотипов, либо в качестве альтернативного образца предполагается отсутствие сегрегации, равенство с легитимацией институтов и символических универсумов на основе автономных этнокультурных установок.

Конструктивистский подход, исходящий из искусственности, из возможности переформатирования этноса как практической социальной группы, рассматривает возможности солидаристских практик, практик, ведущих к укреплению социальной солидарности, как результат изменений этноса в самом себе и представлений о других, через преодоление этнических предрассудков, негативных аутостереотипов и придание представлениям о себе нацеленности на взаимодействие с другими. Следует подчеркнуть, что в рамках конструктивизма, рассмотрения межэтнического взаимодействия как конфигурации, как пространства конкуренции различных смыслов, исходящих из практических интересов, акцент делается на выявлении языка межэтнических отношений, на исследовании семантических полей, на том, какие этические стереотипы доминируют в обществе, существует ли унифицированные процедуры, в какой степени проявляется отношение господства / подчинения или равенства.

Для конструктивизма характерно то, что этничность приобретает чисто культурный смысл и лишается какого-либо политического значения.² Другими словами, конструктивистский подход лишает межэтнические отношения социального смысла и включает семантическое поле интегрирующих смыслов. Так как принадлежность

---

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 115.

² Уолцер М. О терпимости. М., 2000. С. 49.

к этнической группе можно поменять, исходя из изменения культурных установок, из признания себя другим, если этноориентированные практики заменяются индивидуалистическим выбором. В этом контексте солидаристские практики являются культурно интегрирующими, включающими индивида в мир объединяющей культуры, обретают чисто политический смысл. Между сферой культуры и политической сферой, таким образом, отсутствует потребность в социальной деятельности. Миссия гармонии межэтнических отношений возлагается на институты культуры. Можно ли в таком случае говорить о том, что конструктивисты уверены в благоприятном разрешении межэтнических противоречий? Для них очевидным является табуирование культурной несовместимости, признания равенства и взаимодополнительности культуры, признание вклада конкретной культуры в развитие культуры гражданско-политической общности.

Между тем, проблема остается нерешенной, поскольку неясным остается вопрос о том, какие практики могут быть предпочтительными для того, чтобы межэтнические отношения пришли в стабильное положение. Предупреждая радикализацию этнокультурных установок, тенденции этноотчуждения и этноизоляции, конструктивистский подход исходит из того, что в сфере повседневных практик схемы типизации, контакта лицом к лицу практически делают невозможным межэтнические трения. При этом не учитывается, что межэтнические отношения могут складываться таким образом, что в силу незамечаемых социальных различий культура становится сферой самолегитимации этнической дистанции, конфликтности с другими этническими группами.

В конструктивистском подходе основной исследовательский акцент делается на выявлении условий, благоприятствующих или неблагоприятствующих осуществлению права на культурное своеобразие. Таким образом, приоритетом становится предупреждение этнодискриминационных практик, а совместные практики выпадают из поля зрения, становятся сугубо индивидуальным выбором. Для того, чтобы определить потенциал конструктивистского подхода в понимании логики межэтнических отношений, нужно исходить из того, что, исследуя схему этнизации как недискурсивные практики, конструктивисты полагают, что для налаживания практик на социальном макроуровне необходимо выяснить, какие группы делают ставку на поддержание статус кво, претендуют на монополию, чтобы закрепить наследственность этнического статуса, и какие группы нуждаются в изменениях дискурсивных практик, введении языка диалога и сотрудничества.

В этом смысле также важно отметить, что для конструктивистского подхода межэтнические отношения становятся сферой культуры, стимулирования культурных различий, поддержания тезиса о том, что культурное разнообразие преодпделенным образом вызывает интерес другой культуры, что разнообразие культур формирует чувство толерантности, привыкания к другому. Можно сделать вывод о том, что конструктивистский подход ориентирует на принятие солидаристских практик в рамках толерантности, воздержания от дискриминационности и не содержит приглашения для других этнических групп участвовать в совместной деятельности. Существует риск того, что, воспользовавшись режимом толерантности, этническая группа может сделать выбор в пользу этноизоляции, а конфликты в межэтнических отношениях можно трактовать исключительно как проявление культурной несовместимости.

Такой подход подвергается критическому осмыслению и с радикальной позиции, опровержение культурного расизма, и в рамках политики умеренной интеграции в общество этнических меньшинств. Можно говорить также о том, что исследовательский потенциал конструктивизма ограничен анализом этнокультурных установок, которые могут легко переконструироваться, анализом условий, которые позволяют индивиду осуществить, реализовать право выбора на изменения, на этническую идентичность, включенность в определенную этническую группу. Главным является закрепление приоритета гражданских добродетелей, принятие формулы гражданской идентичности.

Таким образом, солидаристские практики могут проявляться только в рамках гражданской идентичности, как следствие принятие гражданских добродетелей, соглашения с тем, что, имея право на этнокультурное своеобразие, индивид в политической сфере является лояльным гражданином. Социальная ориентированность солидаристских практик, использование механизмов социальной интеграции выпадают из сферы исследовательского интереса. Это вынуждены признать и конструктивисты, работающие в дискурсе терпимости (Уолцер, Глейзер, Монихен). Можно говорить о том, что в контексте происходящих изменений в современном мире, конструктивисты находят дополнительные аргументы в становлении, ослаблении национальных государств, в усилении миграции, в появлении так называемой плавающей транснациональной идентичности, не привязанной к конкретным культурным и социальным реальностям, не предусматривающим территориализацию идентичности, прикрепление к определенному месту проживания и обитания¹.

---

¹ Голобородько А.Ю., Лубский А.В., Сериков А.В. Культура, идентичность и национальная безопасность России: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков;

Однако, неясным остается, в какой степени на межэтнические отношения влияют социоструктурные изменения, что можно считать институциональными барьерами на пути гармонизации межэтнических отношений. Полагаясь на институты культуры и образования, конструктивисты упускают и риски возникновения хабиитуализации этнических предрассудков на уровне повседневных практик, считая, что недискурсивные практики позволяют индивиду делать выбор в пользу вынужденного или добровольного соседства. На этом фоне важно подчеркнуть, что конструктивистский подход имеет свое позитивное значение в борьбе против примордиалистских предрассудков, против процедур натурализации этнических отношений, создавая, с другой стороны, иллюзию легковесности, преодоления диспропорции в межэтнических отношениях путем признания права на то, чтобы быть другим.

Рассматривая таким образом потенциал конструктивистского подхода, нацеленного на критику объективации межэтнических отношений, на то, что этническая группа является по-существу конструируемой, и задачи национальной политики состоят в том, чтобы, удовлетворяя запрос на этнокультурное своеобразие, на право быть иным, придерживаться позиции мягкой ассимиляции, нельзя констатировать, что конструктивистский подход содержит универсальный рецепт стабилизации межэтнических отношений. Основной упрек сводится к тому, что солидаристские практики, практики, связанные с формированием чувства взаимной ответственности и взаимных обязательств, готовности к включению в общие совместные, мобилизующие общество проекты, остаются вне внимания.

Можно говорить о том, что в рамках конструктивистского подхода социальные различия трансформируются в культурные. Но, таким образом, при сохранении несправедливых социальных неравенств, внесения утверждения о том, что можно путем «правильной» культурной политики внести гармонию в межэтнические отношения, является спорным. Также следует отметить, что создается практически единственная субъективная реальность, что в принципе противоречит конструктивистскому подходу, как писали П. Бергер и Т. Лукман, о объективации сферы значений, о переходе символического капитала в социальный капитал.

Конструктивистский подход в определенной мере можно назвать обратной реакцией преимущественного интереса к индивидуальному, того, что сейчас именуют методологическим индивидуализмом¹.

Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. – 306 с.

¹ Коркюф Ф. Новые социологии. М., 2002. С. 21.

Пренебрежение индивидом связывается не с влиянием объективированных социальных структур, а с тем, что необходимо реконструировать мотивации индивида и рассматривать межэтнические отношения как результат агрегирования индивидуальных действий, продиктованных этими мотивациями¹.

В сформулированном П. Бурдые структурно-деятельностном подходе содержится акцент на снятие противоположностей объективного и субъективного, на то, что участие в представлении о конструировании реальности межэтнических отношений не является данностью, и множественность реальностей этнических групп не дает возможности говорить об относительном постоянстве или прерывности процесса межэтнического взаимодействия. Независимо от того, исходят эти позиции из структур как в классической социологии или взаимодействии в конструктивизме, важным становится осмысление самого процесса межэтнического взаимодействия, в рамках которого возникают формы взаимозависимости. П. Бурдые отводит центральное место попытке соединения объективного и субъективного. Для него важным является, что в самом социальном мире существует объективная структура, независимая от сознания и воли агентов иным полям.²

Бурдые, нацеленный на исследование двух аспектов – объективистского и субъективистского – определяет исследовательские задачи в том, чтобы рассматривать объективные структуры в интерпретации к межэтническим отношениям, может быть осмыслен как институт, как совокупность норм и правил, заданных в конкретном социальном пространстве. Институты связаны с реализацией определенных практик, регулирующих межэтнические отношения. Эти практики выражаются в стратегиях субъектов акторов, которые, реализуя представления о структурах в габитусных состояниях, формируют свои приоритеты, свое видение и восприятие межэтнических отношений. Идет ли речь о коллективном представлении или индивидуальном выборе?

Не заявляя прямо о коллективизме социальных практик, Бурдые не оставляет сомнений и в том, что социальные практики не могут быть агрегированием индивидуальных поступков. В недискурсивных практиках акторы действуют, не осознавая своей собственной идентичности, но, тем не менее, признавая влияние институтов, доступ к институциональным ресурсам и, по-существу, в своих субъективных представлениях исходят из того, что имеют общую социальную позицию. В этом смысле недостаточно быть собой, необходимо делать

---

¹ Коркюф Ф. Новые социологии. М., 2002. С. 21.

² Бурдые П. Начало. М., 1994. С. 181 – 182.

себя¹. По ее утверждению, если применить положение структурно-конструктивистского подхода П. Бурдье, воспроизводство позиционных практик в социальном пространстве делает необходимым исследование индивидов в качестве агентов воспроизводства определенных действий, коммуникаций, ментальных структур, ситуаций².

Первым условием воспроизводства позиционных практик является фактическое закрепление за агентами некоей совокупности объективированных ресурсов (от юридических до моральных). Это означает, что индивиды, принимающие формулу этнической идентичности, претендуют на определенную совокупность социальных благ. Во-вторых, в межэтнических отношениях социальное позиционирование ведет к привязке индивидов к некоей системе диспозиций, которая выполняет функцию воспроизводящей основы практики (габитусу). Важным третьим моментом можно считать, что этнические группы действуют и проявляют себя как практические, мобилизованные для совместных действий.

Иными словами, межэтнические отношения формируют запрос на солидаристские практики при том, что группа осознает общие интересы и обладает единством действия. Однако, для этого требуется создавать ее путем постоянной целенаправленной работы, как через конструирование представлений о группе, так и через репрезентирующие ее институции. Таким образом, речь идет о том, что солидаристские практики, как практики, реализующие идею общего блага, основываются на двух условиях: на том, чтобы обеспечить равенство к институциональным ресурсам, права группы быть презентированной в институциональном поле; во-вторых, созданием механизмов социализации (внушения, заимствования) через конструирование представления и позитивного образа этнической группы.

Это напоминает о необходимости ревизии исторической памяти, о том, что ресурс исторической памяти может корректироваться, исправляться, что в схемы коллективного и индивидуального опыта вносятся коррективы, что ресурс исторической памяти поддерживается соответствующими идеологемами, мифами, и поэтому для повышения легитимации солидаристских практик требуется обращение к истории с нахождением позитива сотрудничества; с тем, что в этнокультурных установках может долгое время сохраняться синдром исторического рецидива, что вне целенаправленной работы

---

¹ Шматко Н. А. Практические и конструируемые группы: деятельностно-активистский подход. // Россия трансформирующееся общество. М., 2001. С. 112.

² Шматко Н. А. Практические и конструируемые группы: деятельностно-активистский подход. // Россия трансформирующееся общество. М., 2001. С. 111.

этнокультурные установки как процедура самолегитимации этнической группы могут сформировать устойчиво негативное отношение к межэтническому общению и сотрудничеству на основании мифа о врожденной враждебности или подавлении стремления этнической группы к суверенитету и равенству.

Важным в структурно-деятельностном подходе П. Бурдые является то, что предметом исследования становятся социальные институты, которые представлены группами давления, ассоциациями, обществами, партиями, и социальные институты. Изучение деятельности презентующих этническую группу институций дает возможность говорить о степени социального позиционирования группы, о том, какие объективированные ресурсы используются в процессе межэтнического взаимодействия. Следует подчеркнуть, что в этом контексте солидаристские практики могут трактоваться как практики, направленные на обеспечение равенства социальных благ, равенства доступа к институциональным ресурсам, на недопущение монополии на унифицированный подход к межэтническим отношениям.

Библиография

1. Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2015. – 316 с.
2. Войтенко В.П., Дегтярев А.К., Чернобровкин И.П. Сравнительный анализ нормативно-правовых основ регулирования межнациональных отношений в России, США и ФРГ // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 7. С. 119-130.
3. Волков Ю.Г. Социология будущего: подходы, поиски, проблемы // Гуманитарий Юга России. 2016. № 5. С. 14-30.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
5. Уолцер М. О терпимости. М., 2000.
6. Голобородько А.Ю., Лубский А.В., Сериков А.В. Культура, идентичность и национальная безопасность России: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. – 306 с.
7. Коркюф Ф. Новые социологии. М., 2002.
8. Бурдые П. Начало. М., 1994.
9. Шматко Н. А. Практические и конструируемые группы: деятельностно-активистский подход. // Россия трансформирующееся общество. М., 2001.

*ВОЛКОВ Юрий Григорьевич,
заслуженный деятель науки РФ, д. филос. н.,
профессор, научный руководитель Института
социологии и регионоведения
Южного федерального университета
infoipk@sfnu.ru*

*Денисова Галина Сергеевна,
д. социол. н., профессор Института истории и
международных отношений
Южного федерального университета
denigs@aaanet.ru*

*Лубский Анатолий Владимирович,
д. филос. н., профессор Института социологии
и регионоведения Южного федерального
университета
n_lav@mail.ru*

Оценка населением юга России характера межэтнических отношений в период реализации стратегии национальной политики¹ / assessment of the population of the south russian character of ethnic relations during the realisation of the national strategy policy

Аннотация

В статье освещаются результаты пилотного социологического опроса населения Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской Республики, республики Крым, Краснодарского края, Ростовской области и Ставропольского края по проблемам межэтнических отношений. Непосредственно предметом анализа данной статьи являются доминирующие публичные

---

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта Российского Научного Фонда № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

ценности и оценки актуальных проблем в сфере межэтнических отношений населения Юга России.

Ключевые слова

Юг России; межэтнические отношения; Стратегия государственной национальной политики; характер межэтнических взаимодействий.

Abstract

The article highlights the results of the pilot sociological survey of the population of the Republic of Adygea, Kabardino-Balkar Republic, Republic of Crimea, Krasnodar Territory, Rostov Region and Stavropol Territory on the problems of inter-ethnic relations. The subject of analysis in this article are the dominant public values and assess the actual problems in the sphere of interethnic relations of the population of the South of Russia.

Keywords

South Russia; inter-ethnic relations; the Strategy of the state national policy; the nature of inter-ethnic interactions.

Постановка проблемы. В фокусе внимания государственного управления на федеральном и региональном уровнях постоянно находятся вопросы межэтнических взаимодействий. С 2012 года в системе государственного управления делается акцент на изменении подхода к формированию стратегии государственной политики в этой сфере, а именно – ее построения в формате ценностной политики. Ценностная политика как особый вид управленческой деятельности опирается на публичные ценности, по которым достигнут консенсус в различных слоях общества, что требует постоянного привлечения граждан к их обсуждению и сотрудничеству¹. Однако в поликультурном обществе всегда в наличие большое разнообразие ценностных ориентаций, что выступает определенным препятствием для формирования ценностной политики, требует проведения работы по продвижению базисных ценностей в массовое сознание².

---

¹ Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2015. – 316 с.

² Beck J., T., Bozeman, B. Public Values: An Inventory //Administration and Society, 2007. Vol. 39. Iss. 3. P. 377.

Разработка и утверждение Стратегии государственной национальной политики прошла все этапы публичных обсуждений в различных регионах России; к диалогу были привлечены ведущие политики, государственные деятели, эксперты, общественные активисты, лидеры диаспор и традиционных религиозных общин.¹ Главной целью Стратегии национальной политики выступает достижение культурной интеграции и гомогенности многонационального народа России и формирование общероссийской идентичности. С этой точки зрения Стратегия национальной политики переносит основное направление управленческой деятельности из сферы межгрупповых (межэтнических) отношений в сферу культурной политики. «Стратегия государственной национальной политики на период до 2025 г.» была принята 19 декабря 2012 г. и вслед за этим последовала разработка Плана мероприятий по реализации этой стратегии, включая их финансирование.² В настоящее время, по прошествии более трех лет после утверждения Стратегии, требуется корректировка этого направления управленческой деятельности, что предполагает выявление в массовом сознании не только доминирующих публичных ценностей, но и оценки актуальных проблем в сфере межэтнических отношений. Этот второй аспект является предметом анализа данной статьи. Одним из эффективных инструментов обнаружения этих проблем являются опросы общественного мнения.³

Выборка опроса и гипотеза. Летом 2016 г. в различных регионах Юга России был проведен пилотный опрос населения по проблемам межэтнических взаимодействий. В качестве площадок проведения опроса были выбраны: Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Крым, Краснодарский край, Ростовская область, Ставропольский край. Выбор регионов определялся их территориальной близостью, которая обуславливает схожесть социально-экономических проблем, развитыми межрегиональными связями населения и региональных органов власти (исключая Республику Крым), и, одновременно, – полиэтничным составом регионов, разной исторической судьбой их интеграции в состав России, различной этнополитической ситуацией в 90-е годы. Эти различия

---

¹ Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики РФ: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации/ Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.ИЭА РАН, 2014. С. 16.

² Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>

³ Bozeman B. Public Values and Public Interest: Counterbalancing Economic Individualism. Washington, DC: Georgetown University Press. 2007. P. 133-141.

оказывают влияние на современное состояние межэтнических взаимодействий в регионах и процесс конструирования в них общероссийской идентичности, утверждение которой выступает основной целью Стратегии национальной политики. Всего было опрошено 2360 человек: в Республике Адыгея -380, в Кабардино-Балкарии – 390, в Республике Крым – 400, в Краснодарском крае – 410, в Ставропольском крае – 380, в Ростовской области – 400 чел. В целом, по массиву было опрошено 44,7 % мужчин и 55,3 % женщин. Возрастные группы в опросе представлены следующим образом: 18-29 лет – 30,1%, 30-44 года – 28,3 %, 45-59 лет – 22,7 %, 60 лет и старше – 18,9 %. Этнический состав опрошенных: 48,4 % - русские; 12 % - кабардинцы; 7,1 % - адыгейцы; 3,8 % - армяне; 3,7 % - украинцы; 2% - представители народов Дагестана; 1,9 % - татары; 1,9 % - чеченцы; 1,3 % - балкарцы; 0,5 % - казаки; 0,4 % - ингуши; 0,4 % - азербайджанцы; 0,2 % - белорусы; 0,2 % - греки; указали другие этнические группы – 11,9 % и 4 % - отказались указывать свою этническую принадлежность. По религиозной идентичности среди респондентов признали себя: христианами - 47,2 %; мусульманами - 25,2 % ; буддистами - 1,1%; иудеями - 2 %. Кроме того, 10,1 – указали другую религиозную идентичность, и 16,2 % затруднились с выбором.

Одной из гипотез исследования, было предположение о том, что значительная часть населения регионов рассматривает сферу межэтнических отношений не в контексте интеграции культур народов Юга России, а как сферу межгрупповых (межэтнических) взаимодействий. Перевод этнополитики, которая была направлена на регулирование межэтнических взаимодействий в сферу культурной интеграционной политики, предполагает достижение в локальных и региональных сообществах позитивных межэтнических отношений, когда этнические признаки индивида не являются доминирующими маркерами в оценке его поведения, и не обуславливают ответных стереотипных поведенческих паттернов. Однако в реальной действительности, сложившиеся этнические стереотипы поведения, по-прежнему оказывают влияние на социальные отношения в указанных регионах.

Указанная гипотеза проверялась в инструментарии постановкой двух блоков вопросов. В частности, характер межэтнических отношений оценивался респондентами в целом по Югу России, и в регионе проживания; выявлялась оценка динамики ситуации в регионах, источники и факторы межэтнической напряженности. Другой блок вопросов был направлен на выявление влияние этнической принадлежности индивида на возможности реализовать себя в основных сферах социальной жизни: получении профессионального образо-

вания, трудоустройства, открытия бизнеса, продвижения по линии карьеры во властных органах.

Оценка характера межэтнических взаимодействий. Характер межэтнических отношений измерялся по пятибалльной шкале и выявил, в частности, примерено равный уровень их оценки по всем регионам, а также более позитивную оценку ситуации в своем регионе, чем, в целом, по Югу России.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы можете оценить характер межэтнических отношений на Юге России в целом?»

Ответы	РА	КБР	Крым	Ст.кр.	Кр.кр.	Р.Об.
Отношения хорошие, люди не обращают внимания на национальность друг друга	24,3	28,3	26,2	29,4	28,5	26,3
Отношения спокойные, но люди общаются преимущественно с представителями своей национальности	32,1	29,8	24,5	39,1	33,3	28,0
В отношениях существует некоторая напряженность	17,3	17,9	13,5	18,9	22,5	22,9
Имеются конфликты на национальной почве	6,4	9,6	5,0	5,1	8,1	11,7
Затрудняюсь ответить	19,9	14,4	30,8	7,5	9,6	11,1

Из таблицы 1 видно, что во всех регионах опроса от 50 до 58 % респондентов в целом оценили межэтнические отношения на Юге России как спокойные. Но на напряженность в Южном макрорегионе указали от 13,5 до 23 %. Вместе с тем, если посмотреть оценку населения ситуации в своих регионах, то она окажется заметно более позитивной (таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы можете оценить характер межэтнических отношений в Вашем регионе?»

Ответы	РА	КБР	Крым	Ст.кр.	Кр.кр.	Р.Об.
Отношения хорошие, люди не обращают внимания на национальность друг друга	43,4	42,7	44,6	37,2	48,0	30,8
Отношения спокойные, но люди общаются преимущественно с представителями своей национальности	35,0	24,7	28,2	39,4	27,1	41,5

В отношениях существует некоторая напряженность	8,6	12,1	10,0	15,1	11,6	11,3
Имеются конфликты на национальной почве	3,3	3,0	6,7	4,3	7,9	5,7
Затрудняюсь ответить	9,7	17,5	10,5	4	5,4	10,7

Перепад оценок заметен по всем регионам опроса. В Адыгее по первой позиции («Отношения хорошие, люди не обращают внимания на национальность друг друга») перевес в пользу республики составил почти в два раза, в Кабардино-Балкарии, Крыму и Краснодарском крае - в полтора раза; в Ставропольском крае – на 10 пунктов, в Ростовской области оценки почти одинаковые. От 28,2 % респондентов в Ростовской области до 46 % в Краснодарском крае и Кабардино-Балкарии считают, что за последние три года ситуация в их регионах стабилизировалась и напряженность снизилась. Примерно такая же доля респондентов в каждом из регионов отмечают, что ситуация не изменилась (т.е. сохраняется стабильной), но СМИ заметно меньше стали освещать эти вопросы. Эта точка зрения поддерживается большим количеством респондентов (50 %) в Ставропольском крае и Ростовской области.

В оценке источников межэтнической напряженности доминирующую позицию на протяжении различных опросов, проведенных в регионе в двухтысячных годах, сохраняет ответ: «несовместимые нормы и правила поведения представителей разных этнических групп». В целом по региону этот ответ собрал 38,8 %. Но в Адыгее, Краснодарском крае и Ростовской области его выделили от 41,6 % до 49,8 %, соответственно, а в Крыму, КБР и Ставропольском крае – от 29,4 до 34,2 %, соответственно. Вторая по степени поддержки позиция - «вызывающие формы бытового повседневного поведения молодежи», собрала в целом по массиву 29,3 % (от 14,2 % в Крыму, до 41,2 % в Ростовской области). Следует подчеркнуть также, что в опросе 2016 г. заметные позиции в ранжировании источников межэтнической конфликтности заняли экономические причины – конкуренция за рабочие места, за землю и стремление той или иной этнической группы доминировать в какой-либо сфере занятости (табл.3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «На ваш взгляд, что чаще всего служит источником межэтнической напряженности?»

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы можете оценить характер межэтнических отношений в Вашем регионе?»

Ответы	РА	КБР	Крым	С.Кр.	К. кр.	Р.Об.
несовместимые нормы и правила поведения представителей разных этнических групп	41,6	33,6	29,4	34,2	47,1	49,8
вызывающие формы бытового повседневного поведения молодежи	39,0	25,5	14,2	35,6	23,9	41,2
конкуренция за рабочие места	29,6	35,8	19,9	23,7	29,5	13,7
доминирование этнической группы в определенной сфере занятости	23,0	22,7	7,9	8,9	11,1	13,8
нарушение гражданских прав из-за этнической/религиозной принадлежности	21,1	21,2	18,7	9,1	33,6	24,7
ущемление этнических групп в сфере поддержания своего языка	15,3	13,4	13,1	5,9	19,1	11,4
агрессивность в межгрупповых отношениях	17,0	13,7	20,6	19,4	18,4	26,5
конкуренция (соперничество) за землю между представителями разных этнических групп	12,8	32,4	26,9	8,9	26,9	11,8
требование предоставления особых прав и льгот тем или другим народам	11,5	10,6	29,7	10,8	12,6	12,6
усиление криминогенной обстановки, вызванное приезжими	8,6	4,3	5,7	9,7	10,8	15,2
сезонный приток мигрантов, которые нарушают привычный уклад жизни	6,8	5,1	2,9	7,3	8,4	8,6

Вместе с тем, иерархия этих позиций в регионах отличается. Так, например, для трех регионов, отличающихся более высоким уровнем экономического развития, и лучшей ситуацией на рынке труда, – Адыгее, Краснодарского края и Ростовской области, – нарушение поведенческих норм (сумма позиций 1, 2, 7) было отмечено в общей сумме ответов в 97,6 % в Адыгее; в 89,4 % – в Краснодарском крае; в 117,5 % - в Ростовской области. Экономические причины (сумма позиций 3,4,8) составили в общей сумме ответов в Адыгее 65,4 %, в Краснодарском крае – 67,5 %, в Ростовской области – 39,3 %. Ха-

рактарно и то, что другие причины – нарушение гражданских прав из-за этнической принадлежности, ущемление в сфере поддержания этнического языка и др. – были отмечены примерно равными группами в этих регионах. Схожее, но более сглаженное, соотношение позиций, с доминированием противоречия в поведенческих нормах, – в Ставропольском крае: 89,2 % : 41,5 %; почти равновесность этих позиций в Крыму (64,2 : 54,2 %). Кабардино-Балкарской республике иное соотношение: здесь доминируют экономические причины (90,9 %) по отношению к противоречиям в поведенческих нормах (72,8 %). Можно предположить, что в других республиках Северного Кавказа, где более острая экономическая ситуация, экономические причины также находятся на первом плане.

В целом по массиву, четверть респондентов указали на наличие напряженности в их регионах между людьми разных вероисповеданий. При этом, данный показатель на несколько пунктов выше в Ростовской области, Ставропольском и Краснодарском краях, в сравнении с Крымом и Кабардино-Балкарией. В Адыгее этот показатель самый низкий – 13,5 %.

Рассматриваемые регионы различаются также и в оценке факторов, которые способствуют формированию межэтнической напряженности. Исходя из предварительного анализа межэтнической и религиозной ситуации в регионах¹, в инструментарии респондентам на выбор был предложен реестр факторов, с просьбой указать не более трех самых важных. При всех различиях регионов, доминирующие позиции в этой иерархии заняли одинаковые причины: сложная экономическая ситуация и дефицит рабочих мест, недостаточный опыт официальных работников в регулировании этой сферы отношений; недостаточное внимание этой сфере отношений со стороны государственных органов и высокий уровень коррупции в органах власти. И в этом вопросе можно увидеть совпадение иерархии и уровня оценок респондентов в республиках (Адыгеи и Кабардино-Балкарии), которые выдвинули на первый план экономическую ситуацию (53,3% и 47,8% соответственно), уровень коррумпированно-

---

¹ Межэтнические отношения и религиозная ситуация в субъектах Южного федерального округа. Экспертный доклад. 2015 г. / Под общ. Ред. В.А.Тишкова. Изд-во: Изд-во Фонд науки и образования. Москва - Ростов н/Д. 2016; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе. Экспертный доклад (по состоянию на первое полугодие 2016 г.) / Под общ. Ред. В.А.Тишкова. Изд-во: Изд-во Фонд науки и образования. М. Ростов н/Д. 2016; Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа. 2015 год. Экспертный доклад / под общей редакцией академика В. А. Тишкова. Москва – Пятигорск – Ставрополь: 2016.

сти органов власти (37,1 и 34,7% соответственно), недостаточное внимание органов власти вопросам межэтнических отношений (27,4 и 29,8%). В других регионах эта иерархия немного модифицирована, но при этом уровень оценок этих факторов заметно ниже. Следует отметить также, что респонденты в регионах Предкавказья, с преимущественно русским населением, более высоко оценивают влияние внешних факторов – конфликтогенной ситуации в соседних республиках Северного Кавказа, и притока мигрантов.

В последние два года возникла новая угроза, которую отметили почти четверть респондентов во всех регионах опроса, - радикальный ислам как фактор, способствующий формированию межэтнической напряженности (таблица 4). В мониторинге этнополитической ситуации эту угрозу отмечают, обычно эксперты юго-восточных регионов Юга России – Астраханской и Волгоградской областей, Дагестана, Чечни, Игушетии. В нашем опросе ее выделили респонденты даже в тех регионах, где ислам не является широко распространенным вероисповеданием.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Какие факторы способствуют формированию межэтнической напряженности?»

Ответы	РА	КБР	Крым	С.Кр.	К. кр.	Р.Об.
ошибки в работе правоохранительных органов	19,4	27,9	14,7	14,8	19,1	12,2
недостаточное внимание вопросам межэтнических отношений органов власти	27,4	29,8	25,4	21,1	29,5	32,1
отсутствие должного финансирования программ поддержки развития культур различных этнических групп (народов)	12,6	20,7	15,0	5,9	23,2	10,7
недостаточный опыт и компетентность официальных работников в регулировании проблем межэтнических отношений	28,1	36,6	26,1	29,4	27,9	27,4
сложная экономическая ситуация, дефицит рабочих мест	53,3	47,8	30,2	31,5	31,0	30,6
активный рост численности мигрантов	18,4	6,9	11	13,5	27,3	31,1
конфликтность в соседних республиках Северного Кавказа	9,3	4,1	5,5	16,4	20,8	27,1
усиление влияния радикального ислама	24,1	23,2	22,0	19,9	19,2	25,0
высокий уровень коррупции в органах государственной власти	37,1	34,7	26,9	20,5	14,8	23,2
рост влияния криминальных структур	3,3	5,2	4,2	6,7	7,5	6,3

Этническая принадлежности как фактор напряженности. Одним из источников, который формирует межэтническую напряженность в полиэтничных регионах Юга России, респонденты назвали «нарушение гражданских прав из-за этнической/религиозной принадлежности». В целом по массиву опрошенных эту позицию как наиболее значимый источник напряженности выделили 13,3 % респондентов. Однако при структурировании содержания этой позиции было обнаружено проникновение осознания ущемленности гражданских прав на почве этнической (религиозной) принадлежности в значимые сферы жизни, что выступает препятствием для самореализации индивида.

В инструментарии опроса было выделено пять сфер социальной жизни, освоение которых обеспечивает социальную интеграцию индивида в период вторичной социализации: система высшего профессионального образования, трудоустройство на «хорошую работу», возможность открыть собственное дело, возможность карьерного роста в органах государственной власти, равенство в органах правосудия. Собранный материал свидетельствует о том, что наименьшее влияние этническая принадлежность индивида оказывает при поступлении в высшее учебное заведение и при открытии своего дела. Эти сферы в настоящее время оцениваются как наиболее свободные от проявлений неформальных практик, опирающихся на поддержке «своих»; где возможности реализации в большей степени определяются ресурсами самого индивида. Самые благоприятные условия в этом отношении, судя по оценкам респондентов, созданы в Республике Крым. В этом регионе на ущемленность в этих сферах указали 7,5 % респондентов (табл. 5).

Таблица 5

Распределение позитивных ответов на вопрос: «Как Вы считаете, в Вашем регионе влияет ли национальная принадлежность человека на реализацию его возможностей в сферах?»

Ответы – «ДА»	РА	КБР	Крым	С.Кр.	К. кр.	Р.Об.
Устроиться на хорошую работу	48,7	35,9	15,7	36,9	35,0	40,4
Занять высокий пост в органах власти	53,1	44,7	17,7	39,1	28,0	37,3
Открыть свое дело	23,9	25,3	7,5	21,6	25,4	14,5
Поступить в вуз на престижную специальность	20,8	12,1	7,2	18,3	26,8	20,0

Добиться справедливого решения вопроса в органах власти и органах правосудия	31,2	24,7	19,5	24,8	28,3	27,1
--	------	------	------	------	------	------

Рейтинг ответов, утверждающих влияние этнической принадлежности на самореализацию индивида, показывают, что наибольшие проблемы возникают в сфере трудоустройства и карьерного продвижения в системе государственной службы. Наиболее сложно решается проблема карьерного роста в государственных органах Адыгеи и Кабардино-Балкарии, где воспроизводятся устойчивые неформальные паттерны иерархии народов по основанию их деления на «титulyные» и «не титульные». Но в других регионах – Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области, - этническая принадлежность также рассматривается респондентами, как фактор, торможения самореализации индивида, если он находится не в «своей» этнической среде. Проектируемая в вопросе ситуация результативности судебных разбирательств показывает тот же результат: четвертая часть респондентов (а в Адыгее – почти треть) полагают, что этническая принадлежность индивида оказывает влияние и на разрешение вопросов в органах власти и органах правосудия.

Обращает на себя внимание также соотношение внутри регионов опроса групп респондентов, утверждающих и отрицающих влияние этнического фактора на самореализацию индивида в указанных сферах социальной жизни. В Адыгее доминирует утверждающая позиция при оценке перспектив трудоустройства и карьерного продвижения (от 15 до 25% соответственно). В Кабардино-Балкарии наиболее проблематично продвижение в системе государственной службе. В Ростовской области, Ставропольском и Краснодарском в оценке перспектив трудоустройства и карьерного продвижения в госслужбе респонденты поделились примерно на равные группы.

Результаты. Анализ собранных материалов показывает, что в период реализации Стратегии государственной национальной политики наблюдается некоторое снижение межэтнической напряженности в регионах Юга России. На нее указали от 8 до 11 % респондентов, в зависимости от региона проживания, и еще от 3 до 8 % отметили конфликты на почве межэтнических отношений. При этом более негативно население оценивает межэтническую ситуацию в целом по Югу России, чем в своем регионе. В этом явлении можно усмотреть влияние информационной политики, которую проводят федеральные СМИ.

Вместе с тем, доминирующие источники и факторы межэтнической напряженности устойчиво сохраняют свои позиции в коллективных представлениях. Лидирующее место среди них занимает противоречие поведенческих норм представителей различных этнических групп, особенно в молодежной среде. Однако на значимые позиции в настоящее время выдвинулись экономические источники напряженности – конкуренция за рабочие места и за землю. Поэтому большинство опрошенных на первое место в рейтинге факторов, вызывающих межэтническую напряженность выдвигают сложность экономической ситуации и дефицит рабочих мест, коррумпированность в органах государственной власти и недостаточное внимание к сфере межэтнических отношений. Обращает на себя внимание также оценка населением угрозы радикального ислама, как фактора дестабилизации ситуации на Юге России.

Анализ результатов опроса выявил также сохранение этнической принадлежности индивида как значимого неформального ограничения для социальной мобильности и реализации принципа социальной справедливости в региональных сообществах. Наибольшее влияние этническая принадлежность в южно-российских регионах оказывает при трудоустройстве индивида на престижную работу и в систему государственных органов власти.

Выявленные проблемные зоны в сфере социальных отношений показывают сохранение этнического фактора в качестве индикатора социального расслоения и межгрупповых взаимодействий, что требует корректировки плана реализации Стратегии государственной национальной политики.

Библиография

Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2015. – 316 с.

Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики РФ: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации/ Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.ИЭА РАН, 2014.

Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>.

Bozeman B. Public Values and Public Interest: Counterbalancing Economic Individualism. Washington, DC: Georgetown University Press. 2007. P. 133-141.

Межэтнические отношения и религиозная ситуация в субъектах Южного федерального округа. Экспертный доклад. 2015 г. / Под общ. Ред. В.А.Тишкова. Изд-во: Изд-во Фонд науки и образования. Москва - Ростов н/Д. 2016.

Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе. Экспертный доклад (по состоянию на первое полугодие 2016 г.) / Под общ. Ред. В.А. Тишкова. Изд-во: Изд-во Фонд науки и образования. М._Ростов н/Д. 2016;

Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа. 2015 год. Экспертный доклад / под общей редакцией академика В. А. Тишкова. Москва – Пятигорск – Ставрополь: 2016.

Beck J., T., Bozeman, B. Public Values: An Inventory //Administration and Society, 2007. Vol. 39. Iss. 3.

*КОПЦОВ Сергей Васильевич,
адъюнкт кафедры «Философии и социологии»
Краснодарского университета МВД России
tspopz@yandex.ru*

Некоторые проблемы безопасности в условиях трансформирующегося российского общества: теоретические и эмпирические аспекты/ Some security problems in the conditions of a transformed Russian society: theoretical and empirical aspects

Аннотация

Условия трансформирующегося российского общества в начале XXI в. детерминировали ситуацию нестабильности и неопределенности перспектив развития социальной системы в целом, а также ее ключевых элементов и подсистем. В таких условиях особую важность приобретает функционирование традиционных институтов общества, отвечающих за стабильное и безопасное развитие, в частности – полиции. Риски неопределенности трансформирующегося общества поставили в достаточно сложное положение как полицию в целом, так и службу участковых уполномоченных, чьей основной обязанностью является непосредственный контакт с населением, решение нарастающих проблем, связанных с дисфункциональными тенденциями социума.

Ключевые слова

Трансформация общества; реформа; модернизация; социальный институт; полиция; служба участковых уполномоченных.

Abstract

Summary: the conditions of a transformed Russian society at the beginning of the XXI century. determined situation of instability and uncertainty of the prospects of development of the social system as a whole, as well as its key elements and subsystems. In such circumstances, special importance the functioning of traditional institutions of the society responsible for the stable and secure development, in particular - the police. The risks of uncertainty of

a transformed society put in a rather difficult situation as the police in general, and the service precinct, whose main responsibility is to direct contact with the population, the decision of growing problems associated with dysfunctional tendencies of society.

Keywords

Transformation of society; reform; modernization; social institutions; the police; the district office of the authorized.

Современное российское общество находится в состоянии глубокой трансформации. Условия современного российского общества начала XXI в. детерминируют особую обстановку, для описания которой зачастую исследователями используются термины «риск», «неопределенность». Модернизация, ускоренные реформы, постепенная интеграция в глобальный постиндустриальный информационный мир с неизбежностью сказываются на функционировании основных социальных институтов, подсистем; существенно изменяется облик социальных явлений; модифицируются социальные процессы.

Отечественными исследователями под трансформационным процессом понимается постепенное и относительно мирное (не связанное с радикальной сменой правящих элит), но вместе с тем глубокое и относительно быстрое преобразование социетального типа, или социальной природы, общества, обусловленное в первую очередь не внешними факторами, а внутренними потребностями системы. Социальными агентами этого процесса являются, с одной стороны, правящая элита с примыкающей к ней высшей бюрократией, а с другой – социально зрелая, дееспособная и активная часть массовых общественных групп, в первую очередь средних слоев. Остальная часть общества оказывает влияние на его преобразование преимущественно через выбор личных адаптационно-поведенческих стратегий. Характерная особенность социально-трансформационных процессов – длительность и глубина аномии, вызываемой опережающим разложением старых институтов по сравнению со становлением новых. Кроме того, их отличают важная роль стихийных факторов, слабая управляемость, непредрежденность конечных итогов¹.

Как отмечает А.В. Луканин, на современном этапе развития информационного общества происходит трансформация социальных институтов и выполнение ими других функций. Центральным в функ-

---

¹ Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. №5. С.5–24.

ционировании социальных институтов становится создание своего имиджа. Это связано с несоответствием латентных функций реальным, которые свою очередь приобретают негативный характер, выражающийся в недоверии индивидов к социальным институтам, в отрицании норм и ценностей. Этому также содействует смягчение нормативного контроля за функционированием социальных институтов, где постепенно происходит формирование и последующее преобладание неформальной структуры над формальной¹.

Необходимо отметить, что социальная система начала XXI в. характеризуется сложным, многоуровневым характером, с выраженной деверсификацией основных элементов и подсистем. Условия функционирования социальной системы во многом детерминируются характером макросоциальных процессов, связанных с интеграцией российского общества в глобальный информационный мир. Постепенное замещение социальных структур позднего индустриального общества на аналогичные постиндустриальные обостряет социальные противоречия. В «группу риска» попадают, в первую очередь, те проблемы, которые носят характер системных. В частности, российское общество начала XXI в. сталкивается со следующими основными проблемами:

- серьезным социально-экономическим кризисом, весьма узкими возможностями восходящей мобильности в сфере трудовых отношений и устоявшейся экономической модели, а также нарастанием разрыва между богатыми и бедными слоями общества (в социологии этот показатель носит название «децильный коэффициент», величина которого в России составляет порядка 17, что свидетельствует о резком, весьма опасном социально-экономическом расслоении);

- морально-нравственным, духовным, аксиологическим кризисом, возникшим на фоне деидеологизации российского общества начала 1990-х г. При этом утрата советских духовных регуляторов вызвала своеобразный вакуум, который так и не был заполнен какими-либо значимыми элементами (возник эффект «аномии», впервые обоснованный классиком французской социологии Э. Дюркгеймом);

- социальной дезорганизацией, снижением качества социальной политики, утратой контроля над социальным развитием значительных по численному составу групп, например, молодежи;

- политической апатией значительной части населения, коснувшейся не только выборов, отношения к власти, но и социально-

---

¹ Луканин А.В. Особенности виртуализации социальных институтов в информационном обществе // Власть. 2016. № 1. С. 41-46.

бытовым безразличием, нежеланием участвовать в работе органов власти, оказывать им содействие, проявлять политическую активность. Эти факторы во многом определяют жизнеспособность локальной социальной системы (государства)¹.

В сложившихся непростых условиях российская полиция оказалась в весьма сложной ситуации. С одной стороны, это «видимое» движение российского общества по пути научно-технологического, информационного, социального прогресса («интернетизация», компьютеризация, технологизация общества). С другой стороны, нарастающие проблемы коррупции, неэффективности многих властных решений, осложненные многообразными формами девиации населения (алкоголизм, наркомания и т.д.).

Высокие скорости социальных изменений с неизбежностью несут риск дезорганизации, дисфункциональности, так как социальная система по своей природе отличается высокой инерционностью. На стыке противоречий между динамичными и статичными характеристиками социальной системы возникают эффекты дезорганизации и дисфункциональности. Преодоление данных эффектов во многом относится к компетенции правоохранительной системы, в частности – полиции. Однако сложность современной ситуации заключается в том, что сами структуры российской полиции, находясь в состоянии реформирования, зачастую оказываются неспособными в полной мере эффективно решать возложенные на них задачи.

Социальная динамика 2000-х г. обострила проблему повышения эффективности деятельности МВД России, что стало отправной точкой масштабной реформы в 2010-х г. Не меньшую степень неоднозначности представляют и региональные социальные изменения 2000-х г. и 2010-х г. [5], детерминировавшие необходимость реформирования силовых ведомств. Основными задачами реформаторской деятельности стало улучшение имиджа полиции, противодействие коррупции, повышение эффективности деятельности ее структурных подразделений.

В период реформирования МВД России приобрел особую важность такой показатель, как общественное мнение населения о деятельности полиции, ее отдельных подразделений (на основе независимых источников эмпирической социологической информации).

По мнению О.В. Ушаковой, начиная с первого дня реформирования, полиция приступила к целенаправленному формированию

---

¹ Кубякин Е.О., Плотников В.В. Феномен дестабилизации локальной социальной системы (государства). // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 4 (59). С. 69-72.

своего образа. Теперь она представляется как беспристрастный, открытый для общества орган, осуществляющий свою деятельность в точном соответствии с законом, стремящийся обеспечить общественное доверие и поддержку граждан. Создание новой законодательной базы, повышение денежного содержания и уровня социального обеспечения сотрудников полиции – все это слагаемые, которые влияют на формирование образа сотрудника ведомства. Вместе с тем, современное видение реформирования системы органов внутренних дел немыслимо без активного взаимодействия с населением, которое в свою очередь способно подпитывать полицию новыми идеями по совершенствованию деятельности в сфере обеспечения общественного порядка¹.

Особое место в организационной системе полиции по праву занимают участковые уполномоченные. Именно они находятся в шаговой доступности от населения страны, и в первую очередь их действия должны быть понятными для граждан. Можно сказать, что участковые представляют полицию в глазах общества. Данное обстоятельство актуализирует необходимость исследования феномена образа современного участкового уполномоченного полиции как представителя ведомства, так как от его профессионализма и компетентности зависит общественное мнение о полиции и уровень доверия населения страны².

О значимости института участковых уполномоченных полиции можно судить по внушительному количеству направлений деятельности, а также перечню прав и обязанностей, которые закреплены в нормативно-правовых актах. Наряду с общими правами и обязанностями сотрудников полиции, которые содержатся в федеральном законодательстве России, существуют и специальные, перечисленные в ведомственных нормативно-правовых актах.

В трансформирующемся российском обществе службы участковых уполномоченных нуждаются в серьезном социологическом обеспечении их деятельности, так как зачастую развитие проблемных ситуаций «на местах» способствует снижению эффективности функционирования служб участковых уполномоченных. Находясь в состоянии хронического дефицита первичной социологической информации как об общественном мнении, настроениях, социальных практиках подведомственного населения, так и о хронических социальных противоречиях, находящихся в компетенции участковых, но

---

¹ Ушакова О.В. Процесс формирования образа сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации (на примере участковых уполномоченных полиции Хабаровского края): дис. ... канд. соц. наук. Хабаровск, 2015.

² Там же.

не решаемых ими, службы участковых уполномоченных снижают эффективность своей деятельности, наблюдаются дисфункционально-дезорганизационные тенденции в их работе.

Необходимость использования данных эмпирических социологических исследований в целях изучения общественного мнения продиктована тем, что современный социум представляет собой сложное, многоуровневое образование. Развитие техники и технологий, научные открытия, изменение характера производства и потребления с неизбежностью предполагают усложнение, диверсификацию социальных процессов. Сложность, многоуровневый характер современного общества значительно усложняют получение объективной информации прикладного характера – об основных структурных подразделениях полиции, в том числе – службам участковых уполномоченных МВД России и специфике восприятия их деятельности населением страны. Служба участковых уполномоченных характеризуется наиболее интенсивным взаимодействием с населением, именно от деятельности участковых зависят общественный порядок, стабильность, спокойствие граждан, преодоление социальных конфликтов.

Очевидно, что общественное мнение граждан России о деятельности служб участковых уполномоченных полиции – один из важных критериев оценки ее деятельности. Данные социологических исследований призваны установить обратную связь с гражданами, не допускать (либо оперативно выявлять) факты нарушений закона, различные злоупотребления служебными обязанностями со стороны участковых уполномоченных. Кроме того, немаловажным фактором выступает необходимость учета потребностей и ожиданий людей в отношении деятельности сотрудников полиции. В ситуации апелляции к общественному мнению, безусловно, должны выдвигаться и повышенные требования к качеству информации, на основе которой формируется общественная оценка деятельности служб участковых уполномоченных.

Стоит отметить, что эмпирическая социология, начиная с середины XIX в., когда стала активно использоваться в научных и практических целях, доказала наличие своих существенных преимуществ. Одной из сильных сторон эмпирической социологии является сбор и систематизация первичной информации, имеющий уникальный (ранее не встречающийся в таком виде) характер, вследствие чего появляется весьма эффективная возможность не только независимого, объективного, научно обоснованного аудита социальных проблем – как на макро-, так и на микросоциальном уровне, но и оценка эффективности тех или иных действий управленческих структур.

Становится очевидным, что эмпирическая социология обладает высоким потенциалом эффективного использования в практике деятельности службы участковых уполномоченных. Основная причина повышенного интереса служб участковых уполномоченных к практической, эмпирической социологии состоит в том, что именно данная структура полиции наиболее интенсивно контактирует с населением, ведет профилактику правонарушений, призвана находиться «на переднем крае» борьбы с различными социальными патологиями, девиациями, преступностью.

В настоящее время особенно актуален анализ особенностей применения эмпирических методов и методик как инструмента установления обратной связи с подведомственным населением, оценки эффективности деятельности тех или иных подразделений участковых, конкретных сотрудников. Возможности эмпирической социологии позволяют организовать непрерывный мониторинг деятельности участковых уполномоченных, корректировать ошибки в деятельности и т.п.

Необходимо заметить, что эмпирические социологические исследования – это системно организованная последовательность, некий алгоритм научно-управленческих действий, основная цель которых направлена на получение уникальной первичной социологической информации о состоянии и тенденциях развития объекта анализа. В роли подобного объекта могут выступать социальные явления, процессы, общественные группы, классы, общности людей. Так, индивидуальная деятельность человека, какой бы она не казалась самостоятельной и обособленной, детерминирована комплексом социокультурных и социоструктурных компонентов.¹

В структуре эмпирических исследований выделяются методологические и методико-процедурные элементы, в своей совокупности детерминирующие суть гносеологических и эвристических проблем. Рассматривая уровень методологии эмпирического анализа, целесообразно заметить, что имеются существенные различия между фундаментальными и эмпирическими исследованиями в данном аспекте. Методология фундаментальной социологии имеет существенные сходства с социально-философским анализом, характеризуется высоким уровнем абстракции, системным, всеохватывающим характером объяснительных концепций. В свою очередь, методология эмпирического анализа – это система наиболее общих, стратегических целевых установок, процедур, алгоритмов сбора,

---

¹ Кубякин Е.О., Плотников В.В. Социокультурная детерминированность индивидуальной деятельности. Анализ факторов социальных противоречий. // Философия права. 2016. № 1 (74). С. 55-58.

обработки и анализа, по преимуществу, первичной социологической информации. В первом случае (фундаментальная социология) речь идет об определении общего вектора анализа макросоциальной информации; во втором случае (эмпирическая социология) – определении стратегии и процедуры исследования, которая, как правило, дифференцируется на два значительных сегмента – количественную и качественную. Именно сочетание количественной и качественной методологии представляется нам оптимальным при использовании в службе участковых уполномоченных как инструмента установления обратной связи с населением, оценки эффективности деятельности участковых.

Библиография

1. Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик // *Общественные науки и современность*. 2001. №5. С.5–24.
2. Кубякин Е.О., Плотников В.В. Социокультурная детерминированность индивидуальной деятельности. Анализ факторов социальных противоречий. // *Философия права*. 2016. № 1 (74). С. 55-58.
3. Кубякин Е.О., Плотников В.В. Феномен дестабилизации локальной социальной системы (государства). // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2015. № 4 (59). С. 69-72.
4. Луканин А.В. Особенности виртуализации социальных институтов в информационном обществе // *Власть*. 2016. № 1. С. 41-46.
5. Маркин В.В., Кубякин Е.О., Плотников В.В. Дискурс феномена этнорегиональной идентификации в модельном Южнороссийском регионе (аналитический обзор социологических исследований в Краснодарском крае) // *Дiasпоры и землячества: опыт регионального измерения: сборник статей*. Москва, 2016. С. 85-103.
6. Ушакова О.В. Процесс формирования образа сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации (на примере участковых уполномоченных полиции Хабаровского края): дис. ... канд. соц. наук. Хабаровск, 2015.

*СЫЧЕВ Андрей Анатольевич,
д. филос. н., профессор Мордовского
государственного университета
им. Н.П. Огарева
info@журналпоиск.рф*

Провокация в мифе и сказке/ Provocation in myth and fairy tale

Аннотация

В статье рассматривается провокационное содержание мифов и сказок. Дается анализ сущности этого явления в развитии и истории цивилизаций. Автор оперирует сведениями из работ ведущих аналитиков данной проблемы, как отечественных, так и зарубежных, показывает динамику культурных изменений, формирование единой системы трансляции мифов и сказок.

Ключевые слова

Сказка; миф; провокация; трикстер; трюковые сказки; волшебная сказка.

Abstract

The article discusses the provocative content of myths and fairy tales. The analysis of this phenomenon in the development and history of civilizations. The author handles information from the works of the leading analysts of the problem, both domestic and foreign, it shows the dynamics of cultural change, the formation of a unified system of translation of myths and fairy tales.

Keywords

Fairy tale; myth; provocation; trickster, trick fairy tales, fairy tale

Провокационные поступки – трюки, обманы, подвохи, похищения, высмеивания и т.д. – можно обнаружить в мифах и сказках всех народов мира. В наиболее архаичных сюжетах их инициатором является культурный герой, а на более поздних этапах развития мифологического сознания их обычно совершает особое действующее лицо – трикстер. В волшебных сказках преимущественным правом на провокацию обладает отрицательный персонаж: с ее помощью

он ставит главного героя в затруднительное положение, создавая обстоятельства, которые тому приходится преодолевать. Наконец, в большинстве произведений животного эпоса, бытовых, анекдотических сказках провокация является ключевым элементом, организующим сюжет. В таких сказках (их можно объединить под названием трюковых) обычно описывается, как главный персонаж берет верх над соперником при помощи различных хитрых проделок.

Мифы и сказки, с одной стороны, аккумулируют жизненный опыт народа и отображают глубинные архитипические основания культуры. С другой стороны, они сами служат действенными средствами формирования картины мира человека, особенно на ранних этапах его развития. Постоянное обращение мифов и сказок к провокации позволяет увидеть в ней универсальную форму отображения социального опыта и один из значимых факторов культурной динамики. С этой точки зрения анализ провокации способен прояснить не только сюжетные особенности и структуру тех или иных фольклорных жанров, но и выявить тенденции формирования социальной регуляции поведения человека, источники представлений о противоречивости и многообразии жизни, движущих силах развития мира и, в итоге, лучше понять закономерности становления культуры.

В ритуалах, праздниках и мифах древности отображается или воспроизводится мифическое время – изначальная, еще не упорядоченная и противоречивая эпоха, содержащая в себе причины возникновения и изменения сущего. Сами события мифического времени не нуждались в каких-либо причинах или правдоподобных обоснованиях: они были во всех отношениях произвольными. Желания не были ограничены регламентациями и запретами, ни для каких действий не было преград и сотворение нового подчинялось только законам воображения.

Оборотной стороной избытка свободы и творчества был недостаток стабильности и предсказуемости. Не случайно человеческая фантазия заселила пространство мифа сверхъестественными существами, олицетворявшими катастрофические силы природы. Эти существа обладали нечеловеческой мощью, имели необычный вид, объединяли в себе черты людей и различных животных, были способны произвольно изменять свой облик, не различали добро и зло, то есть в полной мере воплощали хаотичность и неопределенность мифического времени.

Культурные герои сделали мир стабильным и предсказуемыми, однако платой за эту предсказуемость стало ограничение свободы деятельности тесными рамками природных законов и моральных запретов. Впрочем, это ограничение теперь признавалось необхо-

димым: как только творчество выполнило свою миссию по созданию упорядоченного мира, насущная потребность в нем исчезла. Более того, в нем стали усматривать угрозу для стабильности, поскольку творчество предполагает изменения, а изменения ведут к искажению или разрушению предустановленного порядка. Социальная стабильность возможна лишь там, где люди в своем большинстве подчиняются обязательным правилам, а не пытаются во что бы то ни стало отбросить старые нормы и установить новые: «общество пока не погибло потому, что, к счастью, не все люди способны к творчеству»¹.

Очевидным результатом сопротивления изменениям становится замедление течения времени (этот переход на мифологическом уровне символизирует свержение и оскпление Зевсом Кроноса). Динамика мифического времени вырождается в механическую повторяемость и устойчивость времени профанного. Век созидания и титанических свершений в итоге уступает место вялотекущему веку обыденности, где героизм и творчество выносятся за границы нормального.

Однако жизнь – это рост и развитие, которые требуют постоянного обновления. Новизна не возникает из многократного повторения старого: для нее необходимо отступление от норм. Запреты, направленные только на консервацию прошлого, препятствуют любым изменениям – как негативным, так и позитивным. Мир, лишенный импульсов к обновлению, закостеневаает и дряхлеет.

Символическое возвращение к периоду сотворения – центральный элемент различных ритуалов и празднеств. В. Тэрнер отмечает, что в обрядах перехода от одного статуса к другому люди временно пребывают в особом пороговом (лиминальном) состоянии. В этот период их поведение не регулируется социальными нормами, то есть является совершенно произвольным и зачастую отчетливо провокационным: «Лиминальные существа, например неофиты в обрядах инициации или совершеннолетия, могут представляться как ничем не владеющие. Они могут нарядиться чудовищами, носить только лохмотья или даже ходить голыми, демонстрируя, что, будучи лиминальными существами, они не имеют статуса, имущества, знаков отличия, секулярной одежды, указывающей на их место или роль, положение в системе родства»². Подобные отступление от норм обычной жизни наблюдаются и в ритуалах, посвященных тво-

---

¹ Субботина Н. Д. Социальная эволюция и поведение человека: Диалектика естественного и социального, сохранения и развития. М.: URSS. 2014. 432 с. С. 279.

² Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с. С. 169.

рению мира, где символически воспроизводятся космогонические действия.

Цель трикстера – подорвать порядок изнутри и вернуть мир к изначальному состоянию, в котором еще не было создано никаких правил, и где можно было творить без каких бы то ни было ограничений. К. Кереньи называет трикстера «противником границ», утверждая: «Беспорядок – неотъемлемая часть жизни, и трикстер – воплощенный дух этого беспорядка. Его функцией в архаическом обществе, вернее, функцией мифологических сюжетов, о нем повествующих, является внесение беспорядка в порядок, и таким образом, создание целого, включение в рамки дозволенного опыта недозволенного»¹.

Трикстер – внутренне противоречивый мифологический персонаж, выступающий в роли то хитрого обманщика, то обманутого глупца, то злодея, то благодетеля человечества. Однако во всех проявлениях его натуры прослеживается общая черта: его поступки неизменно подрывают привычный ход событий и придают упорядоченной и «замершей» жизни импульс для развития и обновления. Он постоянно провоцирует окружающих, не позволяя им застыть в самодовольстве и бездеятельности: «Трикстер – это неподконтрольная никому фундаментальная сила, результат действия которой непредсказуем, даже для самого трикстера. Трикстер – это провокатор и инициатор социально-культурного действия и изменения творения, которое выглядит как порча»².

Провокационная природа трикстера, по-видимому, связана с особенностями его взаимоотношений с миром. В наиболее архаичных мифах его черты еще нельзя отделить от характеристик культурного героя, однако со временем он отдалается от последнего все сильнее: «От культурного героя как бы отпочковывается образ первобытного плута – трикстера, являющегося либо его братом, либо его “вторым лицом” (в таком случае ему приписываются и культурные деяния, и плутовские проделки, например, индейским Ворону, Койоту и др.). Трикстер сочетает черты демонизма и комизма. Он не только неудачно подражает или мешает культурному герою, но совершает коварные и смешные проделки с целью удовлетворения голода или похоти»³.

---

¹ Кереньи К. Трикстер и древнегреческая мифология // Радин П. Трикстер: Исследование мифов североамериканских индейцев. СПб: Евразия, 1999. С. 241 – 264. С. 257.

² Гаврилов Д.А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. М.: Социально-политическая мысль, 2006. С. 67.

³ Мелетинский Е. М. Категории мифических героев // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 638- 639. С. 639.

На более поздних этапах образ культурного героя приобретает прочные и однозначные ассоциации с порядком, законом, нормами, эволюционируя в фольклоре к образу эпического героя. В то же время хаотические, девиантные, ненормативные характеристики приписываются трикстеру, который вырождается в образ хитреца, глупца из сказок о животных, бытовых сказок и анекдотов. Тем не менее, в этом образе (в большей или меньшей степени) сохраняются элементы, характерные для культурного героя: он не просто разрушает, но готовит почву для строительства нового. В этом смысле трикстер – это не воплощение полюса хаоса, противостоящего порядку, а посредник между хаосом и порядком. Соответственно, его действия – это не разрушения ради разрушений, а, скорее, заострение противоречий с целью их дальнейшего разрешения.

Порядок и беспорядок в мифологическом сознании еще не полностью оторваны друг от друга. Они подпитывают друг друга, подталкивают друг друга к активности, составляя, говоря словами В. Тэрнера, «самопроизводное естественное единство». В образе трикстера, так же как и в магическом ритуале или празднике «части этого напряженного единства встречаются и самим своим противостоянием образуют единство, создают его. Они не разбирают друг друга, а провоцируют»¹. Таково, например, поведение юношей и девушек, вышучивающих и поддразнивающих друг друга во время ритуалов, связанных с плодородием, или рядовых членов племени, высмеивающих вождя в ряде ритуалов, или же трикстера, подрывающего общественные устои. Все эти действия в итоге и создают напряженное и внутренне противоречивое социальное и культурное единство, где провокация служит толчком, запускающим процесс изменений.

Таким образом, хотя трикстер может вести свою родословную со времен творения, в качестве самостоятельного мифологического образа он оформляется в условиях упорядоченной социальной жизни с устоявшимися общепринятыми правилами. Чтобы вносить в мир беспорядок и преодолевать границы, необходимо присутствие устоявшихся представлений о социальном и природном порядке и наличие четких границ между дозволенным и недопустимым. Иными словами, образ трикстера может выделиться из прообраза культурного героя и оформиться в качестве самостоятельного только в условиях достаточно развитой культуры со сложившимися нормативными традициями.

Необходимо отметить, что, обособившись от образа культурного героя, трикстер оказывается в заведомо невыгодной по отноше-

---

¹ Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с. С. 160.

нию к нему позиции. В условиях полного и повсеместного торжества порядка все его попытки вернуться к свободе и хаосу мифического времени очевидно бесперспективны. Но там, где нет смысла и возможности действовать открыто, можно идти окольными путями: использовать хитрость, обман, разнообразные уловки, цель которых – спровоцировать противника, заставить его самого совершить действия, которые будут иметь далеко идущие последствия. В этом смысле трикстер – не столько творец, сколько инициатор и катализатор чужой деятельности, плоды которой он надеется использовать в своих интересах.

В скандинавской мифологии типичный пример трикстера – Локи, «бог из асов, который иногда вступает во враждебные отношения с другими богами, насмехается над ними, проявляя причудливо-злокозненный характер, хитрость и коварство»¹. Его провокационные действия выступают основным источником проблем для асов и часто ставят богов в самые сложные и, казалось бы, безвыходные положения. Так, в известном мифе Локи подговорил асов согласиться на предложение великана, который в качестве платы за строительство Асгарда потребовал солнце, луну и богиню Фрейю. Затем Локи в облике кобылицы, отвлекая коня великана от строительства, не дал тому уложиться в оговоренный срок. В результате асы получили свой город (а Один – еще и коня Слейпнира). В этом и множестве других мифов проблемы, вызванные действиями Локи, в конце концов успешно разрешаются и асы приобретают гораздо больше, чем потеряли. Во всех случаях провокации трикстера, способствуя мобилизации порядка, стимулируют его развитие.

В греческой мифологии явными трикстерскими обладает титан Прометей. Известен миф о том, как он разделил тушу жертвенного быка, прикрыв кости жиром, а мясо – внутренностями и предложил Зевсу выбрать какая из частей отныне будет доставаться богам, а какая – людям. Обманутый Зевс в отместку скрыл от людей огонь, который затем был похищен Прометеем. Таким образом, серия обманов и похищений (типичных для трикстера провокационных действий) в итоге привела к тому, что люди не только выжили, но и получили огонь, ремесла и способность к творчеству. При этом сам Прометей оказывается, с одной стороны, наказанным, побежденным Зевсом как выразителем порядка и власти, но с другой – морально торжествует над ним, будучи несломленным и верным до конца своим идеалам.

---

¹ Мелетинский Е. М. Локи // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 315-316. С. 315.

Таким образом, проделки трикстера, которые в краткосрочной перспективе могут выглядеть как разрушительные, в конечном счете способствуют обновлению общества, предохраняя его от окостенения: «Трикстер – это прежде всего мастер провокаций с неожиданными для окружающих и самого объекта провокации благоприятными результатами»¹.

В целом, провокация в мифе – это символическая отсылка ко времени творения, возвращение к первоначалам, инструмент обновления вселенной в ситуации господства порядка. В этом смысле мифическая провокация имеет, несомненно, космогоническое значение.

Сказка предлагает особый ракурс рассмотрения провокации. Если миф объясняет мир, описывая противостояние вселенских сил порядка и хаоса, то сказка развлекает и поучает, а ее мир приближен к повседневной социальной жизни человека. При этом сказки в жанровом смысле более разнообразны, чем мифы, поэтому трактовки провокации в них различны.

Сказка – это «упругая система», которая стремится к восстановлению равновесия после любых отклонений. Для ликвидации негативных последствий герой должен покинуть дом (привычное общество) и отправиться в путь. В пути ему встречаются сверхъестественные силы: помощники, дарители и т.д., которые, в итоге, способствуют его победе над антагонистом. Когда это удастся, ирреальный план вновь сменяется реальным, герой возвращается домой и сказка завершается.

Запрет и провокация имеют много точек пересечений. Табуируются обычно те действия, которые человек желает совершить (иначе в нем не было бы смысла). Поэтому всякий запрет в определенном смысле провокационен: он всегда сопровождается желанием его нарушить. В свою очередь, провокация нацелена на то, чтобы противная сторона произвела ненормативное, а значит запрещенное действие. Наконец, нарушение запрета и пособничество приводят к схожим результатам.

Однако между запретом и провокацией имеются не только сходства, но и определенные различия. В первом случае норма нарушается героем по собственной воле, во втором – под чужим влиянием. Нарушению запрета способствуют излишнее любопытство и элементарная неосторожность героя. Психологические основания для

---

¹ Морозова Е. А. Провокативность как метод социально-психологического воздействия (на примере авангардного искусства) // Социально-психологические проблемы образования: Вопросы теории и практики. Ч. 2. М.: МГППИ, 2001. С. 28-41. С. 33.

пособничества – доверчивость и нестойкость. Наконец, для успеха пособничества необходимы активные действия антагониста, которые, как правило, имеют провокационный характер. Для того, чтобы добиться успеха, антагонист должен войти в доверие (принять чужой облик, скопировать голос, создать видимость дружелюбия) и спровоцировать нужные действия героя (путем уговоров, использования волшебных средств или разнообразных хитростей).

По-видимому, нарушение запрета и пособничество – это художественно отображенные в фольклоре модели основных типов угроз, стоящих перед традиционным обществом. Это общество основывается на механической солидарности, предполагающей, что все люди должны разделять общие ценности и подчиняться единым нормам. Человек здесь не имеет собственного мнения и во всем полагается на мнение коллектива. Всякая инаковость находится под запретом, поскольку представляется угрозой стабильности. Соответственно, нарушение запрета рассматривается как покушение на моральный и космический порядок. Однако подчиненность личной воли общей, несамостоятельность человека традиционного общества имеют и другие следствия: он мыслит ожидаемым образом, склонен доверять окружающим, легко поддается внешнему влиянию. Излишняя доверчивость по отношению к чужим (которые, конечно же, активно пытаются войти к нему в доверие, чтобы нанести вред) может вести к невольному пособничеству им, что становится не менее серьезной угрозой стабильности, чем нарушение запретов. Не случайно при периодических разворотах общества к архаическому сознанию главными опасностями для сохранения социальной стабильности объявляются отказ от традиционных норм и попустительство внешним врагам.

Таким образом, пособничество, подобно нарушению запрета, представляет собой угрозу сложившейся системе социальных норм. Всякий сбой в нормальном течении событий истончает преграды между реальным и ирреальным планами волшебной сказки. В то же время, в отличие от нарушения запрета пособничество предполагает активные действия противника, провоцирующие ненормативное поведение героя.

В целом в сказке, как и в мифе, провокация – это способ «переключения» времени. Она обеспечивает переход от нормального времени к волшебному. Однако, если в мифе провокация возвращает мир к моменту творения, то в волшебной сказке она способствует разрушению привычного социального мира. Волшебная сказка указывает на негативные последствия всякого попустительства чужому, предостерегает от оболыщения новизной и потери бдительности. В

этом контексте ее обращение к провокации имеет не космогонический, а дидактический смысл.

Явно отрицательное отношение волшебной сказки к провокациям связано, прежде всего, с тем, что она рассматривает действительность с позиции их жертвы. Противоположная точка зрения представлена трюковой сказкой, в которой в качестве провокатора выступает главный герой.

Волшебные и трюковые сказки возникли в результате расщепления синкретичного пространства мифологии на две противостоящие друг другу модели мира. Если в первой абсолютизируется идея нормативного порядка, то во второй мир предстает как многоаспектное и динамичное целое, не укладывающимся в узкие рамки норм. Таким образом, сравнение и противопоставление различных характеристик волшебных и трюковых сказок помогает понять специфику понимания в них провокации.

Провокация в трюковой сказке представляет собой типичный пример рефлексивного управления, под которым В. А. Лефевр понимает процесс передачи оснований для принятия решения одним из персонажей другому. К типам рефлексивного управления он относит «любые “обманные движения”, провокации, интриги, маскировки, создание ложных объектов и вообще ложь произвольного типа». Провокация относится к особому типу рефлексивного управления, в котором формируются цели противника. «Она может осуществляться путем “идеологической диверсии”, коварного “дружеского совета” и т.д. Примером такого управления является известная детская забава, когда на видное место кладется банковский билет с замаскированной ниткой. Он используется как средство формирования вполне определенной цели у прохожего, которая к радости организаторов обычно формируется»¹. Трюковая сказка демонстрирует соответствующий схеме Лефевра процесс управления жертвой. Задача трикстера в этом отношении – не просто обмануть, а так преподнести информацию своему сопернику, чтобы тот принял ирреальную ситуацию за реальную и совершал дальнейшие действия, исходя из ложных посылок. При этом жертва должна полагать, что она стремится к достижению собственных целей, не подозревая, что на самом деле они искусственно сформированы трикстером.

Е.С. Новик подтверждает это, демонстрируя, что все провокации в сказке основаны на ряде предикатов, которые характеризуются таким качеством как «мнимость». В их список входят мнимая угроза, мнимая приманка, коварный совет, подстрекательство, раздра-

---

¹ Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973. 158 с. . С. 43.

нивание, мнимая смерть, мнимое родство, мнимая слабость. Их основное отличие от функций волшебной сказки состоит в том, что они представляют собой не явные, а «замаскированные» действия трикстера.

Мнимости, как правило, создаются путем преувеличения или преуменьшения значимости каких-либо качеств трикстера, его жертвы или объекта¹. В соответствии с этим выделяются различные варианты провокаций. Так, преувеличение силы трикстера выражается в мнимой угрозе, достоинств жертвы – в лести, ценности вещи – в приманивании. Преуменьшение силы трикстера выражается в имитации дружелюбия, достоинств противника – в раздраживании, ценности вещи – в ее охаивании. Угроза, приманка, дружелюбие и т.д. – это создание мнимостей, которые предстают чем-то реальным только в глазах легковерной жертвы. Например, в известной истории выдающиеся вокальные способности вороны кажутся чем-то реальным только самой вороне, но фактически являются мнимостью, сформированной лисицей в ходе преувеличения достоинств жертвы. Таким образом, в трюковой сказке необходимо принимать во внимание два сосуществующих аспекта видения мира: реальный (точка зрения трикстера) и ирреальный (точка зрения обманутого им соперника).

А. С. Архипова, А. И. Довлетшин и А. В. Козьмин наглядно описывают отношение реального и ирреального планов трюковой сказки на примере нарративной формы провокации, названной ими коммуникативным трюком. Типичный сюжет сказки с коммуникативным трюком таков: хан предлагает свою дочь тому, кто выиграет соревнование лгунов. Побеждает тот, чьи выдумки будут наиболее неправдоподобными. Поскольку хан легко соглашается со всеми выдумками, победить в состязании никто не может. Однако появляется герой, который рассказывает такую небылицу, что хан вынужден признать ее ложной. Например он говорит, что хан обещал дать ему большую сумму денег, или что побывал на том свете, где видел отца хана, пасущего свиней. Хан оказывается в ловушке – ему нужно либо признать за собой долг и принять оскорбление, либо объявить себя проигравшим: «Каким образом рассказчик добивается победы? Хан заранее знает, что описанный мир не существует, семантика ирреальна – S irreal, — и спокойно соглашается со всем, что сказано. Рассказчик совершает семантическую подмену: под видом небылицы сообщает что-то, имеющее отношение к S real – семантике реального мира. Другими словами, хан требует рассказать ему фабулат, а рассказ-

---

¹ Новик Е. С. Структура сказочного трюка // От мифа к литературе. М.: РГУ, 1993. С. 145-160. С. 145.

чик от фабулата переходит к меморату. Элемент S irreal, неожиданно вводимый в повествование рассказчиком, обладает двумя важными свойствами: содержание элемента S irreal производит негативное воздействие на адресата – оно неприятно и/или невыгодно хану; содержание элемента S irreal может восприниматься как S real»¹. Таким образом, в сказке, содержащей коммуникативный трюк, неизменно проигрывает тот, кто принимает ирреальный мир за реальный. В сущности, во всех трюковых сказках провокация – это умение показать выдуманный мир как действительно существующий.

В определенном смысле провокационное действие, как и в волшебной сказке, служит преодолением границы между реальным и ирреальным планами. Но, поскольку ирреальный план в трюковой сказке – это фикция, поверить в его реальность могут только чрезмерно доверчивые персонажи. В итоге трактовка реального и ирреального в трюковой сказке имеет серьезные отличия от волшебной сказки. Ирреальный план – это выдумка, принимать которую всерьез нельзя – это столь же глупо, как и смешно. Если волшебное время серьезно, то ирреальное время трюковой сказки пародийно и карнавалено.

Что касается реального плана, то под ним понимается жизнь как она есть – сложная, динамичная, многогранная стихия роста и изменений. Неоднозначность трюковой сказки – естественное следствие такого восприятия реальности: «В самом деле, если народные рассказы – как взятые целиком, так и по отдельным своим частям – моделируют факты и ситуации, встречающиеся в действительной жизни, то совокупность этих рассказов повторяет (в качестве модели) совокупность самих жизненных фактов и ситуаций. Но факты и ситуации, встречающиеся в жизни, могут быть и бывают самыми разными, они могут наблюдаться в разной связи друг с другом, могут оцениваться с разных сторон и уже по одному этому могут выглядеть в каждом из своих жизненных контекстов (а при отражении в фольклоре – в каждом из своих фольклорных контекстов) по-разному: то хорошими, то плохими; то нужными, то ненужными; то умными, то глупыми – одним словом, разными. И каждый раз, несмотря на все различия между собой, – совершенно правильными»².

В этой трактовке реальности, по-видимому, состоит кардинальное отличие трюковой сказки от волшебной. Реальность в волшебной сказке – это реальность упорядоченных социальных норм, не-

---

¹ Архипова А. С. , Довлетшин А. И., Козьмин А. В. О структуре коммуникативного трюка // Миф, символ, ритуал. Народы Сибири. М.: РГУ, 2008. С. 327-336. С. 330.

² Пермяков Г. Л. Вступительная статья // Проделки хитрецов. М.: Наука, 1977. С. 6 – 28. С. 23.

обходимость подчиняться жестким правилам. В ней все заранее определено и предсказуемо: любое отклонение должно быть компенсировано, герой должен отправиться в путь, добро должно победить и т.д. В трюковой сказке такой однозначности нет. Трикстер может победить, но может и проиграть. Е. М. Мелетинский пишет, что «тот же самый трюк иногда может удалиться или потерпеть фиаско в зависимости от более широкого контекста, в частности от социального фона»¹. При этом четкой закономерности между собственно характером трюка (то есть внутренними факторами, определяющими его) и его успехом нет.

Г.Л. Пермяков на материале сказок о состязаниях в разных культурах показывает, что в одном варианте сказки побеждает хитрость, в другом – сила, а в некоторых исход и вовсе остается неясным. На это основании он делает вывод, что эти «логические трансформы практически равноценны, т. е. ни один из них нельзя признать более правильным, чем другие»². Тем более это касается характера героя сказки, который нельзя описать при помощи только черно-белой палитры: «Трикстер – нарушитель запретов и низвергатель канонов, он всезнайка и обманщик, жертва и злодей одновременно. Он провоцирует, и сам страдает (иногда даже гибнет)»³.

Подобно тому, как Я. Э. Голосовкер, рассмотрев логику мифа, пришел к заключению, что мифологические образы трансформируются вплоть до полного исчерпания всех возможных смыслов, Пермяков показал логику соотношения смыслов в трюковых сказках, которая также замыкается в круг (он называет его «кольцом превосходства»). Каждый элемент в этой схеме одновременно и превосходит другой, и уступает другому. Поэтому герой попеременно выступает в разных ипостасях. В этом проявляется отличие трюковой сказки от волшебной, где герой на всем протяжении развития сюжета остается равным самому себе.

Жизнь ставит перед человеком вызовы, ответы на которые могут быть стандартными (как функции) или творческими (как трюки). Количество первых конечно, а вариантов вторых – несчетное множество. Трикстер воспринимает нормы как условности, которые можно и нужно нарушать ради достижения своих целей. Не случайно трюковая сказка получила широкое распространение на той стадии традиционного сознания, когда стремление к личному успеху стало

---

¹ Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М.: Наука, 1979. 230 с. С. 47.

² Пермяков Г. Л. Вступительная статья // Проделки хитрецов. М.: Наука, 1977. С. 6 – 28. С. 23.

³ Шерман Е. М. Журналист как трикстер // Топос. № 9. 2004. <http://www.topos.ru/article/2804>.

восприниматься как цель, более значимая, чем сохранение единства, необходимого для выживания. В какой-то мере трикстер – воплощение жизненной стратегии, противоположной стратегии буквалистского следования нормам.

Взятая в широком культурном контексте цель провокационной деятельности трикстера – не просто выигрыш в состязании с другим, а проверка норм на прочность, демонстрация их ограниченности: «Предметом провокаций трикстера выступают, как правило, не столько конкретные индивиды, сколько целостное понимание ситуации, ожидания и привычные действия людей. В этом плане трикстер – герой перформанса, актер, преодолевающий тотализирующее влияние формы, парадоксализирующий устойчивости во имя новых возможностей»¹.

Таким образом, реальность трюковой сказки – это изменчивая и многообразная жизнь, не укладывающаяся ни в какие определения и не сводящаяся к конечному набору норм. Провокация – это способ рефлексивного управления, при котором герой, учитывая слабые места соперника (трусость, самовлюбленность, жадность и т.д.), формирует мнимую реальность, которую соперник способен принять за истину. Если соперник оказывается излишне доверчивым, он начинает обслуживать чужие интересы, принимая их за собственные, но если «ранг рефлексии» соперника окажется выше, он способен повернуть провокацию против ее инициатора. В любом случае побеждает тот, кто оказывается достаточно гибким для того, чтобы выйти за рамки стереотипов и общепринятых мнений.

Провокация является одним из дестабилизирующих факторов, встроенных в систему передачи социокультурной информации. Она подталкивает людей к нарушению нормативного порядка, способствуя тем самым изменению и обновлению общества (примерно так же, как мутации способствуют биологической эволюции). С этой точки зрения провокацию можно назвать фактором расширенного воспроизводства социокультурных норм. Схожими механизмами генерирования сбоев при передаче нормативной информации являются смех, скандал и т.д. Поэтому в мифе результатом провокации нередко являются скандалы (классический случай представляет «Перебранка Локи»), а шутки, высмеивание, юмор создают провокационную атмосферу (образ трикстера в мифе часто обладает комическими чертами).

---

¹ Полонников А. А. Порядок учебных ситуаций в контексте кризисного эксперимента // Анализ образовательных ситуаций. Минск: БГУ, 2008. С. 136-178. С 172.

Архаическое сознание понимает как необходимость провокаций, так и их потенциальную опасность для сохранения социальной стабильности. Поэтому провокация изгнана из обыденной жизни: сфера ее действия жестко ограничена временем ритуала творения, праздника или разыгрывания/чтения мифа, то есть публичных регламентированных действий, где ее дестабилизирующую силу можно контролировать и использовать во благо (для развлечения, разрядки, но, прежде всего для придания культуре импульсов к развитию).

Отсылка к сакральному мифическому времени, в котором не было норм, с одной стороны, служила обоснованием легитимности использования провокаций, а, с другой стороны, указанием на ее потенциальную опасность. Это было связано, прежде всего, с амбивалентностью образа мифического времени в архаическом сознании, которое считалось эпохой не только изобильной и свободной, но также непредсказуемой и полной угроз.

В наиболее архаичных мифах действия по упорядочиванию мира и провокационные трюки были тесно связаны между собой, составляя единое синкретичное целое. Источником как одних, так и других являлся культурный герой. Однако на более поздних этапах начался процесс дифференциации, из-за которого провокация начала все сильнее противопоставляться упорядочиванию. Следствием этого разрыва стало выделение в отдельный образ трикстера, выступающего в качестве соперника культурного героя.

Десакрализация мифа привела к дальнейшей дифференциации понимания провокации. Мифы о культурном герое трансформировались в волшебные сказки, где провокатор получил характеристики вредителя. Мифы о трикстере были переосмыслены в трюковой сказке, где провокация подается как торжество жизни над ограниченными схемами.

В понимании провокации при переходе от мифа к сказке сохраняется определенная преемственность. Во всех случаях провокация служит средством перехода от повседневного времени ко времени, лежащему по ту сторону обыденности. Однако оба этих времени на разных этапах культурного развития понимаются по-разному.

В мифе основная функция провокации – символическое обновление мира, то есть она, снимая все нормативные напластования, обеспечивает прорыв от потускневшей обыденности к ярким краскам изначальной реальности. В волшебной сказке провокация выполняет функцию разрушения нормативного социального мира, обеспечивая переход от нормального времени ко времени волшебному, которое, однако, уже воспринимается не в качестве реальности, а в качестве художественной условности. В трюковой сказке прово-

кация – это путь к достижению индивидуального успеха, в ходе которого реальная и многообразная жизнь торжествует над ограниченными социальными условностями и стереотипами.

Изменение представлений о провокации демонстрирует общую динамику культурных изменений: от первобытного синкретизма, когда источники «сбоев» были инкорпорированы в единую систему механизмов трансляции социокультурного кода, до их более поздней дифференциации, отображенной в различиях между волшебной и трюковыми сказками. Одним из следствий развития этой тенденции к дифференциации стало закрепление «права на провокацию» в искусстве как сфере творческой деятельности художника и механизме обновления культуры.

Библиография

1. Субботина Н. Д. Социальная эволюция и поведение человека: Диалектика естественного и социального, сохранения и развития. М.: URSS. 2014.
2. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.
3. Кереньи К. Трикстер и древнегреческая мифология // Радин П. Трикстер: Исследование мифов североамериканских индейцев. СПб: Евразия. 1999.
4. Гаврилов Д.А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. М.: Социально-политическая мысль, 2006.
5. Мелетинский Е. М. Категории мифических героев // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
6. Морозова Е. А. Провокативность как метод социально-психологического воздействия (на примере авангардного искусства) // Социально-психологические проблемы образования: Вопросы теории и практики. Ч. 2. М.: МГППИ, 2001.
7. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973.
8. Новик Е. С. Структура сказочного трюка // От мифа к литературе. М.: РГГУ, 1993.
9. Архипова А. С., Довлетшин А. И., Козьмин А. В. О структуре коммуникативного трюка // Миф, символ, ритуал. Народы Сибири. М.: РГГУ, 2008.
10. Пермяков Г.Л. Вступительная статья // Прodelки хитрецов. М.: Наука, 1977.
11. Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М.: Наука, 1979.
12. Пермяков Г.Л. Вступительная статья // Прodelки хитрецов. М.: Наука, 1977.

13. Шерман Е.М. Журналист как трикстер // Топос. № 9. 2004.
<http://www.topos.ru/article/2804>.

14. Полонников А.А. Порядок учебных ситуаций в контексте кризисного эксперимента // Анализ образовательных ситуаций. Минск: БГУ, 2008.

РЕЦЕНЗИИ

---

*ФРОЛОВ Сергей Станиславович,
д. соц. наук, профессор кафедры
«Социологии» МГИМО-Университета
info@журналпоиск.рф*

Востребованность социологической диагностики неопределенностей/ The demand for sociological diagnostic uncertainty

Рецензия

на книгу: Кравченко С.А. Социологическая диагностика рисков, уязвимости, доверия: учебное пособие / С.А. Кравченко; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. социологии; Ин-т социологии РАН. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 431 с.

Ныне Россия и мир сталкиваются с усложняющейся социокультурной динамикой социума, невиданными ранее турбулентностями природы и климата. Отнюдь не случайно проблематика вызовов рисков и уязвимостей, а также доверия, столь необходимого для адаптации к жизнедеятельности в этих реалиях, находится в центре внимания современной социологии. Назовем лишь некоторые из работ российских [Зубок, 2007; Яницкий, 2003] и зарубежных ученых [Lupton, 2013; Штопка, 2008; Фукуяма, 2008]. С.А. Кравченко также внес вклад в исследование риска и безопасности, создав учебник, адресованный для бакалавров [Кравченко, 2016].

Рецензируемое учебное пособие предназначено для подготовленного читателя, прежде всего для студентов-магистрантов, ранее получивших базовые знания по социологии риска и безопасности. Как отмечает автор, «основной целью учебного пособия является то, чтобы в концентрированной форме изложить суть теоретико-методологического инструментария диагностики риска, уязвимости, доверия в контексте того, как на их конкретное содержание влияют ускоряющаяся и усложняющаяся социальная и культурная динамика, особенно процессы глобализации, имеющие свою специфику

в локальном контексте» [Кравченко, 2016а: 8]. Вместе с тем, учебное пособие задумано и реализуется как комплекс знаний, соединяющий другие курсы по специальности «социология». В частности, эти знания реализуются в таких базовых курсах, как классические социологические теории [Кравченко, 2014], новые и новейшие социологические теории [Кравченко, 2014а], а также социология управления, социология организаций, социология политики, социология культуры и другие. Таким образом, автор представленного учебного пособия создал весьма универсальный и актуальный учебный продукт.

Следует отметить, что представленное учебное пособие составляет весьма эффективный комплекс знаний, который в методологическом отношении базируется на авторских концепциях «стрелы времени» научного знания [Кравченко, 2015] и «гуманистическом повороте» [Кравченко, 2013]. При этом весьма удачно сочетаются и интерпретируются различные современные теоретические исследования в области социологии рисков. Так, обращает на себя внимание творческая авторская разработка теории рисков У. Бека в контексте раскрытия их динамики при переходе от «общества риска» [Бек, 2000] к реалиям «мирового общества риска», суть которых сводится к следующей формуле: «глобальный риск есть инсценирование реальности глобального риска» [Бек, 2010: 10]. Осуществляется диагностика специфики новейших рисков в сравнении с рисками индустриального и рефлексивного модернов через призму поворотов социологии к естественным и гуманитарным наукам. Авторский акцент на постулаты гуманистического поворота позволяет не только диагностировать риски, но и осуществлять поиск новых форм гуманизма, ориентированных на его экзистенциальные потребности человека. Все это формирует у студентов социологическое воображение, а также придает данному учебному пособию хорошую современную методологическую основу.

Весьма продуктивным следует признать соединение проблематики рисков и уязвимостей с достижением доверия со стороны представителей различных социальных общностей. Ныне доверие превращается в важнейший фактор эффективной жизнедеятельности. Этой проблеме посвящены шесть тем, в которых, в частности, рассматриваются природа доверия, первые и новейшие подходы к его диагностике, типы и разновидности доверия, появившиеся в современном обществе.

Подача материала хорошо методически построена, выверена. Содержание теоретической части и практических занятий согласованы и интегрированы в единый эффективный учебный курс. К до-

стоинства методики относится и то, что учебное пособие имеет характер справочника. По каждой теме изучения систематизирована основная социологическая лексика. Заинтересованный читатель может углубить знания в отношении конкретного термина, воспользовавшись справочными изданиями автора [Кравченко, 2011; 2012]. Справочный характер учебного пособия проявляется и в наличии именного указателя.

Пособие предполагает проведение семинарских занятий посредством активных форм в виде дискуссий и круглых столов. Вынесенные на них вопросы позволяют не только закрепить теоретический материал, но и подойти к осмыслению практических проблем рисков, уязвимостей, доверия, с которыми мы сталкиваемся в нашей повседневной жизни. Все это создает у будущих магистров новое видение социологического знания, соединяющее в себе научные и практические основы деятельности современного социолога.

В целом можно сказать, что учебное пособие «Социологическая диагностика рисков, уязвимостей и доверия» подготовлено на высоком профессиональном уровне, совокупность знаний и навыков в отношении преподавания данного курса может считаться лучшим в условиях преподавания социологии в современной России.

Библиография

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс–Традиция, 2000.
2. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007.
3. Кравченко С.А. Социология риска и безопасности: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. – 302 с.
4. Кравченко С.А. Социологическая диагностика рисков, уязвимостей, доверия. М.: МГИМО-Университет, 2016. – 431 с.
5. Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. Монография. М.: МГИМО-Университет, 2015. – 342 с.
6. Кравченко С.А. Социология в 2-х т. Т.1. Классические теории через призму социологического воображения. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. – 584 с.
7. Кравченко С.А. Социология в 2-х т. Т.2. Новые и новейшие социологические теории через призму социологического воображения. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. – 636 с.

8. Кравченко С.А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика, 2013. № 1.
9. Кравченко С.А. Социологический толковый англо-русский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2012.
10. Кравченко С.А. Словарь новейшей социологической лексики (с английскими эквивалентами). М.: МГИМО-Университет, 2011.
11. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ Москва, 2008.
12. Штомпка П. Доверие – основа общества: пер. с польск. М.: Логос, 2008.
13. Яницкий О.Н. Социология риска. М.: Издательство LVS, 2003.
14. Beck, U. World at Risk. Cambridge: Polity Press. 2010.
15. Lupton, D. Risk. L. and N.Y.: Routledge, 2013.

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ¹

LXIX Международная научно-практическая конференция "Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история". Проводит 9 января 2017 года АНС «СибАК».

LVIII Международная заочная научно-практическая конференция "Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории". Конференция состоится 13 января 2017 года в Москве.

LXI Международная заочная научно-практическая конференция "Научная дискуссия: инновации в современном мире". Проводится 13 января 2017 года Международным центром науки и образования.

XLII Международная научно-практическая конференция "Наука вчера, сегодня, завтра". Материалы для участия в конференции принимаются до 18 января 2017 года.

III Международная заочная научно-практическая конференция "Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия". Материалы для участия принимаются до 19 января 2017 г. Рассылка сборников, отписок и сертификатов: 9 января 2017 г.

LXIX Международная научно-практическая конференция "Экономика и современный менеджмент: теория и практика". Окончание срока приема материалов для участия в конференции - 11 января 2017 года.

Международная научно-практическая конференция "Русская революция 1917 года в современной гуманитарной парадигме. XXII Шешуковские чтения". Заявки на участие в конференции необходимо направить до 15 января 2017 г. Конференция состоится 1-2 февраля 2017 года в Московском педагогическом государственном университете.

---

¹ Подробности на сайте: <http://www.kon-ferenc.ru>.

Международная конференция молодых ученых "Антропология времени". Желаящим принять участие в конференции необходимо до 15 января 2017 г. заполнить форму и тезисы. Проводит 6–7 марта 2017 года Центр типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета.

Общероссийская теоретическая конференция "Актуальные проблемы научной философии". Срок представления статей – до 31 января 2017 г. Конференцию проводит 20 – 21 апреля 2017 года кафедра философии Пермского государственного национального исследовательского университета.

III Международная заочная научно-практическая конференция "Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия". Материалы для участия принимаются до 19 января 2017 г. Рассылка сборников, оттисков и сертификатов: 9 января 2017 г.

Коллективная монография "Вопросы современной науки". Последний день подачи заявки: 30 января 2017 г

XXIV Международная заочная научно-практическая конференция "Молодой ученый: вызовы и перспективы". Последний день подачи заявки: 30 января 2017 г.

LXVIII Международная научно-практическая конференция "В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии". Материалы для участия принимаются до 11 января 2017 года.

Международная конференция молодых ученых "Антропология времени". Желаящим принять участие в конференции необходимо до 15 января 2017 г. заполнить форму и тезисы. Проводит 6–7 марта 2017 года Центр типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета.

III Международная заочная научно-практическая конференция "Научный форум: филология, искусствоведение и культурология". Материалы для участия принимаются до 19 января 2017 г. Публикация на сайте статей, сертификатов, сборника: 26.01.2017. Рассылка сборников, оттисков и сертификатов: 09.02.2017.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи просим оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи не должен превышать 10–12 стр.** Формат страницы – А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полуторный. Отступ первой строки абзаца – 1,25, поля на странице – 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски – постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. Все **знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы размечаются и поясняются на полях рукописи.** Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации встраиваются непосредственно в текст статьи.** Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки – подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее – на иностранном), он дается в конце статьи.

6. К статье прилагается ее **электронная версия.**

По электронной почте статьи принимаются в заархивированном виде.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук). С порядком рецензирования можно ознакомиться на сайте журнала.

К статье обязательно прилагаются:

– **аннотация** (резюме) объемом 15–20 строк на русском и английском языках;

– **список 3–4 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

– **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, **должность, ученая степень, а также** данные для связи с автором – адрес, номера телефонов (служ., дом., моб.), электронный адрес.

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются, редакция по поводу отклоненных материалов в переписку с авторами не вступает.

С содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте журнала в Интернете:

<http://www.журналпоиск.рф>

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура
Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 6 (59)
Ноябрь-Декабрь 2016 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции.

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный университет путей сообщения
Императора Николая II»

Издатель

МГУПС (МИИТ)

Издание зарегистрировано

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетель-
ство о регистрации ПИ № ФС 77 – 58210
от 05 июня 2014 года.

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.

Выходит 6 раз в год.

Цена свободная.

Адрес редакции

Тел.: +7 (499) 394-30-48

Для простых почтовых отправлений:
127994, г. Москва, ул. Образцова д.9 стр.9.

E-mail: info@журналпоиск.рф

Сайт в интернете: www.журналпоиск.рф